

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІІІ.

1887.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екаторининскаго *кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	1
В. А. Вильбасовъ. Первые политическія письма Екатерины II	1
В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи (продолженіе).	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Франца Миклошича. В. IV. М. 1896	154
И. М. М—въ. Монастыри въ Россійской имперіи. В. В. Зетрипскій. С.-П. 1887	159
— Книжныя повести	163
— Наша учебная литература (разборъ 15 книгъ)	1

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А. И. Бирничниковъ. Двѣ недѣли на островъ Халки	1
П. И. Броуновъ. Письма изъ-за границы. IV—V.	9

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

© E. <u>Loev</u> . Quaestiones Theognidaeae.	1
--	---

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го сентября).

ПЕРВЫЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II.

Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всё еще ее письма, указы, резолюціи и записочки изданы, а между тѣмъ число обнародованныхъ уже превышаетъ десять тысячъ листовъ, ею писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ. Къ числу не изданныхъ относятся и ее первыя политическія письма, которыя были писаны ею еще въ качествѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны и имѣли такое рѣшительное вліяніе какъ на судьбу многихъ лицъ въ Россіи и за ее предѣлами, такъ и на политическія соображенія даже такого „просвѣщеннаго деспота“, какъ Фридрихъ II. Подлинники этихъ писемъ еще не отысканы; они сохранились или въ копіяхъ, всегда лишь болѣе или менѣе достовѣрныхъ, или въ пересказѣ, рѣдко достигающемъ точности подлинника. Не подлежитъ сомнѣнію только время ихъ написанія—первыя политическія письма Екатерины относятся къ началу Семилѣтней войны.

Семья европейскихъ государствъ пополнилась въ началѣ XVIII столѣтія двумя новыми членами—Прусскимъ королевствомъ, созданнымъ изъ курфюршества Бранденбургскаго, и Россійскою имперіею, выросшею изъ Московскаго царства. И Прусское королевство, и Русская имперія народились совершенно естественнымъ ростомъ, который обуславливался ихъ географическимъ положеніемъ и экономическими условіями. Современники этого роста не сознавали его естественнаго хода; будучи творцами его, они преслѣдовали только ближайшія цѣли, упуская изъ вида наиболѣе глубокія причины и не обращая вниманія на отдаленнѣйшія послѣдствія. Первый король Прусскій, называвшій перваго Русскаго императора своимъ лучшимъ другомъ (*mon meilleur ami*), съ безпокойствомъ взиралъ на усиленіе

Россіи: „j'aime les amis forts“, говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ I, — „mais non les voisins puissants“. Едва сошли въ могилу оба эти „лучшія друзья“, какъ ихъ дѣти, Фридрихъ II и Елизавета Петровна, помѣнялись ролями, и уже русская императрица съ тревогою смотритъ на усиленіе Пруссіи: дочь Петра I признаетъ Пруссію „наисильнѣйшимъ сосѣдомъ, а потому натурально и наипасибѣйшимъ“. Это взаимное недовѣріе, весьма понятное и естественное, скоро привело оба государства къ кровавому столкновенію.

Исторія Семилѣтней войны еще не написана. Старательно собраны и тщательно разработаны только матеріалы, касающіеся участія германскаго элемента—преимущественно прусскіе, австрійскіе, саксонскіе; матеріалы французскіе и англійскіе изданы еще не вполне; что же касается русскихъ, то обработка ихъ только что началась, благодаря трудамъ полковника генеральнаго штаба Масловскаго, издавшаго въ прошломъ году первый томъ своего обширнаго изслѣдованія объ участіи русской арміи въ Семилѣтнюю войну ¹⁾. Судя по первому тому, можно предположить, не опасаясь впасть въ грубую ошибку, что русскіе матеріалы представляютъ въ совершенно новомъ свѣтѣ какъ многіе факты самой войны, такъ и отношенія Россіи къ другимъ державамъ, преимущественно же къ Пруссіи. Въ такомъ новомъ свѣтѣ представляются теперь, между прочимъ, и первыя политическія письма Екатерины ²⁾, вытекавшія изъ особыхъ отношеній Елизаветы Петровны къ Фридриху II.

Трудно себѣ представить двухъ современныхъ государей болѣе противоположныхъ, чѣмъ императрица Елизавета Петровна и король Фридрихъ II.

Дочь Екатерины Савронскихъ, Елизавета Петровна унаслѣдовала отъ своихъ родителей чрезвычайно красивую внѣшность. Стройная, съ густою каштановою косою и темными бровями, отбѣнявшими большіе голубые глаза, съ привлекательною улыбкою, легко переходившею въ шаловливый смѣхъ, выказывавшій строй бѣлыхъ зубовъ, всегда привѣтливая съ чужими, ласковая съ близкими, живая, любезная, веселая, Елизавета Петровна производила чарующее впечатлѣніе на мужчинъ. Враждебно относившійся къ царевнѣ

¹⁾ Русская армія въ Семилѣтнюю войну. I. Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Москва. 1886.

²⁾ „Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, январь.

Елизаветѣ Петровнѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа называлъ ея красоту сверхестественною (*magavilla*). Во всей фигурѣ Фридриха II было что-то отталкивающее; острый носъ и впамя глаза съ ихъ пронизывающимъ взглядомъ производили хищническое впечатлѣніе; его высокомеріе, граничившее съ презрѣніемъ ко всѣмъ окружающимъ, не вселяло довѣрія къ нему, и не смотря на то, его свѣтлый умъ, легко разбиравшійся въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, его проницательный взглядъ, предусматривавшій отдаленнѣйшія послѣдствія всѣхъ дѣйствій, и его настойчивый характеръ, преслѣдовавшій до конца разъ поставленную цѣль, невольно приковывали къ нему и подчиняли его сильной волѣ. Трудно пересчитать всѣ проекты брачныхъ союзовъ, составлявшіеся ради Елизаветы Петровны, всѣхъ искателей ея руки и счастливецъ, ею избранныхъ. Еще ребенкомъ, она была уже предметомъ брачнаго проекта съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV, потомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и съ Кондѣ, герцогомъ Бурбонскимъ; за женихами-французами выступаютъ претенденты нѣмцы—принцъ Карлъ Августъ, епископъ Любскій, Курляндскій герцогъ Фердинандъ, принцъ Морицъ Саксонскій, принцъ Фридрихъ Зулбахскій, маркграфъ Карлъ Бранденбургъ-Байрейтскій и даже принцъ Петръ Виронъ; просилъ руки Елизаветы Петровны и донъ Мануэль, инфантъ Португальскій. Отъ иностранцевъ не отставали русскіе: императоръ Петръ II, влюбленный въ свою красавицу-тетку, близкій къ императору князь И. А. Долгоруковъ, не говоря уже о князѣ А. А. Меншиковѣ. Счастливые всѣхъ этихъ претендентовъ и искателей оказались избранныки самой Елизаветы Петровны—первый „рабъ ея сердца“ гвардеецъ А. В. Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубицъ, конюхъ Адрианъ Вожжинскій, пажъ Лялинъ, пѣвчій А. Г. Разумовскій, камергеръ И. И. Шуваловъ и, можетъ быть, другіе. Какъ все это не похоже на бракъ Фридриха II, противъ его воли, единственно по приказанію отца, съ несимпатичною принцессой Христиной Брауншвейгъ-Бевернской! Все образованіе Елизаветы Петровны ограничивалось разговоромъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ она, видя примѣры циническаго разврата и полного разгула, скоро пристрастилась къ „бархатному пивцу, да сладкому меду, да праздничной бражкѣ“; Фридрихъ II же, пройдя суровую школу деспота-отца, любилъ ученую бесѣду Шазэ и Фуке, Бильфельда и Кнобельсдорфа, Иордана, Зума и др., переписывался съ Вольтеромъ и, кромѣ зейдела пива, не переносилъ никакихъ горячительныхъ напитковъ. Какъ и Фридрихъ II,

Елизавета Петровна много терпѣла отъ предержавшей власти — отъ Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, отъ Меншикова и Долгорукова, отъ Бирона и Остермана; но какая разница: Елизавету Петровну хотѣли только заточить въ монастырь и она, избѣгая неприятели, удалилась въ свою Александровскую Слободу, гдѣ, въ мужскомъ костюмѣ, который такъ шелъ къ ней, полевала въ обществѣ любимица Шубина или водила хороводы съ сельскими дѣвками; то „безъ стыда продѣлывала вещи, которыя заставляли краснѣть даже наименѣ скромныхъ“, то „горячо молилась передъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы“. Фридрихъ II, послѣ заточенія въ Кюстринской крѣпости и въ тюрьмахъ Кепеника и Берлина, уединился въ свой Рейнсбергъ, гдѣ окружилъ себя учеными, обложился книгами, задумывался надъ „*Système du gouvernement*“, писалъ „*Anti-Machiavel*“ и изрѣдка, подражая модѣ, изощрялся въ богохульствѣ. Когда отецъ потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ правъ на престолъ въ пользу своего брата, Фридрихъ, зная взглядъ отца на супружескую вѣрность, отвѣчалъ: „Согласенъ, если отецъ объявитъ публично, что я не его законный сынъ“. Когда же Елизаветѣ Петровнѣ предлагали корону, ради которой Анна Ивановна послѣшила изъ Митавы въ Москву, цесаревна не захотѣла сдѣлать и одного шага, чтобы поддержать свои права, и нужно было десять лѣтъ несносныхъ преслѣдованій и мелочныхъ неприятели отъ двухъ женщинъ, мстившихъ ей за красоту, чтобъ она рѣшилась идти въ казармы и возмущать солдатъ противъ властей, которымъ сама же присягала ¹⁾).

Два раза, въ самые рѣшительные для Фридриха II моменты, и оба раза совершенно невольно, Россія благопріятствовала успѣхамъ прусской политики: въ 1740 году, когда вѣсть о смерти Анны Ивановны дала Фридриху II, по его собственному сознанію, послѣдній толчекъ къ зачатію Силезіи, и въ 1761 году, когда смерть Елизаветы Петровны избавила Фридриха II отъ всѣхъ злосчастныхъ для него послѣдствій Семилѣтней войны. Въ промежутокъ этихъ двадцати лѣтъ, во все время царствованія Елизаветы Петровны, Фридрихъ II постоянно и зорко слѣдилъ за Россією, безуспѣшно стараясь склонить ее въ пользу прусскихъ интересовъ.

Въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1746 году, Фридрихъ II совѣтовалъ своимъ преемникамъ „дружбу“ съ Россією, такъ какъ

¹⁾ Государственный архивъ, II, ММ 38 и 51.

„Россія, по своему положенію и могуществу—опаснѣйшій изъ всѣхъ сосѣдей“, при чемъ онъ высказывалъ въ то же время желаніе, чтобы „Россія никогда не вѣшпивалась въ нѣмецкія дѣла: самое лучшее—оставить медвѣдя въ его берлогѣ и не давать ему даже замѣтить, что въ немъ нуждаются или его боятся“¹⁾. Вскорѣ, однако, онъ убѣдился, что Россія можетъ вмѣшаться не только въ нѣмецкія, но даже въ прусскія дѣла: въ ночь на 4-е октября 1746 года, въ Берлинѣ былъ арестованъ „русскій шпіонъ“, бумаги котораго раскрыли „тактику русскаго двора“ относительно Пруссіи и Прусскаго короля.

Иванъ Ферберъ, изъ старой данцигской фамиліи, дезертировалъ изъ датской военной службы, женился на извѣстной всему Гамбургу комедіанткѣ, былъ прусскимъ резидентомъ въ Данцигѣ и съ 1740 года проживалъ въ Берлинѣ, въ собственномъ домѣ. Вслѣдствіе доноса, онъ былъ арестованъ, въ домѣ его произведенъ обыскъ, и изъ захваченныхъ бумагъ выяснилось, что онъ велъ переписку съ „русскими дипломатами и эмиссарами“. Въ числѣ бумагъ оказались, между прочимъ, „ein scandaleuses Epigramma gegen Seine Königlichen Majestät“ и двѣ рукописи преступнаго содержанія; въ одной, писанной еще въ 1744 году — Schreiben eines Freundes an einen Russischen Biedermann—Россіи совѣтуется „занять Восточную Пруссію и тѣмъ не только обрѣзать крылья слишкомъ ужъ воспарившему сосѣду, но и усугубить свою славу, честь и уваженіе во всемъ мірѣ“; въ другой, позднѣйшей, указываются даже способы войны съ Пруссіей: „утомлять и обезпокоивать прусскія войска нерегулярною русскою конницею, главное же, избѣгать генеральнаго сраженія“. 22-го октября, въ 9 часовъ утра, въ Спандау, Ферберъ былъ обезглавленъ²⁾.

Въ 1747 году была заключена англо-русская субсидная конвенція, угрожавшая Пруссіи; въ 1750 году, русскій представитель Гроссъ поспѣшно (brusquement) покинулъ Берлинъ и дипломатическія сношенія Россіи съ Пруссіей были прерваны.

Для Фридриха II стало очевиднымъ, что медвѣдя въ берлогѣ не удержатъ, и онъ началъ изыскивать мѣры къ возможно большому

¹⁾ Polit. Corresp. Friedrichs, V, 11.

²⁾ Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II 194. Этотъ эпизодъ впервые теперь обнаруженъ исключительно по прусскимъ бумагамъ; къ нему должно относиться крайне осторожно. Для насъ онъ имѣетъ значеніе потому только, что самъ Фридрихъ II придавалъ ему особенную важность, что видно какъ изъ быстроты слѣдствія и суда, оконченныхъ съ 4-го по 22-е октября, такъ и изъ строгости приговора.

ослабленію, если не къ полному устраненію надвигавшагося съ востока удара. Въ числѣ такихъ мѣръ, на первомъ планѣ, стоялъ союзъ съ Англіею.

Дорого заплатилъ Фридрихъ II за Вестминстерскій договоръ 5-го января 1756 года. Это былъ капитальный промахъ¹⁾, подобнаго кото-

¹⁾ Нѣмецкіе историки, долгое время видѣшіе въ Вестминстерскомъ договорѣ „мастерской маневръ“ Фридриха II, начинаютъ уже сознавать, что это „великое намѣреніе“ (das grosse Dessen) было довольно грубою ошибкою; но все еще стараются такъ или иначе свалить съ большой головы на здоровую, лишь бы оправдать „великаго короля“. Такъ, Bernhardt, въ своемъ сочиненіи „Friedrich II und der Beginn des siebenjährigen Krieges“, говоритъ: „Einer der vornehmlichsten Gesichtspunkte Friedrichs bei dem Vertrage mit England bestand gerade darin, sich durch denselben gegen das mit dieser Macht befreundete Russland zu sichern. Man wird selbst bei Friedrichs Scharfblick diesen Irrthum wohl begreifen können, indem es ohne Zweifel zu den schwierigsten Aufgaben eines Staatsmannes gehört, eine Politik richtig zu schätzen, deren Mittelpunkt die Laune und Reizbarkeit eines Weibes bilden, und deren Organe sich vor allem von der Rücksicht auf die Höhe der zu ihrer Bestechung verwendeten Geldsumme leiten lassen“ (Hist. Zeitschr., XII, 50). О „напривахъ“ Елизаветы Петровны въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи—можно только, зная ея характеръ, удивляться, напротивъ, выдержкѣ; что же касается подкуповъ, то они въ то время лишь облегчали дипломатическіе ходы—самъ же Фридрихъ II находилъ, что для успѣха нужно только „faire entrer un âne chargé d'or à Petersbourg“ (Polit. Corr., I, 91). Иначе смотрятъ на этотъ договоръ Max Duncker, „Der siebenjährige Krieg“: „Der Entschluss des Königs war richtig, insoweit es darauf ankam, den Weg zu betreten, der möglicherweise den Frieden in Deutschland erhalten konnte, insoweit es die vornehmste Aufgabe war, wenigstens einen der Gegner (England) zu entwaffnen. Falsch hatte der König gerechnet, soweit er glaubte durch die Verbindung mit England auch Russland und Oesterreich, mindestens aber Russland, entwaffnen zu können. Er überschätzte die finanziellen Verlegenheiten Russlands und noch mehr die Oesterreichs; er überschätzte den Einfluss Englands in Wien und noch mehr dessen Einfluss in Petersburg. Er wusste nicht, wie eng, wie solidarisch Oesterreich und Russland verbunden waren, noch weniger, in welchem Masse Kannitz den Hof von Paris gewonnen hatte“ (Hist. Zeitschr., XIX, 157). Удивительная логика: если Вестминстерскимъ договоромъ „обезоруживался одинъ противникъ, Англія“, то имъ же вооружался новый — Франція. Вѣдь договоръ былъ подписанъ въ январѣ 1756 г., а еще въ 1754 г. французскіе колонисты Канады и Луизианы своими еортами по оксау, Орго и Миссисипи возбуждали англійскихъ колонистовъ, и 28-го мая майоръ Георгъ Вашингтонъ одержалъ первую побѣду; послѣ столкновенія въ водахъ Ньюоундленда, 8-го іюня 1755 г., англійскаго и французскаго флотовъ не могло быть уже сомнѣнія, что союзники Англіи будутъ признаны Франціей за своихъ враговъ, и на оборотъ. Если, наконецъ, ошибочный взглядъ на русскій дворъ и можетъ быть объясненъ отсутствіемъ прусскаго представителя (Preussen hatte zu jener Zeit keinen Gesandten an dem Petersburger

рому Фридрихъ II никогда не дѣлалъ ни прежде, ни послѣ: этимъ договоромъ число враговъ его не уменьшилось, такъ какъ мѣсто Англіи заняла теперь Франція, врагъ, къ тому же, болѣе опасный, и не увеличилось число друзей—Россія, какъ была, такъ и осталась союзницей Австріи, а не Пруссіи; но злѣйшій врагъ Фридриха, Австрія, послѣ Версальскаго договора, бывшаго роковымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ договора Вестминстерскаго, получила новую силу и значеніе. Извѣстіе о Вестминстерскомъ договорѣ произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное для Фридриха впечатлѣніе, между тѣмъ какъ онъ рассчитывалъ именно на Россію: Фридрихъ рассчитывалъ, что при помощи англо-русскаго субсиднаго договора Англіи не только удержитъ Россію отъ союза съ Австріею, но вовлечетъ ее вполне въ сферу прусскихъ интересовъ, и просчиталъ—результатъ получился прямо противоположный. Именно: извѣстіе о Вестминстерскомъ договорѣ пришло въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ ратификаціи русско-англійскаго субсиднаго договора и вызвало знаменитую секретнѣйшую декларацію, *déclaration secretissime*, въ которой Елизавета Петровна категорически заявила, что субсидный договоръ заключенъ ею именно противъ Пруссіи ¹⁾. Когда Митчель, англійскій посланникъ, представилъ Фридриху эту декларацію, король „молча прочелъ ее и совершенно спокойно замѣтилъ, что эта декларація дѣлаетъ субсидный договоръ съ Россіею бесполезнымъ“ ²⁾, а вѣдь на субсидномъ-то договорѣ покоился, между прочимъ, и Вестминстерскій договор!

Сравнительно удачнѣе была вторая мѣра Фридриха II относительно Россіи—приобрѣтеніе сочувствія молодого русскаго двора, великаго князя Петра Θεодоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны. Эта мѣра привела, въ концѣ концовъ, къ желанной цѣли, но помимо

Ноте), если прусскій посланникъ въ Вѣнѣ „не доросъ“ (Keith in Wien Kaunitz in keiner Weise gewachsen war), то, вѣдь, Книппгаузенъ въ Парижѣ былъ цѣлою головою выше современныхъ ему дипломатовъ.

¹⁾ Sa Majesté Impériale déclare par ces présentes et se tient à ces termes précis, savoir que le cas de la diversion à faire, à laquelle Sa Majesté Impériale s'est engagé par la convention qui vient d'être ratifiée, ne peut et ne doit exister que lorsque le roi de Prusse attaquera les états de Sa Majesté le roi de la Grande Bretagne ou ceux de ses alliés (British Museum in London).

²⁾ I put the Russian declaration into His Majesty's hands, which he read over unmoved and observed with great calmness that it made our treaty with Russia quite useless. Polit. Corr. XIII, 35.

воли Фридриха II, вслѣдствіе дружбы англійскаго посла въ Петербургѣ, сэра Чарльза Гэнбури Уильямса, съ польскимъ графомъ Станиславомъ Понятовскимъ, близкимъ человѣкомъ къ молодому двору, особенно къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

По словамъ Фридриха II, онъ „всячески старался пріобрѣсть дружбу Россіи“. Однимъ изъ самыхъ раннихъ поводовъ къ этому послужилъ выборъ невісты для великаго князя Петра Θεодоровича. Вотъ какъ самъ Фридрихъ II разказываетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ:

„Для обезпеченія престолонаслѣдія, императрица Елизавета задумала женить великаго князя, своего племянника. Болѣе другихъ невісты императрицѣ нравилась сестра Прусскаго короля принцесса Ульрика; саксонскій же дворъ домогался, чтобъ выборъ палъ на дочь Саксонскаго короля принцессу Маріанну. Въ интересахъ Пруссіи слѣдовало во что бы ни стало воспрепятствовать такому союзу Россіи съ Саксоніей, не жертвуя, однако, для этого прусскою принцессою. Выходъ изъ этого положенія былъ найденъ. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, достигшихъ къ этому времени брачнаго возраста, принцесса Софія Ангальтъ-Цербстская представлялась наиболѣе пригодною какъ для Россіи, такъ и для интересовъ Пруссіи: отецъ ея былъ фельд-маршаломъ въ арміи Прусскаго короля; мать ея, изъ Голштинскаго рода, приходилась теткою русскому великому князю. Для устройства этого брака потрачено такъ много хлопотъ, какъ будто это было дѣло величайшей важности. Этимъ бракомъ утверждалась безопасность Пруссіи: русская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ прусскихъ земляхъ, обязанная своимъ счастіемъ Прусскому королю, должна, изъ чувства благодарности, держать его сторону“¹⁾.

Хлопотъ, дѣйствительно, было много. Саксонская партія при петербургскомъ дворѣ была сильна; за принцессу Маріанну былъ гр. Бестужевъ-Рюминъ, близкій совѣтникъ Елизаветы Петровны; противъ принцессы Софіи были и Бестужевъ-Рюминъ, и православное духовенство. Бестужевъ внушалъ, между прочимъ, Елизаветѣ Петровнѣ, что принцесса Софія, перемѣнивъ вѣру, „никогда не будетъ истинно православною“²⁾—доводъ довольно слабый, именно потому, что былъ пригоденъ и для жениха, уже объявленнаго наслѣдникомъ престола. Важнѣе былъ вопросъ о кровосмѣшеніи (*la proximité du sang*) и по-

¹⁾ *Herrmann*, Geschichte des Russischen Staates, V, 76.

²⁾ *La princesse ne seroit jamais bien grecque. Polit. Corr. III, 191.*

тому уже, что противникомъ Софіи выступилъ архіепископъ Новгородскій. Фридрихъ II устранилъ и это затрудненіе: его посланникъ въ Петербургъ, баронъ Мардефельдъ, посоветовалъ „предложить архіепископу тысячу рублей съ обѣщаніемъ въ случаѣ успѣха, утронить взятку (tripler la dose), если архіепископъ заявитъ императрицѣ, какъ бы по собственному побужденію, что онъ, старательно перелистывая всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и взвѣсивъ всѣ ихъ доводы, ясно увидѣлъ, что этотъ бракъ не противорѣчитъ канонамъ греческой церкви“¹⁾. Улаживая столь серьезные вопросы, Фридрихъ II въ то же время настаиваетъ, чтобъ принцессу Софію заранѣе приучали къ придворнымъ манерамъ²⁾. Все шло хорошо, и принцесса Софія жила уже съ матерью въ Москвѣ, обласканная Елизаветою Петровною, въ качествѣ невѣсты наследника престола, какъ вдругъ невѣста захворала, и на столько опасно, что сторонники саксонской принцессы возрадовались, а гр. Вестужевъ-Рюминъ „открыто“ ликовалъ, увѣренный, что принцесса Софія умретъ³⁾. Все, однако, уладилось къ полному удовольствію Фридриха II и 21-го августа 1745 года Цербстская принцесса Софія стала великою княгиней Еваториной Алексѣевной.

Пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, хотя и „toute faite“, могли остаться неизвѣстны всѣ эти „хлопоты“ Фридриха II; въ Москвѣ же, на глазахъ противной партіи, отъ нея, конечно, тщательно скрывали всѣ эти услуги Прусскаго короля. Но при ней ея мать, княгиня Елизавета Цербстская, вся преданная интересамъ Фридриха II, вѣрный другъ „своего благодѣтеля“⁴⁾—она все раскроетъ дочкѣ, и, выросшая въ интригахъ, пронырливая до назойливости, вселитъ русской великой княгинѣ тѣ чувства къ Фридриху II, которыхъ онъ домогался.

Въ началѣ, не имѣя еще точныхъ свѣдѣній о великомъ князѣ Петрѣ Федоровичѣ, Фридрихъ II поручалъ своему представителю въ Петербургѣ „приласкивать по возможности великаго князя, чтобъ добиться его дружбы“⁵⁾; но вскорѣ увидѣлъ, кому принадлежитъ выдающаяся роль при русскомъ молодомъ дворѣ. Уже въ 1747 году, въ депешѣ отъ 12-го августа, прусскій посланникъ Финкенштейнъ сообщалъ своему королю: „Можно биться объ закладъ, что великій

¹⁾ Polit. Corresp. II, 488.

²⁾ J'ai fait quelques insinuations à la mère de la princesse d'Anhalt Zerbst pour que celle-ci apprenne la danse haute. II, 481.

³⁾ III, 94, 95, 191.

⁴⁾ III, 10, 11.

⁵⁾ III, 28.

князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьи, угрожающемъ преждевременною смертію, русскій народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что онъ рискуетъ лишиться короны даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она естественно перешла къ нему по смерти императрицы¹⁾. Въ началѣ же 1752 года, самъ Фридрихъ II такъ уже отзывается о немъ: „Великій князь чрезвычайно неостороженъ въ своихъ рѣчахъ, по большей части въ ссорѣ съ императрицей, мало уважаемъ, чтобъ не сказать презираемъ, народомъ, и слишкомъ ужъ занятъ своею Голштиніею“²⁾. Фридрихъ II менѣе интересуется уже великимъ княземъ и занятъ только великою княгиней: въ раздорахъ русскаго молодого двора его печалитъ только „непріятности, испытываемыя великою княгиней“³⁾; только ей въ угоду назначаетъ онъ пенсію графу Брэммеру⁴⁾.

Фридрихъ II не имѣлъ ни повода, ни возможности переписываться непосредственно съ русскою великою княгиней. До вступленія своего на престолъ Екатерина написала ему счетомъ три письма: въ первомъ, не сохранившемся или, по крайней мѣрѣ, еще не обнаруженномъ, принцесса Софія извѣстила Фридриха II о своемъ обрученіи съ наследникомъ русскаго престола⁵⁾; во второмъ отъ 21-го

¹⁾ V, 472.

²⁾ IX, 33.

³⁾ VI, 255.

⁴⁾ VII, 213; V, 66.

⁵⁾ Въ „Перепискѣ императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ“, изданной Русскимъ Историческимъ Обществомъ, помѣщены далеко не всѣ письма, не смотря на предувѣдомленіе, что „письма императрицы Екатерины II сообщены изъ государственнаго архива въ Берлинѣ имперскимъ канцлеромъ княземъ Висмаркомъ, а письма короля Фридриха II сообщены изъ государственнаго архива въ Петербургѣ государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ“. Здѣсь не помѣщено, между прочимъ, письмо Фридриха II къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 г., напечатанное въ „Politische Correspondenz“, III, 237. Оно было переслано чрезъ барона Мардесельда, которому король писалъ: „Je vous adresse ci-clos ma réponse à la lettre que la grande duchesse des Russies m'a fait le plaisir de m'écrire“ (III, 239). Этого письма великой княгини тоже нѣтъ въ „Перепискѣ“ (*Сборникъ Русск. Истор. Общества*, XX, 149). Судя по отвѣту, именно по встрѣчающемуся въ немъ выраженію: „l'élévation de Votre Altesse Impériale à cette dignité“, надо полагать, что принцесса Софія извѣстила Фридриха II о своемъ переходѣ въ православіе, нареченіи великою княжною Екатериною Алексѣевною и обрученіи съ великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ. Письмо Фридриха II отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 не могло быть отвѣтомъ на то письмо Екатерины, которое помѣщено въ

юля (1-го августа) 1744 года, благодарила его за участіе „въ созданіи того новаго положенія, въ которое она поставлена“, и въ третьемъ, отъ 12-го марта 1762 г.—за поздравленіе „съ восшествіемъ на престолъ императора, ея супруга“. Всѣ эти письма, составленныя, по обычаю того времени, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не представляютъ интереса и никакимъ образомъ не могутъ служить ни характеристикой Екатерины, ни указателемъ ея отношеній къ Фридриху II. До 1750 г., когда были прерваны всякія дипломатическія сношенія между Петербургомъ и Берлиномъ, Фридрихъ II имѣлъ свѣдѣніе о русскомъ молодомъ дворѣ отъ своихъ представителей; съ 1750 же года до него доходили только случайныя извѣстія, нерѣдко отъ лицъ, проѣзжавшихъ чрезъ Берлинъ. Такъ, на примѣръ, приведенный выше отзывъ его о великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, отъ 1752 года, былъ основанъ на сообщеніи „проѣзжавшаго чрезъ Берлинъ изъ Петербурга“ графа Линара. Только съ 1756 г., послѣ заключенія Вестминстерскаго договора, Фридрихъ II сталъ получать болѣе частыя извѣстія отъ Уильямса, англійскаго посланника въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1755 года, англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Гюн-Диккенсъ сталъ просить о своемъ отозваніи. Онъ слишкомъ старъ, онъ усталъ: „Англійскій король долженъ имѣть при этомъ дворѣ посломъ человека во цвѣтѣ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго. По здѣшнимъ понятіямъ, посолъ не долженъ пропускать ни одного куртага и бала, ни одного маскарада и спектакля, вообще ни одного общественнаго увеселенія. Въ этомъ здѣсь видятъ главную задачу всякаго посольства, къ чему я уже по старости лѣтъ неспособенъ, какъ бы это ни признавалось здѣсь необходимымъ“¹⁾. Диккенсъ видитъ, что переговоры затягиваются, дѣла залеживаются, и не находитъ въ себѣ достаточныхъ силъ ни ускорить рѣшеніе важныхъ для правительства вопросовъ, ни противодѣйствовать всѣмъ интригамъ и кознямъ, разгнѣвающимся при русскомъ дворѣ: „Ничто здѣсь не двигается впередъ; можетъ быть, потому, что падаетъ вліяніе великаго канцлера Вестушева, можетъ быть, потому, что увеличивается отвращеніе императрицы къ государственнымъ заботамъ, или, что всего вѣроятнѣе, отъ обѣихъ этихъ причинъ. Великій канцлеръ никогда не видитъ и

„Переписки“ первымъ: отправленное изъ Москвы 1-го августа (21-го іюля) оно не могло прибыть въ Берлинъ ранѣе 6-го (17-го) августа, считая три дня пути изъ Москвы до Петербурга и тринадцать — отъ Петербурга до Берлина, что видно изъ письма Екатерины II отъ 9-го (20-го) октября 1763 г. (Сборн., XX, 179).

¹⁾ *Rammer, Beiträge zur neueren Geschichte, II, 281.*

не говоритъ съ императрицей; всякая мелочь излагается на бумагѣ, которую Бестужевъ пересылаетъ молодому фавориту Ивану Шувалову, а этотъ уже представляетъ бумагу императрицѣ, и то лишь въ томъ случаѣ, если подмѣтитъ въ ней охоту заняться дѣлами. Всюду наталкиваешься здѣсь на мелкія грязныя козни" (little dirty intrigues). Въ апрѣлѣ 1755 г. Диккенсъ былъ отозванъ; мѣсто его занялъ сэръ Чальвъ Гэнбури Уильямсъ.

Эта смѣна лицъ была довольно неудачна. Уильямсъ былъ уже нѣсколько лѣтъ представителемъ Англiи при саксонскомъ дворѣ и въ Лондонѣ имѣли время оцѣнить по достоинству его донесенiя. Правда, Уильямсъ былъ хорошо образованъ, сравнительно молодъ, веселъ, остроуменъ; но это былъ фантазеръ, человѣкъ нервный и на столько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательною. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесенiяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрные представленiя о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Иногда просто удивляешься, какимъ образомъ могли довѣрять его донесенiямъ и современные ему дѣятели, и позднѣйшіе историки. Его донесенiя перѣдко такъ наивны, что не представляется даже затруднительнымъ разоблачить ихъ вымыселъ. Онъ прiѣхалъ въ Петербургъ въ июлѣ, и уже въ депешѣ отъ 2-го октября сообщаетъ: „Состояніе здоровья императрицы не хорошо: она страдаетъ кровотеченiемъ, одышкой, постоянно кашляетъ, у нея опухоль въ колѣнахъ и водянка въ животѣ — однако, она танцевала со мною минуеть" ¹⁾). Что-нибудь изъ двухъ: или Елизавета Петровна не была до такой степени больна, или она не танцевала съ „опухолью въ колѣнахъ и водянкой въ животѣ". Но Уильямсъ присланъ на смѣну человѣка, который жаловался, что не въ силахъ принимать участiя въ придворныхъ увеселенiяхъ, и желаетъ убѣдить и себя, и посланныхъ его, что онъ даже больную Елизавету Петровну можетъ увлечь въ минуеть.

Довѣрять сообщенiямъ Уильямса не возможно—ихъ нужно принимать лишь послѣ тщательной провѣрки, только убѣдившись, что они подтверждаются свидѣнiями изъ другихъ источниковъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Особенно подозрительны извѣстiя Уильямса объ отношенiяхъ Екатерины къ Фридриху II. Въ инструк-

¹⁾ *Вантер*, II, 295.

ціи, данной Уильяму, отправлявшемуся посломъ въ Петербургъ, когда еще не было и рѣчи о сближеніи Англіи съ Пруссією, было сказано: „Крайне невѣроятно, чтобъ споръ Англіи съ Францією могъ быть улаженъ мирнымъ путемъ; изъ этого спора возникнетъ война. Вслѣдствіе этого, и такъ какъ срокъ заключеннаго въ 1742 году субсиднаго договора съ Россією истекаетъ въ 1757 году, необходимо заключить возможно скорѣе новый трактатъ. При этомъ русскихъ нужно убѣдить, что они останутся азіатскою ордою, если будутъ сидѣть сложа руки и тѣмъ дадутъ Прусскому королю возможность привести въ исполненіе свои честолюбивые, опасные и давно уже задуманные имъ планы увеличенія своего королевства. Его величество король (Англіи) уполномочиваетъ васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры къ предотвращенію такого бѣдствія“ (for preventing such a calamity). Другими словами: Уильяму ставилось въ обязанность возбудить Россію противъ Пруссіи, и въ одномъ изъ первыхъ же своихъ донесеній, онъ сообщаетъ: „Великая княгиня высказала мнѣ на дняхъ чистосердечно свое мнѣніе о Прусскомъ королѣ — она не только убѣждена, что Фридрихъ II естественный и опасный врагъ Россіи, но даже лично ненавидитъ его. Прусскій принцъ, сказала она мнѣ, не обладаетъ такимъ умомъ, какъ король, но его сердце не такое дурное, какъ у короля, сердце котораго, конечно, худшее во всемъ мірѣ“ ¹⁾. Такъ характеризовалъ Уильямъ взглядъ Екатерины на Фридриха въ октябрѣ 1755 г.; черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1756 г., былъ заключенъ Вестминстерскій договоръ, въ силу котораго Уильяму предписывалось ратовать при русскомъ дворѣ уже не противъ, а въ пользу Прусскаго короля, какъ союзника Англіи, и Уильямъ тотчасъ же сообщаетъ, что „великая княгиня полагаетъ, что только союзъ Россіи, Пруссіи и Англіи можетъ спасти Европу“ ²⁾, шлетъ депешу за депешой, убѣждая всѣхъ, что „la Grande Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse“, называетъ великую княгиню „ma grande amie“, увѣряетъ, что великая княгиня очень высоко цѣнитъ „l'amitié du roi de Prusse“ ³⁾ и т. п.

¹⁾ Издателъ извлеченій изъ депешъ Уильяма волилъ довернуть его извѣстіямъ о „склонности“ Екатерины къ Прусскому королю; онъ не сомнѣвается, что и въ данномъ случаѣ Уильямъ точно передалъ слова великой княгини, но заподозриваетъ ихъ истинность: Man darf zweifeln ob Katharina ganz aufrichtig sprach. *Rammer*, II, 296.

²⁾ *Rammer*, II, 401.

³⁾ *Pol. Corr.* XIV, 79, 149, 164, 188, 224.

Не прошло и полугода послѣ прибытія Уильямса въ Петербургъ, какъ стали обнаруживаться всѣ качества новаго англійскаго посла. Уже въ концѣ 1755 года, многіе признавали, что „донесеніямъ Уильямса можно довѣрять лишь по мѣрѣ того, какъ событія оправдываютъ ихъ; онъ не разъ уже высказывалъ такія увѣренія, которыя потомъ опровергались“¹⁾. Въ маѣ 1756 года Фридрихъ пишетъ въ Лондонъ своему повѣренному въ дѣлахъ Мишелю: „Мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, но единственно только для вашего свѣдѣнія и съ тѣмъ, чтобъ вы не сообщали этого англійскимъ министрамъ, что Уильямсъ вовсе не любъ русскому двору своимъ слишкомъ живымъ характеромъ, такъ что онъ имѣлъ уже нѣсколько непріятностей. Извѣщая васъ объ этомъ только для того, чтобъ вы старались разузнать подъ рукою, извѣстно ли англійскимъ министрамъ это обстоятельство, не подлежащее сомнѣнію“²⁾. Въ то время, когда Уильямсъ увѣрялъ себя, что одержитъ верхъ надъ австро-французскими протектами въ Петербургѣ, говорилъ, что „вынырнетъ именно тогда, когда этого менѣе всего ожидаютъ“³⁾, люди посторонніе сообщали Фридриху II изъ Петербурга, что „Англія и ея представитель испортили здѣсь свое дѣло“. Когда же, наконецъ, англійское правительство рѣшилось отозвать Уильямса, противъ этой мѣры высказался именно Фридрихъ II, считавшій его лицомъ, заслуживающимъ довѣрія (ein glaubwürdiges Person), при чемъ для насъ особенно интересны приводимыя Прусскимъ королемъ основанія: „Что касается отозванія Уильямса изъ Петербурга“, пишетъ Фридрихъ II великобританскому посланнику Митчелю, отъ 5-го февраля 1756 г.— „то признаюсь, рѣшеніе, принятое по этому поводу вашимъ дворомъ, представляется мнѣ неполнѣе справедливымъ; сверхъ тѣхъ причинъ, которыя приведены уже и вами противъ отозванія именно въ настоящее время, я полагаю, это было бы большимъ несчастіемъ относительно молодого русскаго двора, который вдругъ лишился бы его добрыхъ совѣтовъ при обстоятельствахъ наиболѣе критическихъ, такъ какъ новый посланникъ не имѣлъ бы ни связей въ средѣ придворной и министерской, ни знакомства съ молодымъ дворомъ. Вотъ почему я желалъ бы, чтобъ при нынѣшнихъ критическихъ обстоятельствахъ Уильямсъ оставался на своемъ посту“⁴⁾.

¹⁾ XII, 86.

²⁾ XII, 362.

³⁾ XIII, 41.

⁴⁾ XIV, 247.

Фридрихъ былъ въ этомъ случаѣ заинтересованъ не только тѣми сообщеніями, которыя получалъ онъ отъ Уильямса изъ Петербурга. Онъ не могъ жаловаться на недостатокъ свѣдѣній изъ Россіи. И въ то время, какъ и въ наши дни, шпионство было на столько развито, что ни государственныя, ни чисто военныя тайны не могли долго укрываться, а придворныя всегда являлись только *secrets de Polichinelle*. Кромѣ Уильямса, Фридрихъ II получалъ свѣдѣнія о Россіи отъ своей сестры, принцессы Анны Оранской, регентши Голландской ¹⁾, отъ саксонскаго резидента въ Петербургѣ фонъ-Функе ²⁾, отъ голландскаго посланника въ Петербургѣ Ванъ-Сварта ³⁾, отъ своего друга и поклонника графа А. Головкина, русскаго посла въ Гаагѣ, и его супруги ⁴⁾, отъ шведскаго полковника Горна и курляндскаго камергера фонъ-Мирбаха ⁵⁾, не считая такихъ профессиональных прусскихъ шпионовъ, какъ фонъ-Баль изъ Риги, англійскій капитанъ Ламбертъ, майоръ фонъ-Ромеръ ⁶⁾ и др. Не для свѣдѣній, въ которыхъ Фридрихъ II не нуждался, нуженъ былъ ему Уильямсъ въ Петербургѣ. Для чего же?

Въ то время въ Петербургѣ, какъ и въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, шелъ серьезный пересмотръ международныхъ союзовъ, поводъ къ чему далъ самъ же Фридрихъ II, заключивъ Вестминстерскій договоръ съ Англіей. Какъ въ другихъ европейскихъ центрахъ, такъ и Петербургѣ, этотъ пересмотръ, касавшійся самыхъ существенныхъ интересовъ государства, затрогивалъ въ то же время вопросы личнаго самолюбія, придворнаго вліянія, матеріальной выгоды. Перемена системы союзовъ влекла за собою перемену въ распредѣленіи ролей, если не въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Старая система, практиковавшаяся уже многіе годы, была для всѣхъ ясна — съ нею освоились, къ ней привыкли, съ нею сжились. Легко ли вообще мѣнять свои симпатіи, свои привычки? А въ то время приходилось если не отказываться отъ своихъ убѣжденій, то во всякомъ случаѣ скрывать ихъ, но крайней мѣрѣ не выставлять на показъ. Жить въ переходное время, когда недавняя еще заслуга вызываетъ только порицаніе, укоризна становится похвалою, вчерашняя

¹⁾ XIV, 244, 312, 417, 426.

²⁾ XII, 305.

³⁾ XII, 173; XIII, 202, 229; XIV, 297, 303.

⁴⁾ XIV, 192, 228.

⁵⁾ XIII, 448; XIV, 449.

⁶⁾ XIV, 42, 166; XIII, 141, 160, 170, 197, 254; XIV, 83.

кривда сегодняшней правдой—очень тяжело. Петербургъ, вмѣстѣ съ остальною Европой переживалъ тогда именно такое тяжелое время. Для Петербурга это было легче, чѣмъ для Парижа или Лондона, но все же трудно.

Послѣдній писецъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хорошо зналъ, что Англія и Австрія „наши“ союзники, что Пруссія и Франція „наши“ враги, и вдругъ приходитъ непонятныя извѣстія, одно невѣроятнѣе другого: то Пруссія заключила союзъ съ Англіей, то Австрія съ Франціей. Кто же чей союзникъ, кто кому врагъ? Для Петербурга вопросъ упрощался тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ прежнихъ двухъ союзниковъ мы сохраняли одного—Австрію, изъ прежнихъ двухъ враговъ—Пруссію; но какъ объяснить себѣ смѣну дружественной Англіи враждебною Франціей? Почему Англія изъ друга становилась врагомъ, Франція же изъ врага другомъ? Для большинства современниковъ, всѣ вопросы, какъ они не были бы сложны, сводятся къ личнымъ отношеніямъ: новый фаворитъ императрицы, И. И. Шуваловъ, „хорошо говоритъ по французски, любитъ французъ и ихъ моды, очень желаетъ, чтобъ въ Петербургъ явился французскій посолъ съ блестящею свитою“¹⁾—вотъ причина нашего союза съ Франціей; враждебныя отношенія къ Англіи, недавней союзницѣ, объяснялись интригою враговъ и завистниковъ великаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, англомана, получающаго подачки отъ англійскаго правительства. Приливъ англійскихъ фунтовъ замѣнить приливомъ французскихъ ливровъ для многихъ очень интересно уже и потому, что этотъ новый приливъ золота потечетъ уже въ чужія руки. Если несомнѣнно, что не боги горшки дѣлаютъ, то такія или подобныя личныя соображенія въ вопросахъ даже государственныхъ не должны быть упускаемы изъ вида.

Этотъ Петербургскій пересмотръ союзныхъ договоровъ имѣлъ для Фридриха II огромное значеніе. На чьей сторонѣ будетъ Россія? Если, какъ прежде, какъ уже много лѣтъ, за одно съ Англіей, то Пруссія, только что обезпечившая себѣ Вестминстерскимъ договоромъ содѣйствіе Англіи, можетъ спокойно приводить въ исполненіе „честолюбивыя, опасныя и давно уже задуманныя“ планы своего территориальнаго увеличенія; если же Россія приметъ мѣры „for preventing such a calamity“, какъ еще недавно выражались англійскіе министры, то Пруссіи не устоятъ противъ натиска австрійцевъ съ юга и русскихъ

¹⁾ *Rauter*, II, 346.

съ сѣвера. Фридрихъ II такъ именно и понималъ дѣло. Въ письмахъ того времени, онъ откровенно сознается, что въ рѣшениі Россіи идетъ вопросъ о существованіи его династіи (existence de ma maison), о разрушеніи его родины (guine de ma patrie); онъ не скрываетъ даже отъ сестры своей, принцессы Амалии, что пораженіе будетъ равняться окончательной его гибели: „Il n'y a que la mort ou la victoire pour nous; il faut ou l'un ou l'autre“ ¹⁾. Наканунѣ подписанія Россіей Версальскаго договора, 30-го декабря 1756 г., слѣдовательно, послѣ уже того, какъ Фридрихъ II началъ войну, и началъ успѣшно, занявъ и обезпечивъ за собою Саксонію, онъ собственноручно написалъ прусскому государственному министру особую инструкцію ²⁾, вѣрнѣе, свое „духовное завѣщаніе“, изъ котораго лучше всего видно, на сколько серьезнымъ представлялось Фридриху II положеніе дѣлъ въ то время:

„Секретная инструкція графу Финкенштейну.

„Берлинъ, 10-го января 1757 г.

„Въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находятся наши дѣла, я долженъ отдать вамъ мои приказанія, чтобы, при всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, которыя всегда возможны въ подобныхъ событіяхъ, вы были уполномочены принять надлежащія мѣры.

„1-е. Еслибъ случилось — чего Боже упаси — что одинъ изъ моихъ корпусовъ въ Саксоніи былъ бы на голову разбитъ или французы вытѣснили бы ганноверцевъ изъ ихъ страны, укрѣпились бы въ ней и угрожали бы намъ вторженіемъ въ Альгемаръ, или русскіе проникли бы въ Неймаркъ — необходимо спасти королевскую фамилію, главнѣйшія юрис-консульства (dicasterium), министровъ и главное управленіе. Если насъ разобьютъ въ Саксоніи со стороны Лейпцига, наиболѣе удобное мѣсто для сохраненія королевской фамиліи и государственной казны — Кюстрингъ; въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы королевская фамилія и всѣ вышеупомянутыя лица отиравились, подъ эскортой всего гарнизона, въ Кюстрингъ. Если же русскіе вошли бы въ Неймаркъ или съ нами случилось бы несчастіе въ Лузаци, то необходимо, чтобы все было отослано въ Магдебургъ. Наконецъ, послѣднее убѣжище — Штетинъ; но въ Штетинѣ должно отираваться только при послѣдней крайности. Гарнизонъ, королевская фамилія и государственная казна должны быть неразлучны и всегда вмѣстѣ; къ нимъ нужно присоединить коронныя брильянты и серебро большого двора, которое, въ этомъ случаѣ, равно какъ и золотая посуда, должно быть немедленно пералито въ монету.

„Еслибъ случилось, что я былъ бы убитъ, необходимо, чтобы дѣла шли своимъ обычнымъ ходомъ, безъ малѣйшаго измѣненія, такъ чтобы не замѣча-

1) Pol. Corr., XIV, 118; *Ramzer*, II, 439; Pol. Corr., XIV, 413.

2) Pol. Corr. XIV, 197.

лось, что они въ другихъ уже рукахъ; въ этомъ случаѣ необходимо поторопиться присагою какъ здѣсь, такъ и въ Пруссіи, особенно же въ Силезіи.

„Если мнѣ предопредѣлено быть взятымъ въ плѣвъ, то я самъ воспрещаю обращать какое-либо вниманіе на мою личность или руководствоваться тѣмъ, что я могъ бы написать изъ заточенія. Если подобное несчастье случится со мною, я хочу принести себя въ жертву государству, и требую, чтобъ повиновались моему брату, который, какъ равно мои министры и генералы, отвѣчаетъ своею головою, что за меня не будетъ предложено ни земли, ни выкупа, и что война будетъ продолжаться съ цѣлью достичь возможныхъ выгодъ, какъ будто меня и на свѣтѣ никогда не существовало.

„Я надѣюсь и долженъ быть увѣренъ, что вамъ, графъ Финкенштейнъ, не будетъ надобности приводить въ исполненіе эту инструкцію; но, въ случаѣ несчастія, я уполномачиваю васъ исполнить ее, и, въ знакъ того, что это, по зрѣломъ и здоровомъ обсужденіи, моя твердая и непремѣнная воля, я подписываю инструкцію моею рукою и прикладываю мою печать.

„Фридрихъ, в. “.

М. П.

При такомъ взглядѣ на свое „критическое положеніе“ Фридрихъ II, конечно, не упуститъ ничего, чтобъ наклонить чашку русскихъ вѣсовъ въ свою пользу при пересмотрѣ союзныхъ договоровъ. На кого же онъ могъ опереться въ Петербургѣ?

Менѣ всего на императрицу. Со времени воцаренія, Елизавета Петровна постоянно была вѣрна Австріи; даже прикосновеніе австрійскаго посланника маркиза Ботто д'Адорно къ Лопухинскому дѣлу не охладило дружескихъ ея отношеній къ Маріи Терезіи. Елизавета Петровна имѣла зубъ противъ Фридриха II, но не столько за Силезію, сколько за „сѣверный вопросъ“, въ которомъ Россія и Пруссія заняли непримиримыя положенія относительно Швеціи ¹⁾. Всѣ усилія Прусскаго короля сблизиться съ Елизаветой Петровной разбивались объ этотъ сѣверный вопросъ. Фридрихъ II хорошо зналъ это, и если, напримѣръ, въ 1755 году, когда графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ великаго канцлера, былъ проездомъ во Франкфуртѣ, онъ высказывалъ желаніе достичь „сердечнаго примиренія съ императрицей“ ²⁾, или, въ 1756 г., разговаривая съ Митчелемъ, „онъ удивлялся, почему Русская императрица питаетъ къ нему такое отвращеніе“ ³⁾, то былъ лишь неискренень, обманывая

¹⁾ Preuss. Staatschr. II, 232.

²⁾ Une réconciliation sincère entre moi et l'Impératrice. Pol. Corr. XI, 147.

³⁾ He wondered why the Empress of Russia had so strong an aversion to him. XIII, 35.

и русскаго фельдмаршала, и англійскаго посланника. Только смерть Елизаветы Петровны могла въ этомъ случаѣ помочь Фридриху II. „Съ русскими ничего не подѣлаешь“, пишетъ онъ Мишелю въ Лондонъ. — „Меня извѣщаютъ, что императрица опасно больна; еслибъ она умерла, это могло бы повести къ перемѣнѣ возрѣвнѣй русскаго двора, но помимо такой случайности нельзя ни на что надѣяться“¹⁾. Зная это, услужливые друзья шлютъ Фридриху II со всѣхъ сторонъ извѣстія, что императрица „очень плоха“, что „ей не прожить и двухъ мѣсяцевъ“, что она „въ агоніи“, что она, наконецъ, „умерла“...²⁾.

Русскій великій канцлеръ, графъ А. П. Вестужевъ-Рюминъ — заклятой врагъ Пруссіи, но съ этою враждою возможна была борьба и, какъ полагалъ Фридрихъ II, борьба довольно легкая: стоило только условиться въ числѣ дукатовъ. Винить Фридриха II за выборъ такого средства было бы несправедливо; XVIII столѣтіе должно быть оцѣниваемо по взглядамъ того времени. Подкупъ всегда существовалъ и, вѣроятно, всегда будетъ существовать, но въ XVIII вѣкѣ на него смотрѣли и къ нему относились иначе, чѣмъ въ XIX вѣкѣ. Отецъ Фридриха II сказалъ по этому поводу князю Лихтенштейну: „Я знаю, что мои министры и лица моего двора получаютъ деньги отъ французскаго правительства; но я не гнѣваюсь на нихъ за это, потому что они вводятъ такимъ образомъ въ мое королевство французскія деньги“. Не извѣстно, какъ смотрѣла Елизавета Петровна на полученіе ея министрами денегъ отъ иностранныхъ правительствъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что не только великій канцлеръ и вице-канцлеръ, но и ихъ секретари, Олсуфьевъ и Волковъ, получали извѣстныя пенсіи отъ англійскаго посланника. Въ депешахъ Уильямса нерѣдко можно встрѣтить выраженіе, что такая-то сумма сдѣлаетъ такого-то „монимъ“—will make this person my own. Чтò разумѣть здѣсь подъ „монимъ“? Политика Россіи не зависѣла ни отъ Олсуфьева, ни отъ Волкова; рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ не было предоставлено ни Вестужеву, ни Воронцову. Для англійскаго посланника „его“ люди облегчали ему сношенія, ускоряли ходъ дѣла, высказывали себя сторонниками Англии—и только; Фридрихъ II же полагалъ, что русскіе „мои“ Уильямса непременно измѣнники Россіи. Это большая съ

¹⁾ XIV, 230.

²⁾ XIII, 518; XIV, 15, 79, 82, 149, 170, 224, 230, 301, 347, 352, 390. *Канцлеръ*, 295, 321. Въ эти извѣстія относятся ко времени за полугодіе отъ октября 1756 по мартъ 1757 года.

его стороны ошибка. Онъ хотѣлъ сдѣлать „своимъ“ Бестужева и оборвался: онъ опредѣлялъ на подкупъ Бестужева то 10,000 дукатовъ, то 100,000 экю, то, наконецъ, готовъ былъ выплатить ту сумму, какая потребуется ¹⁾—ничто не удалось, и Бестужевъ не взялъ ни гроша. Почему? Онъ, безъ сомнѣнія, взялъ бы, еслибъ могъ что-либо сдѣлать въ пользу Прусскаго короля; но онъ ничего не могъ, ничего и не взялъ. Екатерина II въ этомъ смыслѣ была совершенно права въ своей замѣткѣ о Бестужевѣ: *jamais on ne le gagna par argent* ²⁾. Уильямъ въ своихъ депешахъ постоянно извѣщалъ, что Бестужевъ „мѣняется“, что Бестужевъ „готовъ служить Прусскому королю“ ³⁾ и т. п., и Фридрихъ II, который еще въ 1746 г. справедливо находилъ, что съ Россією никакое соглашеніе не возможно, „пока дѣлами управляетъ графъ Бестужевъ“ ⁴⁾, въ концѣ 1756 г. повѣрилъ словамъ англійскаго посланника ⁵⁾. Это опять ошибка: конечно, „Бестужевъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ своей вражды къ Прусскому королю“ ⁶⁾, и Фридрихъ II могъ имѣть по этому поводу самыя точныя свѣдѣнія, но только не отъ англійскаго посланника, съ которымъ умный Бестужевъ, зная Уильямса, долженъ былъ быть крайне остороженъ.

Кромѣ императрицы и великаго канцлера, Фридрихъ II особенно хлопоталъ о расположеніи молодого двора. Онъ хорошо зналъ, что ни великій князь Петръ Федоровичъ, ни великая княгиня Екатерина Алексѣевна не имѣютъ никакого вліянія на дѣла и не пользуются въ данную минуту никакимъ значеніемъ; по ему сообщали о смертельной болѣзни Елизаветы Петровны, и онъ былъ убѣжденъ, что „*ih'r Tod würde die Face der Affairen allda ganz verändern*“ ⁷⁾, такъ какъ наследникъ русскаго престола „*ist vor Preussen gut gesinnet*“, а великая княгиня его супруга „*est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse*“ ⁸⁾. Вѣрно ли это?

Извѣстія о русскомъ большомъ дворѣ, не только собственно при-

¹⁾ Pol. Corr. XIII, 340, 546, 562.

²⁾ Замѣтка Екатерины II на „*Essai sur la vie et le règne de Frédéric II*“ par *Denina*, въ Запискахъ Храповицкаго (изд. *Барсукова*), стр. 480.

³⁾ Pol. Corr. XIII, 546; *Raumer*, II, 400.

⁴⁾ Tant que le comte Bestushew sera au timon des affaires. Pol. Corr. V, 34.

⁵⁾ XIV, 83.

⁶⁾ *Bestouchef*, ennemi du roi de Prusse, soutenait son avis haut à la main. Записки Храповицкаго, 480.

⁷⁾ Pol. Corr. XIV, 82.

⁸⁾ XIV, 79.

дворныя, но даже и чисто военныя, Фридрихъ II получалъ изъ разныхъ источниковъ, и нерѣдко извѣстія вполне точныя ¹⁾; о маломъ же дворѣ—только отъ Уильямса. Вотъ почему Фридрихъ II желалъ, чтобъ Уильямсъ не былъ отозванъ изъ Петербурга. Можно ли, однако, довѣрять донесеніямъ Уильямса о маломъ дворѣ? Уже самое положеніе Уильямса при петербургскомъ дворѣ должно было предостеречь Фридриха II: Уильямсъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ специальною цѣлью возбудить русскій дворъ противъ Фридриха II; спустя же полгода его миссія получила прямо противоположное назначеніе—расположить петербургскій дворъ въ пользу прусскаго короля. Человѣкъ, принимавшій на себя такія исключаяющія одна другую обязанности, не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, хотя и носилъ званіе дипломата. Могъ ли Фридрихъ II довѣрять донесеніямъ англійскаго посланника, который своими депешами вводилъ въ заблужденіе ²⁾ даже своего короля?

Нѣмецкіе историки, подобострастно относящіеся къ Фридриху II, стараются и въ этомъ случаѣ „главную вину“ отнести къ союзницѣ короля, Англии, которая, по ихъ мнѣнію, была обязана сообщать Прусскому королю всѣ получаемыя ею отъ Уильямса извѣстія о томъ, что творится при петербургскомъ дворѣ, гдѣ Фридрихъ II не имѣлъ своего представителя ³⁾. Фридрихъ II никогда не высказалъ бы по-

¹⁾ Самые важныя и самыя точныя извѣстія изъ Петербурга шли отъ голландскаго посланника ванъ-Сварта. Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей Свартъ (*Mynheer van Swart*) пользовался въ Петербургѣ наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора; „le Grand Chancelier le consulte sur tout et l'informe le plus confidemment du monde de tout ce qui se passe“ (*Pol. Corr.*, XIII, 116). Его депеши вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и копии съ нихъ доставлялись Фридриху II; шифрованными же нѣста получались позже, изъ Гага, отъ прусскаго пошреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника въ Гагѣ, Норра. Такииъ путемъ была получена и чрезвычайно важная депеша Сварта отъ 19-го іюня 1756 года.

²⁾ Графъ Робертъ Голднернестъ, англійскій государственный секретарь по дѣламъ Севра, пишетъ Уильямсу, отъ 30-го марта 1756 года: „Король былъ крайне удивленъ тѣмъ, что послѣ вашихъ сообщеній о добрыхъ намѣреніяхъ обоихъ канцлеровъ, Бестужева и Воронцова, и объ ихъ ршеніи представить императрицѣ Вестминстерскій договоръ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, русскій посланникъ ии. Голицынъ получалъ приказанія, прямо противорѣчающія тому, чего король, согласно вашимъ донесеніямъ, въ правѣ былъ ожидать“. *Raumer*, II, 316.

³⁾ „Die lange Verkennung der Situation in Petersburg fällt allerdings theilweise dem Könige selbst zur Last. . . Dennoch aber trifft die *Hauptschuld* für die lange

добнаго обвиненія лондонскому министерству: самъ нерѣдко вводившій другихъ въ заблужденіе и завѣдомо лгавшій въ своихъ бумагахъ ¹⁾, даже приказывавшій другимъ обманывать и лгать ²⁾, онъ зналъ, что въ свою очередь и его обманываютъ, и ему лгутъ; онъ посылалъ шпионовъ въ Россію и вѣшалъ русскихъ шпионовъ, которые попадались въ его руки. Но онъ не жаловался, а находилъ, какъ обманъ, такъ и шпионство совершенно естественными явленіями. Эта мѣрка Фридриха II и должна быть приложена къ нему самому. Вся вина, безраздѣльно и всецѣло, а не „отчасти“, должна въ этомъ случаѣ падать на Фридриха II и только на него. Относительно донесеній англійскаго посланника въ Петербургѣ, Фридрихъ II подвергался тройному обману: Уильямсъ, по своему характеру, обманывалъ, прежде всего, самого себя, составляя свои сообщенія слишкомъ субъективно ³⁾; затѣмъ, лондонскій кабинетъ пересылалъ своему представителю въ Берлинѣ, Митчелю, не всѣ депеши Уильямса, а лишь тѣ, которыя признавалъ необходимыми ⁴⁾; наконецъ, Митчель сообщалъ Фридриху II во французскомъ переводѣ только тѣ мѣста депешъ, которыя считалъ умѣстными ⁵⁾. Фридрихъ II даже и не подозрѣвалъ ни одного изъ этихъ обмановъ; онъ все продолжалъ до-

Täuschung Friedrich's seine englischen Bundesgenossen... Englands Pflicht wäre es gewesen, den König, der keinen Vertreter in Petersburg besass, über die von dem dortigen englischen Gesandten einkommenden Meldungen jederzeit getreue Mittheilung zu machen". *Naudé*, Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des Siebenjährigen Krieges, *Hist. Zeitschr.*, LV, 448.

¹⁾ Pol. Corr. XIII, 163, 470.

²⁾ XIII, 247.

³⁾ Въ депешѣ отъ 7-го августа 1756 года Уильямсъ сообщаетъ: „Soyez assuré que les actions de M. Douglas baissent de jour en jour“ (XIII, 270), между тѣмъ какъ она, напротивъ, все повышалась и вскорѣ совершенно вытѣснила акціи самого Уильямса, которому уже въ декабрѣ сообщали, „qu'il est devenu odieux à la cour“ (XIV, 164).

⁴⁾ Депеша Уильямса отъ 29-го марта 1756 года не была переслана Митчелю. *Kaizer*, II, 339.

⁵⁾ Въ донесеніи Митчеля графу Гольдернесу, отъ 27-го мая 1756 года, сказано: „I acquainted His Majesty with such parts of Sir Charles Hanbury Williams dispatches as I thought the most proper to make an impression upon him and to convince him that affairs at the court of Petersburg were in a very good situation“ (Pol. Corr. XII, 356). Еще откровеннѣе въ донесеніи отъ 22-го іюня того же года: „Я старательно скрылъ отъ Прусскаго короля многое изъ депеши Уильямса отъ 5-го и постарался, на сколько было возможно, не обнаружить дурное положеніе нашихъ дѣлъ въ Россіи“ (*Hist. Zeitschr.*, LV, 449).

вѣрить донесеніямъ Уильямса, хотя его извѣщали изъ Петербурга уже весной 1756 года, что „кредитъ Уильямса падаетъ съ каждымъ днемъ“¹⁾, то-есть, по положенію дѣла, съ каждымъ днемъ должно увеличиваться недоувѣріе къ донесеніямъ англійскаго посланника.

Вопросъ о степени достовѣрности извѣстій, сообщенныхъ въ депешахъ Уильямса изъ Петербурга представляется особенно важнымъ потому именно, что первыя политическія письма Екатерины связаны съ именемъ Уильямса. Этимъ донесеніямъ довѣрилъ Фридрихъ II. Перепискѣ англійскаго посланника съ великою княгиней придается большое значеніе новѣйшими историками, особенно русскими²⁾. Что же сообщалъ Уильямсъ о маломъ русскомъ дворѣ? О чемъ переписывался онъ съ Екатериною? Каковы были ея первыя политическія письма?

Англійскій посланникъ Уильямсъ, прибывшій въ Петербургъ въ началѣ іюня 1755 года, представлялся молодому двору въ день свв. Петра и Павла, 29-го іюня, въ Ораніенбаумѣ, и произвелъ на великую княгиню Екатерину Алексѣевну самое благопріятное впечатлѣніе. Ей вѣдалось въ память это первое свиданіе съ Уильямсомъ, и вотъ какъ, лѣтъ тридцать спустя, императрица Екатерина II сама вспоминала о немъ:

„Около Троицына дня прибылъ въ Россію англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ. Въ свитѣ его находился графъ Понятовскій, сынъ того графа Понятовскаго, который держалъ сторону Карла XII, Шведскаго короля. Императрица приказала отпраздновать день св. Петра въ Ораніенбаумѣ. Къ намъ съѣхалось много народу; танцовали въ той залѣ, которая при входѣ въ мой садъ, и потомъ въ ней же ужинали; посланники и иностранные министры тоже явились. Помню, что за ужиномъ англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ былъ монимъ сосѣдомъ и что мы вели съ нимъ столь же пріятную, какъ и веселую бесѣду; такъ какъ онъ былъ уменъ, свѣдущъ и объѣздилъ всю Европу, то съ нимъ не трудно было разговаривать. Помню еще, что, увидавъ танцующаго графа Понятовскаго, я заговорила съ кавалеромъ Уильямсомъ объ отцѣ Понятовскаго и о томъ вредѣ, который отецъ его причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ наговорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже

¹⁾ Pol. Corr. XII, 419.

²⁾ *Солосветъ*, XXIV, 62, 63, 64, 65, 98.

знала, именно, что отецъ его и семья его матери, Чарторижскіе, составляли въ то время русскую партію въ Польшѣ, что отецъ послалъ сына въ Россію и поручилъ его ему съ тѣмъ, чтобы воспитать въ немъ ихъ же чувства къ Россіи, и что они надѣются, что этотъ молодой человѣкъ будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи. Графу Понятовскому могло быть тогда 22 или 23 года¹⁾.

Этого мало: графъ Станиславъ Понятовскій былъ не только молодъ, но красивъ и ловокъ. Свѣтлый умъ Понятовскихъ, всестороннее образованіе Чарторижскихъ и природная живость поляка замѣтно выдѣляли графа Станислава изъ всей придворной jeunesse dorée того времени. По вѣншности съ нимъ могъ бы поспорить развѣ Сергій Васильевичъ Салтыковъ, но его поведеніе, вслѣдъ за рожденіемъ великаго князя Павла Петровича, только „оскорбляло“ Екатерину: „Я узнала въ это время, до какой степени Сергій Салтыковъ вель неумѣренную жизнь и какъ онъ волочился за всѣми дамами, которыя ему попадались“²⁾. Послѣ этого Сергій Салтыковъ, еслибъ и хотѣлъ, не могъ бы болѣе удержаться въ милости у великой княгини. Какое же сравненіе съ графомъ Понятовскимъ: едва лишь увидѣвъ Екатерину, онъ только и жилъ мыслью о ней. Присылаетъ ли Левъ Нарышкинъ великой княгинѣ шутившія записочки, „всегда прелестно составленныя и остроумныя“, писанныя секретаремъ Нарышкина, оказывается, что этотъ секретарь — графъ Понятовскій³⁾; устраивается ли какая-нибудь partie de plaisir, первое лицо, которое видитъ великая княгиня — графъ Понятовскій⁴⁾; вездѣ и всегда глазъ Екатерины встрѣчается со взглядомъ красиваго поляка графа Станислава. За то, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, комнатная болонка великой княгини, бросавшаяся на чужихъ, ласкалась къ графу Понятовскому, вскакивала къ нему на колѣни, лизала его⁵⁾.

Частныя свиданія съ графомъ Понятовскимъ, долгіе разговоры съ нимъ и о немъ познакомили Екатерину съ положеніемъ партій и дѣлъ въ Польшѣ, которою умный собесѣдникъ скоро заинтересовалъ великую княгиню. Онъ принадлежалъ къ русской партіи, во главѣ которой стояли родственники его по матери, князья Чарторижскіе,

¹⁾ Mémoires de l'impératrice Cathérine II. Londres, 1859, pp. 238, 239.

²⁾ Mémoires, pp. 229, 240.

³⁾ Mémoires, 241.

⁴⁾ Mémoires, 245.

⁵⁾ Mémoires, 254.

и Екатерина начинает заботиться о положеніи этой партіи. Въ небольшой запискѣ къ великому канцлеру графу Вестужеву она извѣщаетъ его, что „составленъ проектъ выступить въ дѣлахъ Польши противъ графа Брюля и для этого послать маршала Вестужева посланникомъ въ Польшу, чтобы разгромить всѣхъ, кто желалъ бы уничтожить сторонниковъ Россіи“, что „поводомъ къ составленію этого проекта послужило то обстоятельство, будто великій канцлеръ Вестужевъ пренебрегаетъ интересами Россіи, для которой весьма важно имѣть свою партію въ сосѣднемъ королевствѣ, какова Польша, чтобы стараться смѣнить министерство“, что, наконецъ, „графъ Брюль похвывается, будто великій канцлеръ Вестужевъ на его сторонѣ“¹⁾.

Исполнилась, слѣдовательно, надежда Уильямса, что графъ Поня-

¹⁾ Объ этой запискѣ впервые упомянуто въ Polit. Corr. XII, 305. Подлинникъ ея не сохранился, и она издана по копіи, которую саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Функе, прислалъ графу Брюлю въ Дрезденъ; графъ Брюль передалъ ее совѣтнику прусскаго посольства Мальцану, а Мальцанъ переслалъ Фридриху II. Изъ Петербурга копія была отправлена при депешѣ 1-го марта 1756 года и изложена въ слѣдующемъ видѣ: „Le billet de la Grande-Duchesse au grand-chancelier Bestushew, pour l'avertir qu'il y avait un projet d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte Brühl et d'envoyer pour cela le grand-maréchal Bestushew comme ambassadeur en Pologne, pour foudroyer tous ceux qui voudraient y détruire les partisans de la Russie; que les auteurs (de ce projet) se servaient du prétexte que le grand-chancelier Bestushew négligeait les intérêts de la Russie, à laquelle il importait d'avoir un parti dans un royaume voisin comme la Pologne, pour tâcher de changer le ministère; que le comte Brühl se vantait d'être sûr du Grand-Chancelier“. Достоверность этого „billet“ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ бумагъ конференціи видно, что „нужнымъ и удобнымъ пунктомъ“ признавалось „Польшу исподоволь приготавливать, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакванія Пруссіи не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрѣла“ (Архивъ кн. Воронцова, III, 397), а для этого представлялось, что „надобность отправленія въ Польшу знатнаго министра нынѣ паче нежели когда настать“ (Архивъ, III, 430). Не смотря, однако, на давнія интриги маршала графа М. П. Вестужева-Рюмина противъ своего брата великаго канцлера графа А. П. Вестужева-Рюмина (Polit. Corr. XI, 248), въ Варшаву былъ отправленъ не маршалъ Вестужевъ, а генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ. Въ это время графъ Брюль дѣйствовалъ за одно съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Венуа, то-есть, противъ русскихъ интересовъ, и могъ, конечно, только похвалиться, что „Вестужевъ въ его рукахъ“. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, узнавъ эти подробности отъ графа Понитонскаго, спѣшила предупредить канцлера Вестужева, въ то время ей вполнѣ преданнаго, который еще въ 1755 году угождалъ ей извѣстіями о путешествіи Сергѣя Салтыкова: „Pendant son absence le grand-chancelier comte Bestoujeff m'envoya toutes les nouvelles qu'il recevait de lui“ (Mémoires, 227).

товскій „будеть имѣть успѣхъ въ Россіи“—онъ имѣлъ успѣхъ у великой княгини, личный и политическій; а Уильямъ, называвшій его „своимъ сыномъ“? Уже приведенная выше записка Екатерины, писанная въ февралѣ 1756 года, когда вопросъ о войнѣ съ Пруссіею былъ, въ принципѣ, рѣшенъ и предстояло озаботиться о свободномъ проходѣ русскихъ войскъ чрезъ земли Польской Республики ¹⁾, свидѣтельствуетъ о неуспѣхѣ Уильямса: Екатерина высказывается за усиленіе русской партіи въ Польшѣ, которая готова пропустить чрезъ свою землю русскія войска, направляющіяся въ восточную Пруссію для войны съ Фридрихомъ II, между тѣмъ какъ задача Уильямса заключалась именно въ томъ, чтобы затруднить, если не окончательно устранить участіе Россіи въ предстоящей войнѣ.

Не смотря на такую неудачу, о которой англійскій посланникъ могъ, конечно, и не знать, Уильямъ продолжалъ употреблять всевозможныя старанія для сближенія съ великою княгинею. Въ этомъ стараніи онъ, какъ человекъ нервный, переступилъ даже должную границу, пошелъ дальше, чѣмъ бы слѣдовало, и, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ такъ неосторожно, что своимъ ухаживаньемъ за великою княгинею возбудилъ подозрѣнія и неудовольствіе императрицы. Объ этомъ извѣстили Фридриха II, и онъ, въ разговорѣ съ Митчелемъ, выразилъ справедливое опасеніе, что такое поведение Уильямса можетъ повредить англійскимъ интересамъ въ Петербургѣ ²⁾. По этому же поводу прусскій государственный министр

¹⁾ Это былъ, по времени, весьма серьезный вопросъ, отъ котораго отчасти зависѣло участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Разрѣшеніе на „свободный проходъ“ русскихъ войскъ зависѣло, конечно, отъ сейма; но многіе вліятельные члены сейма заранее заявили, что они „только будутъ рады проходу русскихъ“, въ томъ числѣ: коронный гетманъ графъ Браницкій, литовскій канцлеръ князь Чарторижскій, великій маршалъ графъ Валлинскій, литовскій маршалъ графъ Огилевскій, краковскій каштелянъ графъ Понятовскій, воеводы: русскій — князь Чарторижскій, люблинскій—князь Любомирскій и мазовецкій—Рудянский; епископы: кіевскій Солтыкъ и краковскій Залусскій. Въ виду этого, любопытно безпристрастие нѣмецкихъ историковъ: Фридрихъ II не только прошелъ, но даже занялъ Саксонію—это ничего, такъ какъ въ войнѣ Пруссіи съ Австріею „Sachsen unthöglich verschont bleiben kann“; русскіе же только прошли черезъ Польшу—это ужасно, такъ какъ они прошли „ohne alle Rücksicht auf Gegenstellungen“ (Raumer, II, 396, 462).

²⁾ J am informed that by making court to the Grand-Duchess he has given jealousy and uneasiness to the Czarina; J wish your affairs may not suffer by it. Pol. Cor. II, 385.

графъ Финкенштейнъ объяснялся съ англійскимъ посланникомъ Митчелемъ, и оба пришли къ убѣжденію, что Уильямсъ дурно ведетъ свои дѣла, что его необходимо отозвать изъ Петербурга ¹⁾). Одинъ только Фридрихъ II все еще надѣялся, что дѣла Уильямса примутъ „eine bessere Tourne“ ²⁾). Уильямсъ же, съ своей стороны, не переставалъ извѣщать Митчеля, а Митчель Фридриха, что „la Grande-Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse“ ³⁾). Относясь съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ извѣстіямъ Уильямса, трудно сказать, на чемъ онъ основывалъ подобныя увѣренія, и на сколько его личныя усилія способствовали тому, что великая княгиня „ganz englisch gesinnet sei“ ⁴⁾), какъ извѣщали Фридриха II. Очень возможно, что въ этомъ случаѣ большую роль играли займы Екатерины у англійскаго резидента Вольфа ⁵⁾), чѣмъ всѣ хлопоты англійскаго посланника Уильямса.

Въ депешѣ отъ 2-го ноября 1756 года Уильямсъ впервые связываетъ имя перваго русскаго главнокомандующаго въ Семилѣтнюю войну, фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, съ именемъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. По словамъ Уильямса, „Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ей высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишею офицеровъ и кавалеріи“. Что Апраксинъ откланивался великой княгинѣ передъ отъѣздомъ въ Ригу—это болѣе чѣмъ вѣроятно ⁶⁾); что въ собранной подъ Ригю арміи чувствовался недостатокъ въ конницѣ — тоже не подлежитъ сомнѣнію ⁷⁾); но чтобъ Апраксинъ могъ назвать армію ли-

¹⁾ Pol. Corr., XII, 427.

²⁾ Pol. Corr. XII, 13.

³⁾ XIV, 79.

⁴⁾ XII, 448.

⁵⁾ До настоящаго времени извѣстны два займа, сдѣланные Екатериною у англійскаго резидента Вольфа и относящіеся къ этому именно времени: отъ 21-го іюля 1756 года, въ тысячу червонныхъ, и отъ 11-го ноября 1756 года, въ сорокъ четыре тысячи рублей (*Сборникъ Русск. Истор. Общества*, VII, 72). Не извѣстно, однако, когда начались эти займы — быть можетъ, еще до прибытія Уильямса въ Петербургъ. Въ запискѣ отъ 21-го іюля 1756 г. Екатерина пишетъ барону Вольфу: „с'est avec peine que je m'adresse de nouveau à vous“.

⁶⁾ Въ запискахъ Екатерины объ этомъ не упомянуто; сказано только: „La maréchale vint chez nous pour prendre congé de nous avec sa fille“. *Mémoires*, 247.

⁷⁾ Недостатокъ въ лошадяхъ былъ на столько великъ, что, по приказу Апраксина, большая часть нѣмецкихъ драгунъ была спѣшена; даже въ гротъ-егердорфскій періодъ конница составляла едва 6%, пѣхоты. *Масловскій*, 29—36.

лепною офицеровъ, когда въ этой арміи на 72,000 штыковъ было болѣе 2,500 офицеровъ ¹⁾—это не возможно ²⁾; или Екатерина неточно передала Уильямсу слова Апраксина, или Уильямсъ невѣрно сообщилъ слова великой княгини, или, что всего вѣроятнѣе, Уильямсъ сообщилъ въ данномъ случаѣ свой личный взглядъ, желая лишь подтвердить именемъ русскаго фельдмаршала свое прежнее мнѣніе, высказанное болѣе мѣсяца назадъ, что „во всемъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ“ ³⁾. Этотъ отзывъ Апраксина о неготовности русской арміи, въ общемъ вполне подтверждаемый новѣйшими изслѣдованіями г. Масловскаго, представляется, въ сообщеніи Уильямса, весьма подозрительнымъ: въ депешѣ отъ 2-го ноября онъ отнесенъ къ великой княгинѣ; спустя полтора мѣсяца, въ депешѣ отъ 18-го декабря, этотъ же отзывъ Апраксина, повторенный слово въ слово (*une armée dépourvue de cavalerie et d'officiers*), отнесенъ уже къ императрицѣ ⁴⁾. Конечно, Апраксинъ могъ жаловаться на неготовность арміи и императрицѣ, и великой княгинѣ, но Уильямсъ не могъ же не знать источника полученнаго имъ извѣстія.

Наконецъ, сопоставленіе двухъ только-что указанныхъ депешъ Уильямса, отъ 2-го ноября и 18-го декабря, представляетъ возможность высказать довольно рѣшительное мнѣніе какъ о достовѣрности подобныхъ извѣстій, такъ и объ источникѣ ихъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя заключались въ депешѣ отъ 18-го декабря, она была чрезвычайно важна для Прусскаго короля и, тотчасъ по полученіи этихъ „секретныхъ новостей“, Митчель сообщилъ ее Фридриху въ французскомъ переводѣ. Вотъ главная ея часть ⁵⁾, касающаяся великой княгини и фельдмаршала Апраксина:

„Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сооб-

¹⁾ *Масловскій*, 25.

²⁾ Въ прусской арміи, справедливо считавшейся образцовой, на одинъ батальонъ, въ составѣ отъ 800 до 1,000 человекъ, полагалось всего 17 оенцеровъ: одинъ батальонный командиръ, четыре ротныхъ командира и 12 субалтерныхъ оенцеровъ, считая по три на роту. Среднимъ числомъ, въ арміи Фридриха II приходился одинъ оенцерь на 50 солдатъ; въ арміи же Апраксина, одинъ оенцерь на 29 солдатъ. Следовательно, Апраксинъ никоимъ образомъ не могъ сказать, будто его армія „лишена оенцеровъ“.

³⁾ *Pol. Corr.* XIII, 547; *Raumer*, II, 400.

⁴⁾ *Il se plaignait à l'Impératrice.* *Pol. Cor.* XIV, 188.

⁵⁾ *Pol. Corr.* XIV, 188.

цены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ (ma grande amie), великою княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея высочество почтима меня на другой же день.

„Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, чтó онъ предполагаетъ дѣлать и думаетъ ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ: Чтó же толку въ такой крѣпости, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо чрезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король Прусскій атакуетъ васъ во время нашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, чтó будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію.

„Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ (véritable), потому что Апраксинъ всегда угрождаетъ моему другу великой княгинѣ, и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ.

„Я все еще надѣюсь добыть инструкцію, данную Апраксину; мнѣ обѣщали уже два раза, но эти обѣщанія еще не исполнены“.

7-го января прочелъ Фридрихъ II эту депешу Уильямса и на другой же день, 8-го января, писалъ своему главнокомандующему въ Восточной Пруссіи, престарѣлому фельдмаршалу Левальду: „Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что Апраксину повелѣно, не атакуя ни Мемель, ни Восточную Пруссію, идти чрезъ Польшу въ Силезію. Полагаю, поэтому, что, если такъ, то вы оставите въ Восточной Пруссіи только гарнизонные батальоны Любскаго полка и земскій батальонъ, а со всѣми остальными войсками двинетесь въ тылъ русскихъ войскъ Апраксина и будете слѣдовать за ними до Силезіи, чтó, конечно, крайне затруднитъ Апраксина и будетъ держать его въ постоянномъ страхѣ“¹⁾. Умный Фридрихъ II сообщалъ свои мысли, однако, условно; его осторожное „wenn es dazu kommt“ указываетъ, что онъ не вполне довѣрялъ извѣстіямъ депеши Уильямса. Можемъ ли мы довѣрить этой депешѣ?

Апраксинъ выѣхалъ изъ Петербурга 30-го октября; наканунѣ отъѣзда, ночью, слѣдовательно, съ 29-го на 30-е октября, долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великою княгиней; на другой же день (le lendemain), то-есть, 30-го же октября, великая

¹⁾ XIV, 191.

княгиня должна была написать письмо Уильямсу. Что сдѣлалъ бы англійскій посланникъ, еслибъ онъ, дѣйствительно, получилъ 30-го октября письмо отъ великой княжны съ столь важными извѣстіями? Конечно, то, что сдѣлалъ Функе ¹⁾, что сдѣлалъ бы всякій посланникъ, что сдѣлалъ въ другомъ случаѣ самъ же Уильямсъ — послалъ бы немедленно, съ нарочнымъ курьеромъ, въ Берлинъ точную копию съ этого письма. Что же сдѣлалъ теперь Уильямсъ? Онъ получилъ письмо великой княгини 30-го октября и въ теченіи семи недѣль скрывалъ его отъ всѣхъ — отъ своего министерства, отъ Митчела, отъ Фридриха II. Въ эти семь недѣль онъ отправилъ четыре депеши ²⁾ и ни въ одной изъ нихъ не упомянулъ даже ни о письмѣ великой княгини, ни объ интересныхъ его подробностяхъ. Наконецъ, продержавъ у себя письмо около двухъ мѣсяцевъ, онъ посылаетъ не точную съ него копию, а какой-то пересказъ своими словами. Вѣроятно ли это?

Такова внѣшняя сторона; посмотримъ на внутреннюю. Могъ ли Апраксинъ, еще до отъѣзда изъ Петербурга, передавать великой княгинѣ тотъ планъ дѣйствій русской арміи, который заключается въ письмѣ ея къ Уильямсу отъ 30-го октября? Апраксинъ не разъ и категорически заявлялъ, что „при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войска припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны“. Не только въ Петербургѣ, не только въ октябрѣ 1756 года, но до конца января 1757 года Апраксинъ „ни однимъ словомъ не обмолвился о будущемъ планѣ дѣйствій“. И какой же это планъ? Оставить Восточную Пруссію „въ непріятельскихъ рукахъ“, въ тылу русской арміи, направляющейся въ Силезію, — нелѣпость, которая не только Апраксину, но даже австрійскому генералу Букову не могла придти въ голову. Ни въ октябрѣ 1756 года, ни позже Апраксинъ и не думалъ о движеніи въ Силезію. Объ этомъ думали, но не русскіе, а саксонцы, имѣвшіе въ томъ свой интересъ—они предполагали этимъ движеніемъ заставить Фридриха II очистить Саксонію. Въ донесе-

¹⁾ Pol. Corr. XII, 305.

²⁾ Дешеши отъ 2-го, 27-го и 30-го ноября и отъ 9-го декабря. Pol. Corr. XIV, 149, 150, 164 и 165.

ніяхъ русскаго резидента Гросса и въ просьбахъ саксонскаго министра графа Врюля, полученныхъ въ Петербургѣ въ концѣ ноября, высказывается необходимость, чтобъ „диверсія была произведена въ такихъ мѣстахъ, кои королю Прусскому наипаче при сердцѣ лежать, какъ въ Силезіи... что съ лучшею пользою воспринято быть можетъ, нежели со стороны Мемеля“. Никогда, наконецъ, Апраксинъ не думалъ уклониться отъ боя съ врагомъ; напротивъ, русская главная квартира находила, что „чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей, непріятели атаковать, тѣмъ лучше“¹⁾. Такимъ образомъ, по существу „секретныхъ новостей“ онѣ являются не чѣмъ инымъ, какъ слухами о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые рассматривались конференціею въ началѣ декабря, о которыхъ говорили въ петербургскомъ обществѣ и которые дошли до Уильямса. Вотъ почему они и сообщались въ депешѣ отъ 18-го декабря. Желая придать имъ большій вѣсъ, Уильямсъ облачаетъ ихъ въ форму разговора русскаго главнокомандующаго съ великою княгиней; желая же усилить въ глазахъ Митчеля и Фридриха II свое значеніе при маломъ дворѣ, онъ говоритъ, что почерпаетъ эти новости изъ письма къ нему великой княгини!

Упоминаемое въ депешѣ Уильямса отъ 18-го декабря письмо великой княгини представляется намъ чистымъ вымысломъ и должно быть отвергнуто, какъ фальшивое²⁾. Это не письмо великой княгини Екатерины Алексѣевны, а одинъ изъ видовъ обмана Фридриха II англійскимъ посланникомъ Уильямсомъ.

¹⁾ Подробности о планахъ войны впервые обнародованы Масловскимъ, 162—176 и прим. 24-е, стр. 243—266.

²⁾ Мы должны были подробно остановиться на депешѣ отъ 18-го декабря, такъ какъ въ ней прямо сказано, что Екатерина писала Уильямсу письмо (*la lettre qu'elle me fit l'honneur d'écrire*), и тѣмъ не менѣе оказывается, что такого письма не было и быть не могло. Чтò же думать о тѣхъ „письмахъ“, которыми приводятся безъ указанія даже, откуда они взяты, гдѣ изданы или гдѣ хранятся? Обыкновенно ссылаются на 2-й томъ „*Beiträge zur neueren Geschichte*“. Печатавъ выдержки изъ депешъ англійскихъ посланниковъ, Раумеръ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто изъ депеши Уильямса: „Den 9 November *schrieb* mir die Grossfürstin: Ich erhielt heute etc. (Раумеръ, II, 408). Казалось бы, не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ копию съ письма великой княгини къ Уильямсу отъ 9-го ноября; между тѣмъ, въ настоящее время издана вся депеша, и оказывается, что въ ней Уильямсъ передаетъ действительно то же, но не въ еоризъ письма, а какъ слышанное отъ великой княгини—*la Grande-Duchesse m'a fait confidence de ceci* (Pol. Corr., XIV, 79).

Во всей депешѣ отъ 18-го декабря вѣрно подмѣченъ одинъ только фактъ—добрыя отношенія, существовавшія между великою княгиней и главнокомандующимъ. Изъ всѣхъ видныхъ дѣятелей того времени, Апраксинъ занималъ совершенно особое положеніе, не принадлежа ни къ одной изъ борющихся при дворѣ партій: онъ былъ друженъ съ канцлеромъ Бестужевымъ и близокъ съ его врагами, Шуваловыми; въ случаѣ надобности, „онъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между обѣими враждовавшими партіями“ ¹⁾. Посѣщая малый дворъ, Апраксинъ нерѣдко бесѣдовалъ съ великою княгиней и откровенно высказывалъ ей свое мнѣніе о неготовности арміи, о невозможности зимняго похода въ Пруссію, о необходимости отложить начало военныхъ дѣйствій до весны будущаго года. Это онъ говорилъ императрицѣ, членамъ конференціи, въ коллегіяхъ, всѣмъ, ни отъ кого не скрывая своего мнѣнія. Доводы Апраксина были на столько убѣдительны, что не только Екатерина, мало, конечно, понимавшая еще въ военныхъ дѣлахъ, но даже канцлеръ Бестужевъ, хорошо помнившій движеніе русскихъ войскъ въ шведскую войну, не говоря уже о сборахъ къ русскому походу въ 1745 г., вполне соглашались съ нимъ, и признавали невозможность зимняго похода. Добрыя отношенія Екатерины къ Апраксину были извѣстны и Елизаветѣ Петровнѣ, которая не видѣла въ этомъ ничего преступнаго, и Фридриху II, который возлагалъ на эту дружбу большія надежды, уже вполне преступныя относительно государственныхъ интересовъ Россіи. Въ разчетахъ именно на дружбу Екатерины ошибались и Уильямсъ, и Фридрихъ II: оба они полагали, что великая княгиня способна, ради дружбы, имѣть свою политику, политику малаго двора, противоположную политикѣ императрицы, проводить свои сепаратныя цѣли, несогласныя съ задачами большаго двора. Уильямсъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ депешахъ, что такое-то секретное извѣстіе получено имъ отъ великой княгини, что такое-то распоряженіе сообщено ему Екатериною ранѣе его обнаруженія ²⁾ и т. п.; Фридрихъ II,

¹⁾ Mémoires, 247.

²⁾ Сообщая, со словъ канцлера Бестужева, чрезвычайно важныя извѣстія о рѣшеніи петербургскаго двора приступить къ Версальскому договору, Уильямсъ прибавляетъ: „La Grande-Duchesse m'a informé de tout ce qui s'est passé, avant même que le Chancelier m'en a parlé“ (Pol. Corr., XIV, 164). Если это вѣрно, почему же Уильямсъ не сразу сообщилъ эту новость Фридриху II, до тѣхъ поръ пока не узналъ ее отъ Бестужева? Уильямсъ просто клеветаетъ на Екатерину: онъ узнавалъ эту новость ооциально, отъ канцлера Бестужева, и лишь похваляется, что зналъ ее раньше, отъ великой княгини.

обманутый донесеніями изъ Петербурга, считалъ даже возможнымъ подкупить Апраксина при помощи именно Екатерины! Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель, писалъ своему товарищу въ Петербургъ, Уильямсу, отъ 8-го января 1757 года: „Генералъ Апраксинъ вполне преданъ великой княгинѣ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за преданнаго ей. Онъ вовсе не воинъ и дурного мнѣнія о своемъ войскѣ. Поэтому, можно полагать, что онъ вовсе не желаетъ схватиться съ пруссаками въ открытомъ бою. Сверхъ того, Апраксинъ — человѣкъ расточительный и всегда нуждающійся, не смотри на богатые подарки, которые дѣлаетъ ему императрица. На этомъ основаніи Прусскій король полагаетъ, что Апраксину можно предложить извѣстную сумму денегъ, лишь бы онъ задержалъ движеніе русскихъ войскъ, поводъ къ чему всегда легко найдется у главнокомандующаго. Слѣдовало бы при этомъ случаѣ воспользоваться великою княгиней, если она согласится взять на себя это“¹⁾.

Всѣ инсинуаціи Уильямса относительно великой княгини не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Навязываемая ей англійскимъ посланникомъ роль политическаго интригана и даже шпиона является въ данномъ случаѣ просто невысказанною: Екатерина не могла быть шпиономъ, елибѣ даже и желала. Какъ въ то время, такъ и значительно позже, Екатерина „была глубоко убѣждена, что относительно правительства не могла ни въ чемъ упрекнуть себя“²⁾. Самое положеніе великой княгини того времени заставляетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому признанію Екатерины. Какіе секреты были извѣстны великой княгинѣ? Какимъ значеніемъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ она пользовалась? Чтò могла она открыть Уильямсу, въ чемъ помочь? До малаго двора доходили лишь городскіе слухи, бывшіе достояніемъ всѣхъ. Великій князь, правда, засѣдалъ иногда въ конференціи; но вѣдъ великимъ княземъ-то былъ Петръ Федоровичъ³⁾. Вотъ почему Уильямсъ не сообщилъ своему правительству ни одной сколько-нибудь важной новости⁴⁾, которая ранѣе того не была бы извѣстна изъ другихъ источниковъ. Его донесенія только

¹⁾ Raumer, II, 420.

²⁾ Mémoires, 318.

³⁾ Соловьевъ, XXIV, 63; Raumer, II, 409.

⁴⁾ Въ декабрѣ онъ не имѣлъ еще инструкціи Апраксину отъ 5-го октября, между тѣмъ какъ былъ „дружелъ“ съ Екатериною, а Екатерина „дружна“ съ Апраксиннымъ!

вводили въ заблужденіе великобританское министерство. Не смотря на свои „близкія“, какъ онъ писалъ, отношенія къ великой княгинѣ, къ своему „лучшему другу“, какъ онъ ее называлъ, Уильямсъ рѣшительно ни въ чемъ не успѣлъ и былъ отозванъ изъ Петербурга, какъ дипломатъ, не оправдавшій того довѣрія, которымъ онъ былъ облеченъ. Ему вѣрилъ только Фридрихъ II, вѣрилъ на столько, что полагалъ, будто Екатерина способна участвовать въ подкупѣ Апраксина лишь бы задержать движеніе русской арміи противъ Пруссіи! Лучшимъ отвѣтомъ на подобное предположеніе, выраженное въ письмѣ отъ 8-го января, служить слѣдующее собственноручное письмо Екатерины къ канцлеру Бестужеву, отъ 30-го января:

„Я съ удовольствіемъ узнала изъ городскихъ слуховъ, что наша армія вскорѣ начнетъ приводить въ исполненіе наши деклараціи, которыя покрыли бы насъ позоромъ, еслибъ остались не исполненными. Я поручила поздравить по этому поводу фельдмаршала Апраксина и выразить ему мои пожеланія возможно быстрыхъ успѣховъ, и поздравляю также и васъ, такъ какъ вы принимали наибольшее участіе въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, какъ я надѣюсь, послужатъ на пользу и къ славѣ Россіи и которыя, самымъ ослабленіемъ короля Прусскаго, могутъ привести къ возстановленію старой системы, которая есть ваше дѣтище... Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобъ онъ, побивъ короля Прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами, такъ чтобъ мы сами не были вынуждены быть вѣчно на сторожѣ и въ страхѣ. Въ этомъ состоитъ ваша система, и я ничего противъ нея не имѣю, потому что я свояла ее себѣ“¹⁾.

Кажется, ясно на чьей сторонѣ симпатіи Екатерины: Фридрихъ II

¹⁾ Письмо это сохранилось въ копіи, приложенной къ депешѣ саксонскаго резидента Прассе, отъ 2-го (13-го) февраля 1757 года. Прассе сообщаетъ, что первая половина письма была составлена по французски, вторая—по русски; онъ даже называетъ ихъ двумя записками великой княгини, писанными въ одинъ и тотъ же день (*Preussische Jahrbücher*, XXVII, 576). Чтобъ вполне оцѣнить все догадки и подозрѣнія, высказываемыя саксонскимъ резидентомъ по поводу этого письма, необходимо принять во вниманіе, между прочимъ, слѣдующее воспоминаніе Екатерины о немъ: „Ce m. Prasse paraissait souvent instruit de quantité de particularités dont on était étonné d’où il les savait. Plusieurs années après le canal se découvrit: il était l’amant fort secret et fort discret de la femme du vice-chancelier, la comtesse Anna Karlovna, née Scavronsky; celle-ci était très liée avec la femme du maître des cérémonies Samarine, et c’était chez cette femme que la comtesse voyait m. Prasse“. *Mémoires*, 302.

надѣется задержать при ея помощи наступленіе русскихъ войскъ Апраксина, а Екатерина проситъ „recommander à Velt-Maréchal Araxin, après avoir battu le Roi de Prusse, de le confiner dans ses anciennes bornes!“ Кажущееся въ этомъ случаѣ противорѣчіе Екатерины съ ея прежними взглядами легко объясняется. Пока Апраксинъ былъ въ Петербургѣ и „убѣдительно“ доказывалъ невозможность зимняго похода, не только Екатерина или канцлеръ Вестужевъ, но даже и конференція соглашалась съ нимъ и признавала, что наступленіе не можетъ быть начато ранѣе весны ¹⁾; теперь Апраксинъ, въ Ригѣ, среди войскъ, еще болѣе убѣдился въ неготовности арміи къ походу за границу, въ непріятельскую землю, но, съ отъѣздомъ Апраксина, Екатерина лишена уже свѣдѣній чисто военныхъ; въ Петербургѣ преобладаютъ теперь соображенія чисто политическія, и не только отдѣльныя лица, но и вся конференція находятъ, что „въ виду прѣмѣнившихся обстоятельствъ“ необходимо немедленно открыть компанію, чтобъ „замислы короля Прусскаго уничтожить“. Письмо Екатерины къ Вестужеву—отголосокъ общаго настроенія, въ которомъ доминирующею нотой звучитъ стремленіе уничтожить Прусскаго короля.

Эта нота слышится и позже, въ томъ участіи, съ которымъ великая княгиня слѣдитъ за дѣйствіями русской арміи. Весною 1757 г., въ апрѣлѣ, Екатерина пишетъ Апраксину собственноручное письмо, въ которомъ проситъ его не медлить наступленіемъ на Пруссію ²⁾.

¹⁾ „До будущей весны не признается за удобно всею арміею дѣйствовать противъ Пруссіи“. Инструкція генералу Апраксину отъ 5-го октября 1756 года. Архивъ кн. Воронцова, III, 525.

²⁾ „Генераль-квартирмейстеръ Веймаръ въ допросѣ показалъ, что когда онъ, пріѣхавъ въ Ригу, отдалъ фельдмаршалу письма, то фельдмаршалъ, прочитавъ письмо великой княгини, оному не увѣрился, но осердился и сказалъ: *я знаю канцлеровы финты*, а потомъ вынулъ изъ шкатулки другое письмо слечалъ съ онымъ руку и нащодчи, что сходна, сказалъ, *ну хорошо*, и все то заперъ въ ту же шкатулку“ (Госуд. арх., VI, 358, л. 10). Изъ сличенія Апраксинимъ почерка письма великой княгини, слѣдственная комиссія справедливо заключила, что апрѣльское письмо не было первымъ письмомъ Екатерины къ Апраксину и постановила, что „надлежитъ фельдмаршалу очистить, съ какимъ письмомъ слечалъ руку, сколько тѣхъ предыдущихъ писемъ было“ (ibid.) Апраксинъ могъ сличать почеркъ съ похвратительнымъ письмомъ великой княгини съ новымъ 1757 годомъ. Если принять это предположеніе, то всѣхъ писемъ великой княгини къ Апраксину все же окажется *четыре*—два политическихъ, весеннее и осеннее, и два похвратительныхъ, съ новымъ годомъ и съ рожденіемъ сына — а не *три*, какъ неоднократно показывала Екатерина на двухъ допросахъ, сдѣланныхъ ей императрицею (Mémoires, 342, 352).

Когда пришло извѣстіе о поражениі пруссаковъ подъ Гроссъ-Егердорфомъ великая княгиня „дала у себя, въ саду, большой обѣдъ великому князю и всѣмъ знатнымъ лицамъ Ораніенбаума" ¹⁾. Еще рѣзче раздалась эта нота осенью, когда пришло извѣстіе объ отступленіи Апраксина послѣ одержанной побѣды:

„Вскорѣ мы узвали“, пишетъ Екатерина, — „что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобъ, воспользовавшись взятіемъ Мемеля и гроссъ-егердорфскою побѣдой, идти впередъ, отступалъ съ такою поспѣшностью, что это отступление походило на бѣгство — онъ бросалъ и жегъ обозныя фуры, заклепывалъ пушки. Никто не понималъ причинъ этого отступленія; даже друзья Апраксина не знали, чѣмъ оправдать его. Графъ Вестужевъ увѣдомилъ меня, чрезъ Штамбе ²⁾, какой оборотъ принимало движеніе фельдмаршала Апраксина, на которое громко жаловались послы Австріи и Франціи. Онъ просилъ меня написать фельдмаршалу, какъ другу моему, и, присоединяя мои увѣщанія къ доводамъ канцлера, убѣдить его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое его враги объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и позорнымъ для него образомъ. Дѣйствительно, я написала Апраксину письмо, въ которомъ предупреждала его о дурныхъ о немъ слухахъ въ Петербургѣ и сообщала, что друзья его затрудняются оправдывать поспѣшность его отступленія, при чемъ я просила его двинуться опять впередъ и выполнить повелѣнія, данныя ему императрицей. Вестужевъ послалъ ему это письмо. Фельдмаршалъ Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ" ³⁾.

Эти два письма Екатерины къ Апраксину, весеннее и осеннее, несомнѣнно политическаго содержанія. Извѣстны еще два письма великой княгини къ Апраксину, вовсе ужъ неполитическія: въ одномъ она поздравляетъ его съ новымъ годомъ, въ другомъ — съ рожденіемъ сына. Конечно, два послѣднія письма могутъ свидѣтельствовать о добрыхъ отношеніяхъ Екатерины къ Апраксину, что она ни отъ кого и не скрывала; но никакая діалектика, никакія заподозрѣванія, основанныя на дипломатическихъ и иныхъ слухахъ, не мо-

¹⁾ Mémoires, 281.

²⁾ Весной 1756 г. умеръ Потлинъ, министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ; по совѣту Вестужева былъ вызванъ изъ Голштиніи Штамбе, который и занялъ его мѣсто. Министръ Штамбе и секретарь Цейцъ докладывали дѣла не великому князю, герцогу Голштиніи, а великой княгинѣ. Mémoires, 269.

³⁾ Mémoires, 285.

гутъ прочесть въ двухъ первыхъ письмахъ особой склонности великой княгини къ Прусскому королю.

Въ этомъ отношеніи Уильямсъ обманывалъ и себя, и другихъ. Онъ былъ на столько недалковиденъ, что, проживъ въ Петербургѣ болѣе двухъ лѣтъ, не узналъ ни Вестужева, ни Екатерины и, увѣжая, увезъ съ собою убѣжденіе, что вѣрно оцѣнилъ политическіе взгляды, по крайней мѣрѣ, великой княгини. По возвращеніи въ Лондонъ, Уильямсъ представилъ въ министерство слѣдующее собственноручное письмо великой княгини, полученное имъ 19-го августа 1757 г., передъ отъѣздомъ изъ Петербурга:

„Я рѣшилась писать вамъ, не будучи въ состояніи видѣть васъ, чтобъ проститься съ вами. Самыя искреннія сожалѣнія сопровождаютъ того, кого я считаю своимъ лучшимъ другомъ, и поведеніе котораго вызвало къ нему все мое уваженіе и мою дружбу. Никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязана. Чтобъ вознаградить васъ сообразно благодарству вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я воспользуюсь всѣми случаями, какіе можно только себѣ вообразить, чтобъ привести Россію къ тому, въ чемъ я признаю истинный ея интересъ—быть въ дружественномъ союзѣ съ Англіею, оказывать ей повсюду содѣйствіе и предпочтеніе, необходимое для блага всей Европы и особенно Россіи, предъ нихъ общимъ врагомъ Францію, величіе которой составляетъ поворотъ для Россіи. Я научусь практиковать эти чувствованія, на нихъ оснужу я свою славу и докажу королю, вашему государю, прочность этихъ моихъ чувствованій.

„Будьте увѣрены, что я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ увидѣть васъ вповь въ Петербургѣ, но торжествующимъ. Когда-нибудь, какъ я надѣюсь, король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ, съ которою я обращусь къ нему—вновь увидѣть васъ. Отъ этого онъ можетъ только выиграть“ ¹⁾.

Замѣчательное письмо: ни единого слова о Пруссіи, ни даже намека на свои чувства къ Фридриху II, о чемъ Уильямсъ только и хлопоталъ въ послѣднее время, о чемъ онъ такъ часто и такъ много сообщалъ въ своихъ депешахъ. Какъ дипломатъ, преслѣдовавшій извѣстныя цѣли при петербургскомъ дворѣ, Уильямсъ не могъ, конечно, придавать особенную цѣну увѣреніямъ великой княгини въ своихъ симпатіяхъ къ его родинѣ, тѣмъ болѣе, что эти увѣренія сопровождались выраженіемъ непріязни къ Франціи—письмо, вѣдь, пи-

¹⁾ *Reuter*, II, 451.

сано къ англійскому посланнику въ самый разгаръ войны между Англією и Францією. Кромѣ самаго обычнаго приличія, Екатериноу могъ руководить въ этомъ случаѣ и простой расчетъ: для Россіи было очень важно сохранить, по крайней мѣрѣ, не враждебныя отношенія къ Англій и тѣмъ затруднить появленіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, о чемъ такъ хлопоталъ Фридрихъ II ¹⁾). Какъ человѣкъ, Уильямсъ имѣлъ полное право гордиться этимъ письмомъ: великая княгиня называетъ его своимъ „лучшимъ другомъ“, обѣщаетъ никогда не забыть, чѣмъ ему обязана, и „ничего на свѣтѣ такъ не желаетъ“, какъ вновь увидѣть его въ Петербургѣ. Это уже нѣчто большее, чѣмъ простая вѣжливость. Чѣмъ же заслужилъ Уильямсъ дружбу Екатерины? Чѣмъ такъ обязалъ русскую великую княгиню?

Не русскую, и не великую княгиню, а женщину, дѣйствительно, обязалъ Уильямсъ.

Екатеринѣ было 26 лѣтъ, когда Уильямсъ прибылъ въ Петербургъ. Она была женщина красивая, веселая, энергическая, и, по условіямъ придворной жизни того времени, лишенная всякой живой дѣятельности. Уже восьмой мѣсяцъ была она матерью перваго ребенка, но этого ребенка удалили отъ ея материнской ласки, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видала его; отецъ этого ребенка только что оказался недостойнымъ той любви, которою пользовался. Именно въ это время, въ свитѣ англійскаго посланника прибылъ въ Петербургъ полякъ графъ Поватовскій. Онъ произвелъ на Екатерину большое впечатлѣніе. Въ трудныя минуты жизни, она вспоминала это и подобныя ему впечатлѣнія, и такъ объясняла ихъ:

„Я была одарена очень большою чувствительностью и внѣшностью, по меньшей мѣрѣ, весьма привлекательною—я нравилась съ перваго же взгляда, не употребляя для этого никакого искусства, никакихъ прикрасъ. Я была въ высшей степени общительна и имѣла правъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій; но съ умомъ и характеромъ мужчины во мнѣ соединялась привлекательность весьма любовной женщины. Я сказала уже, что нравилась мужчинамъ; слѣдовательно, одна половина искушенія была уже готова, другая же, по самой сущности человѣческой природы, является вслѣдъ за первую, потому что искушать и быть искушаему—очень близко одно отъ другаго. Если же къ этому примѣшается еще чувствительность, то какіе бы строгіе при-

¹⁾ Pol. Corr., XIII, 85, 124; XIV, 190, 349, 397, 446, 476. 511.

цпы нравственности не были запечатлѣны въ головѣ, непремѣнно очутиться гораздо дальше, чѣмъ предполагалъ, и я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ можно преодолѣть это. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ только бѣгство могло бы помочь; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, когда никакое бѣгство не возможно—какъ избѣгать, устраняться, отворачиваться среди придворной обстановки? Это тотчасъ обратило бы на себя вниманіе, возбудило бы толки. Да, если бѣжать нельзя, то, по моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться тому, что сильно прельщаетъ. Все что ни говорили бы противъ этого, все будетъ только лицемѣріе и незнаціе человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; его въ кулакѣ не удержишь и оно никакихъ разсудочныхъ приказаній не слушается“¹⁾.

Графъ Понятовскій былъ принятъ при больномъ дворѣ, поивлялся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, сблизился съ малымъ дворомъ. Онъ понравился великому князю своими насмѣшками надъ саксонцами, не только надъ графомъ Брюлемъ, но и надъ королемъ Августомъ—Петру Ѳедоровичу нравился всякій, принижавшій враговъ боготворимаго имъ Фридриха II; онъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостію, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ, ловкостію. Графъ Понятовскій велъ себя въ Петербургѣ крайне неосторожно. Что онъ поддерживалъ здѣсь родственную ему партію Чарторижскихъ, враждовавшихъ съ Польскимъ королемъ, что онъ хлопоталъ объ острожскомъ наслѣдствѣ²⁾, приносящемъ Чарторижскимъ миллионныя доходы—это было, по крайней мѣрѣ, естественно и понятно со стороны частнаго человѣка, родственника князей Чарторижскихъ; но онъ позволялъ себѣ, сверхъ того, легкомысленныя выходки противъ государственныхъ людей Саксоніи, всяческія интриги и происки противъ саксонскихъ интересовъ, стараясь „раздражить петербургскій дворъ противъ польско-саксонскаго“³⁾. Графъ Понятовскій прожилъ въ Петербургѣ съ небольшимъ годъ и, въ августѣ 1756 года, долженъ былъ покинуть русскую столицу по требованію польско-саксонскаго правительства. Удаленіе графа Понятовскаго было крайне неприятно молодому двору, и великая княгиня употребила все свое вліяніе на великаго канцлера, чтобы ускорить возвра-

¹⁾ Mémoires, 331.

²⁾ A. de Broglie, La diplomatie secrète de Louis XV. *Revue de deux mondes*, 1870, mai, 299.

³⁾ Денеша саксонскаго резидента Прассе отъ 21-го іюня 1756 г.

шеніе графа Понятовскаго въ Петербургъ. По настоянію Екатерины начались переговоры между графами Бестужевымъ и Брюлемъ. Бестужевъ признавалъ, что для императрицы графъ Понятовскій вовсе не *persona grata*, но усиленно доказывалъ необходимость исполнить желаніе молодого двора; Брюль находилъ несвоевременнымъ раздражать великокняжескую чету отказомъ, и 23-го декабря 1756 года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ, но уже не частнымъ членомъ, а въ качествѣ министра Польской республики. Положеніе графа Понятовскаго, какъ лица официального, стало теперь еще болѣе деликатнымъ, поведеніе же его еще болѣе неосторожнымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, онъ передалъ великому канцлеру бумагу, которою ходатайствовалъ, чтобъ русскому резиденту въ Варшавѣ приказано было хлопотать въ пользу Чарторижскихъ въ спорномъ дѣлѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ, и канцлеръ Бестужевъ долженъ былъ исполнить эту просьбу, такъ какъ она была поддержана собственноручною записочкой великой княгини ¹⁾. Другими словами: официальный представитель Польскаго короля дѣйствуетъ прямо во вредъ (*gecht zum Nachtheil*) интересамъ своего государя ²⁾. Не удивительно, что графъ Брюль грозилъ немедленно же отозвать графа Понятовскаго изъ Петербурга ³⁾. Эта угроза смутила Бестужева: если она будетъ приведена въ исполненіе, весь гнѣвъ великой княгини обрушится на него. Увѣдомляя великую княгиню о предстоящей бѣдѣ, графъ Бестужевъ указывалъ и средство избѣжать угрозы. Англійскій посланникъ Уильямсъ крайне враждебенъ польско-саксонскому двору, между тѣмъ графъ Понятовскій, представитель этого двора, сообщаетъ всѣ секреты своему другу, Уильямсу; Уильямсъ передаетъ ихъ Фридриху II, и Фридрихъ II пользуется этими свѣдѣніями для своихъ злостныхъ видовъ противъ Саксоніи. Нельзя, поэтому, и винить графа Брюля за его неудовольствіе на графа Понятовскаго, и крайне необходимо, чтобъ графъ Понятовскій измѣнилъ свои отношенія къ Уильямсу; объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать, если желательно сохранить за графомъ Понятовскимъ занимаемый имъ постъ. Екатерина отвѣчала на это предостереженіе слѣдующимъ письмомъ графу Бестужеву:

¹⁾ Отъ 2-го февраля 1757 года. Записка эта не сохранилась; о ней упоминаетъ Прассе въ донесѣ отъ 13-го февраля.

²⁾ *Preuss. Jahrb.* XLVII, 575.

³⁾ Письмо гр. Брюля саксонскому резиденту Прассе отъ 21-го марта 1757 г.

„Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія о злыхъ умыслахъ Прусскаго короля; это даетъ мнѣ новое оружіе для противодѣйствія ему. Но наибольшее доказательство дружбы, какое вы можете представить мнѣ, заключается въ твердой и рѣшительной поддержкѣ и защитѣ графа Понятовскаго отъ его враговъ. Ему столь многими обязаны, что, казалось бы, не должны и думать о нанесеніи ему вреда; если же ему повредятъ, то жестоко раскаются. Прощайте. Надѣюсь на насъ“¹⁾.

Для Вестужева нѣтъ выбора: если надежды Екатерины на него не оправдаются, если гр. Понятовскій будетъ отозванъ, Вестужевъ потеряетъ послѣднюю свою опору. Противъ него вице-канцлеръ Воронцовъ, противъ него всѣ Шуваловы; они возстановили уже противъ него и императрицу; только великая княгиня за него, только ради ея враги канцлера не высказываются еще открыто, громко. Выбора нѣтъ и воля Екатерины должна быть исполнена. Послѣ недолгихъ переговоровъ, саксонскій резидентъ Прассе заявилъ, что графъ Понятовскій можетъ остаться въ Петербургѣ лишь подъ двумя условіями: прервать всякія сношенія съ Уильямсомъ и не идти противъ интересовъ короля, своего государя, въ спорномъ вопросѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ. Узнавъ эти условія, Екатерина требовала отъ Вестужева, чтобъ онъ написалъ графу Брюлю рѣшительное письмо, въ которомъ сообщилъ бы ему, что отношенія графа Понятовскаго къ Уильямсу никоимъ образомъ не вредятъ варшавскому двору и что пребываніе графа Понятовскаго въ Петербургѣ признается безусловно необходимымъ. Великая княгиня писала по этому поводу графу Вестужеву:

„Упрекать графа Понятовскаго за его сношенія съ Уильямсомъ болѣе чѣмъ жестоко, такъ какъ вы сами одобряли эти сношенія и даже требовали ихъ, находя, что только графу Понятовскому можно довѣрять подобную переписку. Теперь, вмѣсто того, чтобъ быть ему благодарнымъ за то, что онъ честно хранитъ тайну (разоблаченіе которой послужило бы лучшимъ его оправданіемъ), вы платите ему недоувѣріемъ... Я знаю, что еслибъ вы потребовали отъ графа Брюля, чтобъ онъ не ѣлъ хлѣба, онъ послушается васъ. Лишь бы только вы дѣйствовали такъ, какъ я желаю, то никогда не посмѣютъ поступать противно тому, чего вы искренно желаете. Я до послѣдней крайности послѣдую всѣмъ совѣтамъ, которые вы даете мнѣ отно-

¹⁾ *Pruss. Jahrb.* XLVII, 577.

сительно предосторожностей, и хотя они, быть можетъ, только плодъ воображенія, я все-таки благодарю васъ за нихъ. Все зависить отъ васъ и я въ этомъ случаѣ полагаюсь и буду полагаться только на васъ" ¹⁾).

Екатерина не ошиблась: по совѣту Бестужева, графъ Брюль, дѣйствительно, отказался отъ хлѣба. Саксонскій министръ вполне подчинился въ этомъ случаѣ указаніямъ графа Бестужева и въ письмѣ отъ 11-го іюля 1757 г. писалъ изъ Варшавы: „графомъ Понятовскимъ здѣсь на столько довольны, что вовсе и не думаютъ объ его отозваніи. Хотя и не въ состояніи достойно вознаградить его вѣрную службу деньгами и приличнымъ содержаніемъ, но его королевское величество рѣшился поощрить усердную и полезную службу названнаго графа другимъ способомъ, который ему будетъ, конечно, гораздо пріятнѣе и важнѣе, чѣмъ деньги“.

Этимъ обрывается переписка Екатерины съ канцлеромъ Бестужевымъ. Слѣдующая записочка великой княгини писана уже не къ графу Бестужеву и послѣ ряда серьезныхъ событій, значительно поколебавшихъ почву подъ ногами дѣйствующихъ лицъ: 19-го августа, Апраксинъ разбиваетъ пруссаковъ подъ Гроссъ-Егердорфомъ и, не преслѣдуя врага, поспѣшно отступаетъ; 8-го сентября, императрица валется на улицѣ въ припадкѣ падучей болѣзни; въ октябрѣ Апраксинъ отрѣшенъ отъ главнокомандованія арміею, арестованъ и подвергнутъ допросу; 14-го февраля 1758 года, арестованъ великій канцлеръ графъ Бестужевъ, а 16-го Екатерина пишетъ Пуговишникову: „Вамъ нечего опасаться; успѣли все сжечь“ ²⁾).

Что сжечь? Зачѣмъ сжечь? Какой Пуговишниковъ? Чего ему опасаться?

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ головою, двумя, выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны. Онъ нѣкогда поборолъ князя Черкаскаго, мѣрялся съ Бирономъ, побѣдилъ Шетарди, погубилъ Лестока и за испитанное имъ „неповинное претерпѣніе“ былъ вознесенъ, пожалованъ, почтенъ. Бестужеву ли, посѣдѣвшему въ политической интригѣ и придворной кабалѣ, не осилить какого-либо Ворон-

¹⁾ *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 578.

²⁾ *Mémoires*, 314.

цова или Шувалова? Ни маркизу Лопиталю, ни графу Эстергази не по плечу борьба съ великимъ канцлеромъ. Но Вестушевъ уже старъ—ему 70-й годъ; но онъ одинъ, а враги его тѣсно спланиваются, они привлекли на свою сторону даже его роднаго брата и, что особенно опасно, за нихъ молодой фаворитъ, И. И. Шуваловъ, всесильный своимъ вліаніемъ на императрицу, которая думаетъ его мыслями, видитъ его глазами. Нервная, легкомысленная Елизавета никогда не любила Вестужева; она его терпитъ за его умъ, за его знанія, за его опытность политическую—трудно ли возбудить императрицу противъ него? Куда не посмотритъ Вестушевъ, всюду видитъ онъ только враговъ, которые съ каждымъ днемъ становятся смѣлѣе, дерзче, и все глубже подкапываются подъ него. Какъ устоять одному противъ всѣхъ; борьба не равна. Вестушевъ ищетъ опоры, а такую опорой могъ быть только молодой дворъ. Онъ, конечно, теперь ничто; но въ будущемъ, и можетъ быть, очень близкомъ, онъ все, и враги Вестужева, видя близость его къ молодому двору, будутъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Но что такое молодой дворъ? Вестушевъ насквозь видитъ великаго князя, считаетъ его ребенкомъ, и ребенкомъ неумнымъ, знаетъ его увлеченіе Прусскимъ королемъ, его готовность пожертвовать всѣмъ ради возлюбленной Голштиніи; день восшествія на престолъ Петра Федоровича будетъ днемъ гибели Вестужева, вѣкъ свой ратовавшаго противъ Прусскаго короля, ни въ грошъ не ставившаго Голштинію. Остается только великая княгиня: она умна и пойметъ его, она честолюбива и поддержитъ его, нужно только заинтересовать ее, привлечь на свою сторону. Но чѣмъ и какъ? Вестушевъ старъ, но надъ такими вопросами не задумывался. Онъ входитъ въ добрыя сношенія съ матерью великой княгини и завязываетъ съ нею переписку ¹⁾, сообщаетъ Екатеринѣ извѣстія о заграничномъ путешествіи Сергѣя Салтыкова, пользуется прибытіемъ въ Петербургъ графа Понятовскаго и дѣлаетъ его довѣреннымъ посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ великою княгиней. Обязавъ, такимъ образомъ, дочь и женщину, Вестушевъ, стараясь привлечь къ себѣ и будущую властительницу, переслалъ ей, чрезъ того же гр. Понятовскаго, свой проектъ, касающійся престолонаслѣдія. Этотъ проектъ не сохранился; о немъ мы узнаемъ изъ мемуаровъ Екатерины:

„Волѣнненное состояніе и частые припадки императрицы заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Вестушевъ и по мѣсту, имъ

¹⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 9-я.

занимаемому, и по своимъ умственнымъ способностямъ подумывалъ объ этомъ болѣе другихъ. Онъ зналъ о томъ отвращеніи къ нему, которое давно уже было внушено великому князю. Ему хорошо были извѣстны слабыя способности этого принца, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ коронъ. Естественно, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій бы на его мѣстѣ, желалъ удержаться на своемъ посту. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ отношусь къ нему съ съ уваженіемъ. Къ тому же, онъ лично видѣлъ во мнѣ въ это время единственное существо, на которомъ могли сосредоточиваться надежды общества въ моментъ, когда не стало бы императрицы. Эти и подобныя соображенія внушили ему планъ, чтобы, тотчасъ по кончинѣ императрицы, великій князь былъ объявленъ по праву императоромъ и, въ то же время, я была бы объявлена участницею въ управленіи, чтобы всѣ лица остались при своихъ должностяхъ и чтобы ему былъ предоставленъ чинъ подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и президентство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ—иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Его желанія, такимъ образомъ, были чрезмѣры. Проектъ такого манифеста, писанный рукою Пуговишникова, онъ переслалъ мнѣ чрезъ графа Понятовскаго, посоветовавшись съ которымъ, я отвѣчала графу Бестужеву словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, но считаю ихъ трудно выполнимыми. Онъ много разъ писалъ и давалъ переписывать свой проектъ, измѣнялъ его, дополнялъ, сокращалъ и, казалось, былъ имъ очень занятъ. Правду сказать, я смотрѣла на этотъ проектъ какъ на бредни, какъ на приманку, которою старикъ хотѣлъ войти ко мнѣ въ довѣріе; я, однако, не поддавалась на эту приманку, но такъ какъ дѣло было не спѣшное, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику^а.

Вскорѣ новый припадокъ императрицы доказалъ, что это не спѣшное дѣло должно быть всегда на готовѣ. 8-го сентября 1757 года, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елизавета Петровна отправилась изъ своего царскосельскаго дворца въ приходскую церковь, въ двухъ шагахъ отъ дворцовыхъ воротъ. Едва началась служба, императрица почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по церковному крыльцу и, сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ на траву. Ею обступила толпа народа, сошедшаго изъ окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Императрица вышла изъ церкви одна, безъ свиты; извѣщенныя дамы и другія приближенныя лица тотчасъ же прибѣжали на помощь и нашли императрицу все еще на травѣ, безъ

сознанія, посреди народа, который смотрѣлъ на нее, но не смѣлъ прикоснуться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторомъ. Первымъ прибылъ хирургъ Фусадье, французскій эмигрантъ. Онъ немедленно, тутъ же, на травѣ, посреди народа, на глазахъ толпы, пустилъ ей кровь, но императрица не приходила въ себя. Долго ждали доктора Кондонди, грека—онъ былъ болѣнъ и его принесли въ креслѣ. Наконецъ, принесли изъ дворца ширмы и кушетку; подняли императрицу, положили на кушетку, терли мазики, давали нюхать всевозможные спирты—она не приходила въ себя; такую, въ безчувственномъ состояніи, и перенесли ее во дворецъ, послѣ того, что она болѣе двухъ часовъ лежала на улицѣ. Во время этого припадка Елизавета Петровна такъ прикусила себѣ языкъ, что въ теченіи нѣсколькихъ дней не владѣла имъ, и долго потомъ говорила невнятно.

Этотъ припадокъ, породившій всевозможные толки и разоблачившій болѣзненное состояніе императрицы, которое тщательно скрывали даже отъ общества, не только отъ народа, совпалъ съ дурными извѣстіями съ театра войны. Одна за другою приходили вѣсти: Апраксинъ не преслѣдуетъ непріятели, разбитаго подъ Гроссъ-Егердорфомъ, Апраксинъ отступаетъ, Апраксинъ бѣжитъ, никто не преслѣдуемый....

Вой подъ Гроссъ-Егердорфомъ не былъ боемъ рѣшительнымъ. Потерпѣвшая пораженіе прусская армія Левальда осталась „не добытою“. Пруссаки отступили къ Велау и остановились; русскіе подступили къ Алленбургу и тоже остановились. Эта обоюдная остановка дала возможность осмотрѣться. Чтò же оказалось? Левальдъ пополнилъ убыль въ рядахъ арміи милиціей и взялъ запасы изъ белаускихъ магазиновъ; Апраксину пополнилъ убыль нечѣмъ и провіанта взять неоткуда. Оставаясь въ Алленбургѣ, онъ разрывалъ свое сообщеніе съ Россією на Ковно и для овладѣнія Кенигсбергомъ долженъ былъ предварительно уничтожить всю армію Левальда. Созванному Апраксинимъ 27-го августа военному совѣту взаимное положеніе обѣихъ армій представлялось въ слѣдующемъ видѣ: русская чувствуетъ уже недостатокъ продовольствія, прусская получаетъ провіантъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ; числомъ войскъ русская армія „умалена и умалается“, непріятель же „на мѣсто потерянной артиллеріи, приведенною вновь изъ Кенигсберга съ излишествомъ себя снабдилъ, всю ландмилицію и старослужащихъ къ себѣ собралъ“. Военный совѣтъ постановилъ: отступить сперва къ Тильзиту и, обезпечивъ

тамъ себя продовольствіемъ, затѣмъ уже продолжать прежній планъ наступленія на Лабіаву. 12-го сентября русская армія заняла Тильзитъ, а на другой же день, 13-го, авангардъ прусской арміи Левальда, желавшаго отплатить за гроссъ-егердорфское пораженіе, показался въ ближайшихъ окрестностяхъ Тильзита. Левальдъ поздно созналъ свою ошибку; онъ видѣлъ, какъ разстроенная, ослабленная русская армія уходитъ отъ него и рѣшился дать бой подъ Тильзитомъ. Принять бой было бы грубою ошибкой Апраксина — всѣ шансы успѣха были на сторонѣ пруссаковъ. На военномъ совѣтѣ 13-го сентября было рѣшено: отступить отъ Тильзита. Трудная переправа черезъ Нѣманъ была выполнена къ 16-му сентября. Въ началѣ ноября вся русская армія расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Такъ представляется фактъ „отступленія“ Апраксина теперь, спустя 130 лѣтъ ¹⁾; не такъ рисовался онъ современникамъ. Незнакомые съ подробностями дѣла громко обвиняли Апраксина чуть ли не въ измѣнѣ и приводили отступленіе „побѣдоносной“ русской арміи въ связь съ припадкомъ падучей Елизаветы Петровны: Апраксинъ велъ свою армію изъ Пруссіи обратно въ Россію, желая захватить въ свои руки положеніе дѣла въ случаѣ смерти императрицы, отчаянное состояніе которой было сообщено главнокомандующему его „другомъ“ графомъ Вестужевымъ ²⁾. Люди, стоявшіе у дѣла, знали, что „побѣдоносная“ армія умирала съ голоду, что Левальдъ гнался за нею по пятамъ, такъ что уже отъ Инстербурга пришлось жечь всѣ деревни, чтобъ затруднить наступленіе непріятеля, искавшаго боя. Солдаты, вынесшіе на себѣ всю тяжесть похода, гроссъ-егердорфскаго боя и отступленія, негодовали, что русскій Апраксинъ смѣняетъ нѣмцемъ Ферморомъ.

Эта смѣна была нужна по политическимъ соображеніямъ—Апраксинъ былъ искушительною жертвой, предназначенною для успокоенія союзниковъ, австрійцевъ и французовъ. 16-го октября конференція постановила дать знать союзникамъ, что рѣшено „команду надъ ар-

¹⁾ *Масловскій*, 305—331.

²⁾ Постановленія объ отступленіи были рѣшены не единолично Апраксинимъ, а всѣмъ „генералитетомъ“, военнымъ совѣтомъ 27-го августа, 13-го и 28-го сентября, въ томъ числѣ и Ферморомъ, смѣнившимъ Апраксина въ главнокомандованіи. Последовательность требовала бы обвинить всѣхъ генераловъ въ „дружбѣ“ съ гр. Вестужевымъ и въ измѣнѣ. *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Масловскій*, 311.

мію у фельдмаршала Апраксина взять, поручить ону Фермору, а Апраксина сюда къ отвѣту позвать*.

Въ этомъ всѣ члены конференціи были согласны. Конференц-секретарь Волковъ объявилъ 7-го октября, что „ея императорское величество имянно указала, чтобъ каждый членъ конференціи мѣнше свое, особливо запечатавъ, ея императорскому величеству подалъ“. 7-го же октября Елизаветѣ Петровнѣ были поданы пять пакетовъ. Графъ Бестужевъ-Рюминъ, А. Вутурлинъ, графъ А. Шуваловъ, князь Трубецкой и графъ П. Шуваловъ, каждый порознь, находили необходимымъ отрѣшить Апраксина отъ командованія дѣйствующею арміею, вызвать его „для держанія надъ нимъ военнаго суда“, назначить главнокомандующимъ генерала Фермора и о всемъ этомъ „немедленно жъ союзникамъ знать дать“. Представители „союзниковъ“, маркизъ Лопиталь и графъ Эстергази, усиленно поддерживали раздраженіе противъ Апраксина за „безславную ретираду“; при дворѣ стали поговаривать о возможности немедленнаго арестованія Апраксина.

Великій канцлеръ, одинъ изъ всѣхъ членовъ конференціи возсталъ противъ этого: „Есть либъ иногда откого либо“, пишетъ Бестужевъ въ своемъ мнѣніи—„ея императорскому величеству представлено было дабы фельдмаршала тотъ часъ и арестовать; то сверхъ того что сие съ природнымъ ея величества великодушіемъ и милосердіемъ несходно было бъ, канцлеръ не потому, что онъ всегда его пріятель былъ, пачеже изъ усердія къ славѣ ея императорскаго величества на сіе своего согласованія и для того недалъ бы, ибо то какъ равносременно еще, такъ и походило бы на обычай азіатскихъ державъ, дѣло самую экзекуцію начинать, и не разсмотря еще винъ и не выслушавъ оправданія наказывать, какъ бы онъ между тѣмъ виновнымъ неказался, чемъ толко выще безславіе навлечено былобъ“.

Вопросъ о степени виновности Апраксина, даже съ намёками на возможность полнаго его оправданія, выраженъ въ замѣчательномъ мнѣніи графа Шувалова въ слѣдующей формѣ:

„Волеезъ всего усердіе мое теперь какъ и надлежитъ ктому простираетца, какъ сие воспоследовавшее зло скорее поправить. Сумнительствъ столюко много кпредсужденію ево, что видитца и оправдатца ему трудно, есть правда и доказательства тому, что для сохраненія арміи делано, какъ то изъ результатовъ держанныхъ генералитетомъ совѣтовъ и реляцій ево видно, но какъ одного ко обвиненію такъ другога ко оправданію недостаточно... Для собствен-

наго вашего императорскаго величества правосудія и для переду весьма важно стонкостно разсмотреть все притчины несостоянія арміи и ея ретирады, ибо каковыбъ оплошности ни были, однакожъ худому состоянію арміи другимъ притчинамъ быть надобно; изъ оплошности одной не можно бросать ружье, воинскія снаряды и прочее безъ наиважнѣйшихъ ктому ревоновъ... Ежели фельдмаршалъ изобличенъ будетъ и оправдатца невозможно, то по строгости законовъ впримѣръ другимъ и во удовлетвореніе правосудія вашего величества поступить, ежелижъ оправдитца то ваше величество особливую изъ того получите пользу, ибо открытца тогда способы къ произведенію войны слутчимъ успехомъ... Правда для большой наружности можно бы и не бравъ ево сюда поручить кому либоже изслѣдовать вриге, но сие показало, что ищетца не изследовать токмо и правосудіе показать, но единственно дать свой гневъ чюствовать, чемъ и всякій новой командиръ болше встрахъ и робость приведетца, нежели пошритца, на противужъ того вида что безъ изследыванья внастоящемъ месте никто не осуждаетца, но всякъ защищаетца самими отъ Бога и отъ вашего величества данными законами, не осуждать ни кого безъ изследыванія и не взявъ ево оправданія, получить въ свои предприятия надежность, и натурално должностно и самолюбиемъ пошритца сделать лучше своего предместника¹⁾.

Еще до назначенія военнаго суда надъ Апраксинымъ императрица потребовала отъ генерала Фермора, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе о „безславной ретирадѣ“. Покоритель Мемеля, „какъ предъ Богомъ по сущей правдѣ“, показалъ, что причиною отступленія Апраксина изъ Пруссіи былъ „недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи“, вслѣдствіе чего они „въ совершенную худобу пришли“, такъ что не возможно было „съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операций произвестъ“. Фермору повѣрили на столько, что Фермора же назначили главнокомандующимъ на мѣсто Апраксина. Послѣ этого не могло быть и рѣчи о военномъ судѣ надъ Апраксинымъ—по вопросу о ретирадѣ онъ былъ обѣленъ вполне. Начался судъ невоенный.

Апраксинъ друженъ съ Вестужевымъ, Шуваловы горой стоятъ за Апраксина; къ тому же Апраксинъ, по мнѣнію „союзниковъ“, человекъ недалекій, не имѣющій своего мнѣнія. Онъ, для нихъ, только

¹⁾ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; протоколъ конвенціи отъ 7-го октября 1757 года.

орудіе въ рукахъ болѣе опытныхъ, и эти руки, водившія Апраксинымъ, будутъ управлять и Ферморомъ, и всякимъ главнокомандующимъ; для союзниковъ важнѣе не Апраксинъ; не отъ него зависить ходъ дѣла — отъ Вестужева. У Вестужева много враговъ; противъ него и Шуваловы, и Воронцовъ, и всѣ члены конференціи, но за Вестужева еще императрица. Онъ падеть тогда лишь, когда императрица убѣдится, что онъ измѣняетъ ей, что онъ ведетъ „свою“, помимо ея, политику. Эта „своя“ политика могла быть только политикой малаго двора, и вотъ Елизаветѣ Петровнѣ говорятъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ, затѣянной Вестужевымъ, ее пугаютъ честолюбивыми замыслами великой княгини, поддерживаемой и, быть можетъ, руководимой Вестужевымъ. Враги Вестужева знаютъ, что переписка эта совершенно невиннаго свойства, они читали письма Екатерины къ Апраксину, у нихъ есть копія этихъ писемъ; но они знали также Елизавету Петровну: довольно возбудить только ея подозрительность, достаточно самаго факта переписки; въ чемъ бы эта переписка ни заключалась, она во всякомъ случаѣ преступна въ ея глазахъ, и если Вестужевъ зналъ объ этой перепискѣ и не доложилъ императрицѣ—онъ виноватъ.

Елизавета Петровна не сразу повѣрила паговорамъ Эстергази. Въ концѣ января, графъ А. Шуваловъ, „великій инквизиторъ“ и обергофмейстеръ великокняжескаго двора, былъ посланъ въ Нарву, чтобы переговорить съ Апраксинымъ о его перепискѣ съ великою княгиней и взять у него самія письма Екатерины. Въ началѣ февраля, графъ Шуваловъ возвратился изъ Нарвы: Апраксинъ, правда, подъ присягою показалъ, что не получалъ отъ великой княгини никакихъ увѣщаній, противныхъ воли императрицы, но призналъ, что переписывался съ нею и выдалъ письма къ нему Екатерины. Въ глазахъ Елизаветы Петровны это былъ уже *corpus delicti*, но болѣе противъ великой княгини, чѣмъ противъ великаго канцлера; императрица недовольна, но болѣе Екатериной, чѣмъ Вестужевымъ. Для начала и этого было довольно; нужно было только продолжать начатое. Императрицѣ указали, что графъ Понятовскій, вопреки ея воли, но по желанію графа Вестужева, остается въ Петербургѣ, что министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ Штамбеке, по воли Вестужева, получилъ польскій орденъ Вѣлаго Орла, и, быть можетъ, другіе факты, столь же незначительные, но свидѣтельствующіе о какомъ-то особомъ значеніи Вестужева, которое подозрительность легко приводитъ въ связь съ ущербомъ самодержавія императрицы. Французскій

посланникъ Лопиталь, въ это же время, заявилъ вице-канцлеру М. Д. Воронцову, съ которымъ, по личному приказанію императрицы, онъ велъ всѣ переговоры, что получилъ отъ своего государя предписаніе прекратить сношенія съ вице-канцлеромъ и впредь сноситься только съ великимъ канцлеромъ, съ графомъ Бестужевымъ; немного спустя, великій князь явился къ своей августѣйшей теткѣ, каялся въ своемъ дурномъ поведеніи, говорилъ, что оно происходило отъ дурныхъ совѣтовъ и называлъ такимъ совѣтникомъ графа Бестужева. Для подозрительной и нервной императрицы этого было уже исполнѣ довольно; но Елизавету Петровну увѣрили еще, что, по арестованіи Бестужева, въ домъ его найдутся бумаги, изъ которыхъ раскроется преступная близость Бестужева къ великой княгини, связанная съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, и императрица дала свое согласіе на арестъ великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина.

1758 года, 14-го февраля, въ субботу вечеромъ, назначено было засѣданіе конференціи. Бестужевъ прислалъ сказать, что болѣнъ и не можетъ явиться въ засѣданіе. Елизаветѣ Петровнѣ представили это какъ ослушаніе воли ея величества. Императрица разгнѣвалась и приказала Бестужеву явиться. Едва великій канцлеръ вошелъ въ конференцъ-залу, какъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ отведенъ въ свой домъ. Бестужевъ былъ арестованъ во дворцѣ, близъ великокняжескихъ покоевъ, и Екатерина ничего не знала объ этомъ. На другой день, поутру, она получила отъ графа Понятовскаго слѣдующую записку: „Вчера, вечеромъ, графъ Бестужевъ арестованъ, лишентъ всѣхъ должностей и чиновъ; арестованы также вашъ брильянщикъ Бернарди, Елагинъ и Адауровъ“.

Екатерину не пугала поѣздка графа Шувалова въ Нарву за ея письмами—ея переписка съ Апраксиннымъ была такъ невинна, такъ согласна съ видами правительства. Что ей до ареста Бернарди, Елагина, Адаурова? Итальянецъ Бернарди, торговавшій брильянтами, былъ вхожъ во всѣ дома, всѣмъ оказывалъ мелкія услуги, всѣ были ему должны; отъ умнаго, бывалаго итальянца ничего политическаго не узнаютъ, такъ какъ онъ самъ ничего политическаго не знаетъ. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, бывшій адъютантъ оберъ-егермейстера графа А. Г. Разумовскаго, другъ графа Понятовскаго, честный, правдивый, рыцарски преданный великой княгинѣ, ничего лишняго не скажетъ, хотя ему и было бы что поразказать. Василій Евдокимовичъ Адауровъ, учившій нѣкогда Екатерину русскому языку, прежде близкое лицо къ князю Н. Ю. Трубецкому, теперь довѣренный чело-

лѣкъ графа Вестужева, преданный своей ученицѣ, ея вѣрный слуга. Ни Бернарди, ни Елагинъ, ни Ададуровъ не опасны: что, кромѣ семейныхъ дразгъ и мелкихъ сплетенъ, можно узнать отъ нихъ? Другое дѣло—арестъ Вестужева: у него письма и записочки Екатерины, у него проектъ о престолонаслѣдіи—не она писала его, но онъ составленъ въ ея интересахъ!

Екатерина читала и перечитывала утреннюю записочку графа Понятовскаго, и какъ ни думала, ни гадала, а выходило, что ей „нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанною въ это дѣло“. И ни откуда никакого извѣстія, не только утѣшенія—ни разъясненія причинъ, ни даже подробностей ареста, ничего. Екатерина одѣлась и пошла, „словно съ книжаломъ въ сердцѣ“, къ обѣднѣ; видѣла многихъ, но всѣ хранили молчаніе. Но если всѣ молчатъ—она молчать не можетъ. Вечеромъ, въ воскресенье же, во время бала, бывшаго по случаю свадьбы Льва Нарышкина, Екатерина подошла къ маршалу свадьбы, князю Трубецкому, „какъ будто посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ“, и сказала ему въ полголоса: „*Qu'est-ce que c'est donc que ces belles choses? Avez-vous trouvé plus de crimes que de criminels, ou avez-vous plus de criminels que de crimes?*“¹⁾ Князь отвѣчалъ: „Мы сдѣлали, что было намъ приказано; преступленій же еще ищутъ. До сихъ поръ всѣ поиски не были удачны“. Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась Екатерина къ фельдмаршалу Бутурлину и получила тотъ же отвѣтъ: „Вестужевъ арестованъ; теперь же мы ищемъ причины, за что его арестовали“. Могло ли это успокоить Екатерину? Князь Трубецкой и Бутурлинъ, правда, назначены слѣдователями, они знаютъ положеніе дѣла, но они знаютъ также, что говорятъ съ великою княгиней и отвѣчаютъ на вопросъ о человѣкѣ, которымъ она интересуется. Только въ понедѣльникъ, 16-го февраля, голштинскій министръ Штамбе принесъ Екатеринѣ утѣшительную вѣсточку: онъ получилъ отъ Вестужева записку съ просьбою передать великой княгинѣ, чтобы она „не беспокоилась на счетъ того, что знаетъ“, что онъ имѣлъ время „все бросить въ огонь“. Тотчасъ по уходѣ Штамбе, Екатерина написала извѣстную записочку Пуговишникову: „Вамъ нечего опасаться; успѣли все сжечь“. Только теперь отлегло отъ сердца Екатерины; только теперь могла она стать спокойнѣе.

Спокойнѣе, но не спокойна. Она знала, что Штамбе и графъ

¹⁾ Что это за прелести? Нашли ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій? *Mémoires*, 313.

Понятовскій ведутъ тайную переписку съ арестантомъ Бестужевымъ—маленькій трубачъ, егеръ Бестужева, кладетъ письма въ кирпичи строящагося вблизи дома; она сама, при помощи преданнаго ей Шкурипа, завязала сношенія съ Бернарди, находившимся подъ присмотромъ гвардейскаго сержанта Колышкина. Ну что если эта переписка откроется, если эти сношенія узнаются?

27-го февраля былъ обнародованъ манифестъ ¹⁾ о лишеніи канцлера Бестужева всѣхъ чиновъ и достоинствъ. Императрица объявила, что „съ крайнимъ насиліемъ Нашей натуральной къ милосердію и великодушію склонности“ должна была арестовать Бестужева за „преступленія въ оскорбленіи величества“ и предать его суду „черезъ нарочно учрежденную при Дворѣ Нашемъ Коммиссію“.

Въ тотъ же день, 27-го февраля, въ пятницу, на масляной недѣлѣ, тайная переписка съ арестованнымъ Бестужевымъ была перехвачена. Послѣднее письмо Штамбке къ Бестужеву, какъ и Бестужева къ нему, не дошли по назначенію—они были представлены въ слѣдственную коммиссію. Въ субботу, 28-го февраля, Штамбке былъ позванъ къ допросу. Ему, какъ иностранному министру, была вручена официальная записка объ арестованіи бывшего канцлера Бестужева-Рюмина; изъ этой записки онъ „всмерно усмотрелъ“ виновность Бестужева въ оскорбленіи величества и, тѣмъ не менѣе, завелъ съ нимъ переписку! Его спрашивали: „Неизвѣстно ли ему что по аресте такого бывшего министра не позволено и весьма наказанія достойно имѣть съ нимъ переписку или сношеніе?“ Штамбке отвѣчалъ: „Ежели сія переписка или сношеніе не содержитъ въ себѣ никакого умысла противу государства и не имѣетъ никакого общества съ объявленнымъ преступленіемъ, то онъ думаетъ, что за безгрешное почитаема быть можетъ“. Штамбке при этомъ заявилъ, съ готовностію „въ потребномъ случаѣ присягою утвердить“, что всѣ записки, полученныя имъ отъ арестованнаго Бестужева, онъ сжегъ. При допросѣ Штамбке присутствовалъ великій князь, какъ герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, и подписалъ протоколъ ²⁾.

Въ это же время, „въ послѣдніе дни масляницы“, довольно ничтожный случай далъ поводъ Екатеринѣ выяснить свое положеніе, дѣйствительно, крайне тяжелое. Ея друзья признаны государственными преступниками, люди близкіе арестованы, преданные — вызы-

¹⁾ П. С. З. № 10802.

²⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 3-я.

заяются къ допросу, великій князь, ея супругъ, отворачивается отъ нея, никто не говоритъ, всякій избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. Положеніе невыносимое; необходимо выйти изъ него, и Екатерина воспользовалась первымъ же представившимся случаемъ, повторяемъ, довольно ничтожнымъ—въ ея положеніи всякій случай былъ пригоденъ.

На придворномъ театрѣ назначена русская комедія, и графъ Понатовскій проситъ Екатерину быть на представленіи. Великій князь не любитъ русской комедіи и не желаетъ, чтобъ великая княгиня ѣхала въ театръ — если она поѣдетъ, съ нею поѣдутъ фрейлины и, въ числѣ ихъ, графиня Елизавета Романовна Воронцова, съ которою онъ такъ любитъ играть въ карты по вечерамъ. Екатерина не обращаетъ вниманія на карточную игру подобнаго рода, но въ этотъ вечеръ не было выбора: она дала слово графу Понатовскому быть въ театрѣ, и она будетъ. Великая княгиня послала сказать своему оберъ-гофмейстеру графу А. Шувалову, чтобъ онъ приказалъ приготовить для нея экипажи. Когда уже пришло время отправляться въ театръ, является графъ Шуваловъ и говоритъ, что „великій князь запретилъ давать ей экипажи“. Это ее вздрвало, и она сказала графу Шувалову, что если ей не дадутъ экипажа, она пойдетъ пѣшкомъ; если дамамъ запретятъ сопровождать ее—пойдетъ одна, но напишетъ императрицѣ и будетъ жаловаться ея величеству на великаго князя и на него, на графа Шувалова.

„Что же вы напишете ея величеству?“

„Напишу, какъ обращаются здѣсь со мною; напишу, что, въ угоду великому князю, вы устраиваете ему свиданія съ моими фрейлинами, и вмѣстѣ съ ними не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могла бы имѣть счастье видѣть ея императорское величество. Мало того: я попрошу императрицу отправить меня къ моей матушкѣ—мнѣ надоѣла я опротивѣла роль, которую я играю, оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и нелюбимая императрицею. Я ничего не желаю, кромѣ спокойствія и не хочу болѣе никому быть въ тягость, не хочу дѣлать несчастными моихъ приближенныхъ, особенно же моихъ бѣдныхъ людей, которыхъ столько уже сослано за то, что я любила ихъ или дѣлала имъ добро. Знайте же, что я сейчасъ напишу ея императорскому величеству и мы посмотримъ какъ-то вы посмѣете не отнести императрицѣ мое письмо“.

Шуваловъ испугался рѣшительнаго тона этой рѣчи, заморгалъ глазами, „какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда что-нибудь волновало его“.

и ушелъ. Екатерина сѣла писать императрицѣ и написала письмо по русски, „въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла“. Она начала письмо благодарностью императрицѣ за всѣ милости и благодѣянія, оказанныя ей со дня пріѣзда въ Россію. „По несчастью“, продолжала она,—„оказалось, что я не заслужила этихъ милостей, потому что навлекла на себя только ненависть великаго князя и явную немилость ея императорскаго величества. Видя свое несчастіе и оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ меня лишаютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно просила ее прекратить мои невзгоды, отправивъ меня къ моимъ родителямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какой она признаетъ болѣе приличнымъ. Что же до дѣтей моихъ, то хотя я живу съ ними подъ одною кровлею, но вовсе не вижу ихъ, и поэтому мнѣ все равно, быть ли въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и они, или въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ нихъ; я знаю что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои слабыя способности. Дерзая просить о продолженіи этихъ попеченій и, убѣжденная въ этомъ, проведу остатокъ дней у своихъ родныхъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, за моихъ дѣтей и за всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ добро или зло. Состояніе моего здоровья доведено горемъ до того, что я должна сдѣлать все, что могу лишь бы по крайней мѣрѣ сласти свою жизнь, и въ этихъ-то видахъ я обращаюсь къ ней съ просьбою разрѣшить мнѣ отравиться на воды и оттуда къ своимъ роднымъ“.

Великая княгиня запечатала письмо, отдала графу Шувалову и отправилась таки въ театръ. Императрицы въ театрѣ не было—„думаю, ей помѣшало письмо мое“¹⁾, прибавляетъ Екатерина. По возвращеніи великой княгини изъ театра, къ ней явился графъ Шуваловъ и объявилъ, что онъ отдалъ императрицѣ письмо и что ея величество, прочтя его, изволила сказать, что „сама будетъ говорить съ великою княгиней“.

Долго ждала Екатерина обѣщаннаго „разговора“. Враги ея надѣялись найти матеріалъ для разговора въ бумагахъ или показаніяхъ Бестужева. Если у Апраксина нашлись письма великой княгини, какъ не быть имъ у Бестужева? Въ перехваченномъ письмѣ Бестужева къ великой княгинѣ онъ совѣтуетъ ей „поступать смѣло и бодро, съ твердостью“, присовокупляя, что „подозрѣніями ничего доказать не можно“—было, значить, что-то, но уничтожены его слѣды

¹⁾ Mémoires, 323—327.

и остались одни подозрѣнія. Шестъ недѣль великаго поста ушли на розыски и допросы. Всѣ вопросныя пункты Вестужеву упоминають такъ или иначе о великой княгинѣ; большинство же касается ея переписки. Вопросы составлялись секретаремъ конференціи умницъ Волковнмъ; но Вестужевъ оказался умнѣ Волкова. Зная объ отношеніяхъ великой княгини къ графу Понатовскому, Волковъ, на допросѣ 30-го марта, ставилъ Вестужеву такой вопросъ: „Теперь ея императорскому величеству нечаянно но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понатовской не для дѣлъ короля Польскаго и не по ея величества благоизобретенію, но единственно твоимъ проискомъ здѣсь по отзыве уже паки оставленъ, и потому имѣешь ты объявить для чего ты искалъ его злесь удержать“. Вестужевъ взялъ вину на себя, но не выдалъ Екатерины, и отвѣчалъ: „Подлинно после получения графомъ Понатовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его, Понатовскаго, здѣсь, но ни къ графу Врляю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие исканіе производилъ только для того, что видя на себя гоненіе пословъ графа Эстергазния и маркиза Лопиталья желалъ по меньшей мере одного благопріятнаго иметь себѣ министра, а толь больше графа Понатовскаго, что оный увѣдомлялъ его обовсемъ что услышитъ отъ графа Эстергазния и маркиза Лопиталья. А что онъ искалъ Понатовскаго здѣсь удержать, по полученіи уже его отзыва и зная, что Ея императорскому величеству присутствіе его здѣсь неугодно, въ томъ просить монаршаго помилованія, а именно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему иминному Ея императорскаго величества соизволенію, а больше того отпудъ никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здѣсь не имелъ“¹⁾. Не привели ни къ чему и розыски. Екатерина была на столько осторожна, что сожгла всѣ свои „бумаги и счеты“²⁾. Когда, на третьей недѣли поста, арестовали любимую камеръ-фрау великой княгини, Владиславу, Екатерина съ увѣренностію сказала графу Шувалову, что „отъ Владиславовой рѣшительно ничего нельзя выгдать“ и, желая прекратить дальѣйшіе аресты приближенныхъ къ ней лицъ, прибавила, что „не довѣрялась ни ей, ни кому-либо другому“. 7-го апрѣля разобрали и „остальныя письма бывшаго канцлера“ — въ нихъ ни строчки отъ великой

¹⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 7-й.

²⁾ Mémoires, 322.

княгини. Такъ и не нашли новыхъ уликъ противъ Екатерины, кромѣ давно уже извѣстныхъ писемъ ея къ Апраксину.

Между тѣмъ великая княгиня настоятельно требовала свиданія съ императрицей; медлить было уже бесполезно, и „разговоръ“ состоялся 13-го апрѣля, въ поведѣльникъ, на страстной ¹⁾. Это свиданіе имѣло рѣшительное значеніе для Екатерины. Оно происходило ночью, въ кабинетѣ императрицы, въ присутствіи лицъ наиболѣе близкихъ, и тѣмъ не менѣе подробности этого свиданія вскорѣ стали общезвѣстны ²⁾. Эти подробности произвели на Екатерину сильное впечатлѣніе и она живо представляла ихъ себѣ даже много лѣтъ спустя:

„Въ исходѣ десятаго часа, вечеромъ, я одѣлась, прилегла на кушетку и вздремнула. Около половины второго ночи, графъ Шуваловъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ, что императрица желаетъ меня видѣть. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ не было ни души. Подходя къ двери, ведущей въ галлерей, я увидѣла, какъ изъ противоположной двери показался великій князь и направился, какъ и я, къ ея императорскому величеству. Придя въ комнату императрицы, я застала уже тамъ великаго князя. Едва увидавъ императрицу, я упала передъ нею на колѣни и сквозь слезы настоятельно просила ее отослать меня къ роднымъ. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась у ея ногъ. Она показала мнѣ болѣе опечаленною, чѣмъ разгнѣвванною.

„Какъ же мнѣ отпустить тебя“, сказала она со слезами на глазахъ;— „вспомни, что у тебя есть дѣти“.

„Дѣти мои у васъ въ рукахъ и имъ нигдѣ лучше быть не можетъ. Я надѣюсь, что вы ихъ не покинете“.

¹⁾ Въ Запискахъ Екатерины II, вообще не отличающихся хронологическою точностію, не указано время свиданія. Оно опредѣляется довольно точно по указанію англійскаго посланника Кейта. Въ депешѣ отъ 28-го апрѣля 1758 г. Кейтъ сообщаетъ: „арестованіе любимой камерерау великой княгини (*Владиславовой*) дало поводъ къ состоявшемуся *четыре дня назадъ* свиданію великой княгини съ императрицею“ (*Кайтер*, II, 458). Четыре дня назадъ, то-есть, 24-го апрѣля. Кейтъ, какъ и всѣ иностранные министры, помѣчалъ свои депеши новымъ стилемъ и его 24-го апрѣля составило 13-го апрѣля стараго стила. Въ 1758 г. свѣтлое воскресенье было 19-го апрѣля; слѣдовательно, 13-е апрѣля приходилось на поведѣльникъ страстной. Въ *Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества* день свиданія ошибочно показанъ 23-го апрѣля (VII, 74).

²⁾ *Кайтер*, II, 457—459. Депешей Кейта отъ 28-го апрѣля подтверждается достоверность разказа объ этомъ свиданіи въ Запискахъ Екатерины. Ср. депешу Прассе отъ того же числа, *Нертманн*, V, 227.

„Но что же я скажу обществу? Какая причина этого удаленія?“

„Ваше величество объявите, если найдете это приличнымъ, причины, по которымъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя“.

„Чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родныхъ?“

„Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, до того какъ вы оказали мнѣ честь взять меня“.

„Твоя мать въ бѣгахъ. Она вынуждена была удалиться изъ своего дома и отправилась въ Парижъ“.

„Я знаю это. Ее считаютъ слишкомъ преданною русскимъ интересамъ и король Прусскій преслѣдуетъ ее за это“.

„Императрица вторично приказала мнѣ встать; я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были только: она, великій князь, графъ А. Шуваловъ и я. Насупротивъ императрицы стояли широкія ширмы, передъ ними кушетка. Я сперва подозрѣвала, что за ширмами навѣрное Иванъ Шуваловъ, а быть можетъ и двоюродный его братъ, графъ Петръ. Послѣ я узнала, что отгадала ровно на половину—за ширмами былъ Иванъ Шуваловъ. Я отошла къ туалетному столу, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ вазѣ свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: „Богъ мнѣ свидѣтель, сколько я плакала, когда ты была при смерти больна вскорѣ по приѣздѣ въ Россію; еслибъ и не любила тебя, то не оставила бы у себя“. Это, по моему, значило оправдываться, что я у нее не въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благоудѣянія, которыя она оказывала мнѣ тогда и послѣ, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ моей жизни то, что навлекла ея немилость. Затѣмъ императрица еще ближе подошла ко мнѣ.

„Ты чрезмерно горда“, сказала она;—„вспомни, какъ однажды, въ лѣтнемъ дворцѣ, я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что ты едва поклонилась мнѣ. Только изъ гордости ты кланяешься мнѣ едва кивнувъ головой“.

„Боже мой, какъ наше величество могли думать, что я захочу гордиться предъ вами! Клянусь, что никогда не подозрѣвала даже, что вопросъ, сдѣланный вами четыре года назадъ, могъ имѣть подобное значеніе“.

„Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣ тебя!“

„Еслибъ я такъ думала о себѣ, то мое настоящее положеніе и самый этотъ разговоръ лучше всего способны вывести меня изъ заблужденія: я до сихъ поръ, по глупости своей, не понимала того, что вамъ угодно было сказать мнѣ четыре года назадъ“.

„Пока императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и подошла къ нимъ. Они стояли почти на серединѣ комнаты; я не могла ясно слышать, о чемъ они говорили — они говорили не громко, а комната была большая. Наконецъ, я услышала, какъ великій князь сказалъ, возвысивъ голосъ: „Она ужасно зла и страшно упряма“. Я поняла, что дѣло идетъ обо мнѣ и, обращаясь къ великому князю, сказала ему: „Если вы говорите обо мнѣ, то я рада случаю сказать вамъ, въ присутствіи ея величества, что я, дѣйствительно, зла на тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и что я стала упряма, видя, что моя угодливость навлекла на меня только вашу неприязнь“. Онъ сказалъ императрицѣ: „Ваше величество сами теперь видите, какъ она зла, по тому, что она говоритъ“. Но на императрицу, которая была гораздо умнѣ великаго князя, мои слова произвели совершенно иное впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присоветовали или она сама рѣшилась быть со мною строгою, она смягчалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ шелъ разговоръ. Затѣмъ императрица перешла къ сношеніямъ Штамбе съ графомъ Вестужевымъ; такъ какъ мое имя не было при этомъ упомянуто, то я молчала. Потомъ императрица подошла ко мнѣ и сказала:

„Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя вовсе не касаются, я не смѣла сдѣлать этого при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты послать приказанія фельдмаршалу Апраксину?“

„Я! Никогда мнѣ и въ голову не приходило послать ему приказанія!“

„Какъ ты можешь отрицать, что писала ему? Твои письма, тамъ, въ вазѣ (и она пальцемъ указала ихъ). Тебѣ запрещено, вѣдь, писать“.

„Правда, я нарушила это запрещеніе, и прошу въ томъ извиненія; но такъ какъ мои письма здѣсь, то эти три письма могутъ доказать Вашему величеству, что я никогда не послала ему приказаній; въ одномъ письмѣ, я сообщала ему, что говорятъ о его поступкахъ“.

„Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?“

„За тѣмъ, что принимала въ немъ участіе и любила его. Я просила его исполнять ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ, я поздравляла его, въ одномъ — съ рожденіемъ сына, въ другомъ — съ новымъ годомъ“.

„Вестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ“.

„Если Вестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ“.

„Хорошо же: такъ какъ онъ лжетъ на тебя, я веду пытать его“.

„Она думала этимъ напугать меня. Я отвѣчала ей, что она властна дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и стала что-то соображать“.

„Я передаю только наиболѣе выдающіяся черты этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; не возможно вспомнить все, что говорилось въ продолженіи полутора часа. Императрица ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, чаще же всего къ графу А. Шувалову. Я сказала уже, что замѣтила въ императрицѣ меньше гнѣва, чѣмъ заботы; великій же князь, въ своихъ замѣчаніяхъ во время этого разговора, проявлялъ много желчи, неприязни и даже ненависти ко мнѣ. Онъ всѣми силами старался раздражить ея величество противъ меня, но такъ какъ всѣ его старанія были крайне тупы и онъ выказывалъ больше горячности, чѣмъ здраваго сужденія, то онъ не достигъ цѣли: императрица, по своему уму и проницательности, брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и спокойные отвѣты на нелѣпыя вспышки моего супруга. Онъ довелъ дѣло до того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала въ полголоса: „Мнѣ хотѣлось бы многое еще сказать тебѣ, но я не могу говорить теперь — я вовсе не желаю, чтобъ вы еще болѣе рассорились“. Глазами и головой она дала мнѣ понять, что не желаетъ говорить въ присутствіи другихъ. Я отвѣчала ей почти шопотомъ: „Я тоже не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ мою душу и мое сердце“. Слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея показались даже слезы на глазахъ и чтобъ скрыть, что она была разстрогана, она простилась съ нами, сказавъ, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ, было около трехъ часовъ ночи. Я ушла къ себѣ и уже раздѣвалась, чтобъ лечь спать, когда вошелъ графъ Шуваловъ и объявилъ, что императрица поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и

сказать, чтобъ я не огорчалась и что она будетъ имѣть второй разговоръ съ одною мною. Я просила графа Шувалова передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе, поблагодарить за ея милости, которыя возвращаютъ мнѣ жизнь, и сказать, что я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать второго разговора съ ея величествомъ¹⁾.

Первое свиданіе не внесло успокоенія въ комнаты великой княгини. Екатерина сознавала, что одержала ночную побѣду надъ великимъ княземъ, что императрица привала ей сторону, но не могла обманывать себя на счетъ результатовъ этой побѣды. Елизавета Петровна давно уже утратила всякую самостоятельность и находилась подъ посторонними вліяніями; ея волею руководили другіе. Она могла быть вполнѣ искренна, когда говорила, что въ знаменитую ночь 13-го апрѣля убѣдилась, что „великая княгиня очень умна, а великій князь дуракъ“, но это убѣжденіе могло не имѣть практическихъ послѣдствій. Прошло лишь нѣсколько дней послѣ ночнаго свиданія и, на святой же недѣлѣ, двѣ камерфрау великой княгини были арестованы²⁾; оберкамергеръ Брокдорфъ, называвшій Екатерину змѣею и внушавшій великому князю необходимость „роздавить змѣю“, опять въ чести, и всемогущій теперь вице-канцлеръ графъ Воронцовъ хлопочетъ о пожалованіи ему ордена Бѣлаго Орла³⁾; великій князь ждетъ не дождется, когда вышлютъ его супругу за границу, думая жениться на Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой, которая ходитъ уже въ его комнаты и разыгрываетъ тамъ роль хозяйки⁴⁾. Въ допросахъ Бестужеву ставится уже вопросъ о „планахъ какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время“⁵⁾, о которыхъ бывший канцлеръ совѣщался съ Штамбеке и гр. Попятовскимъ, друзьями великой княгини; Бестужева спрашиваютъ „для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини“ и т. п. Очевидно, слѣдователи слышали о проектѣ престолонаслѣдія и силились открыть дѣйствительно государственное преступленіе. Проектъ, правда, сожженъ, но не осталось ли какой-нибудь копій, какого-нибудь черноваго лоскутка бумаги? Тяжело положеніе Екатерины, но она не падаетъ духомъ. „Хотя я въ крайней горести нынѣ“, пишетъ она сосланному уже другу своему Елагину, — „но еще надежду имѣю“⁶⁾. На что? Единственно на свою твердость.

¹⁾ Mémoires, 336—345.

²⁾ Дешета Прасе отъ 2-го мая 1758.

³⁾ Дешета Прасе отъ 8-го мая 1758.

⁴⁾ Mémoires, 346.

⁵⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 1-й.

⁶⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общества, VII, 77.

Увѣренная, что важныя бумаги сожжены, что отъ преступныхъ писаній осталось только „подозрѣніе“, Екатерина продолжаетъ разыгрывать роль обиженной, оскорбленной, настоятельно проситъ отпустить ее къ роднымъ, чтобъ въ объятіяхъ матери найти успокоеніе. Она знаетъ, что ее не отпустить, что на такой рѣшительный шагъ неспособны ни императрица, ни ея ближайшіе совѣтники, менѣе же всего всемогущій Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Не даромъ же фаворитъ Шуваловъ увѣрялъ ее, что „все будетъ по ея желанію“; не напрасно же вице-канцлеръ Воронцовъ явился къ ней и отъ имени императрицы просилъ отказаться отъ намѣренія покинуть Россію, которое огорчаетъ „всѣхъ честныхъ людей“¹⁾.

29-го мая Екатерина написала императрицѣ письмо, прося второго свиданія. Мотивомъ письма послужилъ опять-таки отъѣздъ изъ Россіи: великая княгиня не можетъ „отселѣ отдалиться не принадлежавше къ стопамъ“ ея величества; она была бы счастлива, „еслибъ словесно могла донести до отъѣзда“ свою благодарность императрицѣ²⁾. Въ началѣ іюня состоялось это второе свиданіе.

„Я застала императрицу совершенно одну. На этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ ширмъ, слѣдовательно, мы могли говорить совершенно свободно. Я начала благодарностію за это свиданіе, сказавъ, что одно милостивое обѣщаніе его возвратило меня къ жизни. На это она мнѣ сказала: „Я требую, чтобъ ты сказала мнѣ всю правду, о чемъ я буду тебя спрашивать“. Я отвѣчала ей увѣреніемъ, что она услышитъ отъ меня только сущую правду и что я желаю открыть ей всю мою душу, безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять спросила меня, дѣйствительно ли я писала Апраксину только три письма. Я поклялась, что только три, какъ оно въ дѣйствительности и было. Затѣмъ императрица начала спрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...“³⁾.

„Свиданія“ (entrevue) великой княгини съ императрицею были, въ сущности, „допросы“, въ которыхъ на первомъ планѣ ставился вопросный пунктъ о перепискѣ Екатерины съ Апраксинымъ. Два раза императрица допрашивала великую княгиню и два раза Екатерина показала, что писала Апраксину только три письма, между тѣмъ какъ изъ допросовъ Апраксина Елизаветѣ Петровнѣ было уже извѣстно, что писемъ было болѣе: Апраксинъ показалъ, что „всѣхъ писемъ

¹⁾ *Вашев*, II, 457.

²⁾ *Сборникъ Русск. Истор. Общества*, VII, 74.

³⁾ Этия слова обрываются Записки Екатерины.

отъ великой княгини получилъ шесть¹⁾). Понятно, что императрица была недовольна неискренностью великой княгини; понятно, что ей, жонцинѣ больной, надоѣли эти допросы, оставлявшіе въ ней смутное впечатлѣніе не въ пользу молодаго двора, были въ тягость взаимныя пререканія наиболѣе близкихъ ей лицъ, и очень вѣроятно, что она приказала имъ, ради „собственнаго спокойствія“, переѣхать въ Ораніенбаумъ²⁾.

Тамъ, въ Ораніенбаумѣ, услышала Екатерина о страшной кончинѣ Апраксина: 6-го августа, во время допроса, въ Четырехъ Рукахъ³⁾, Апраксинъ палъ мертвый⁴⁾. Въ началѣ 1759 года было закончено слѣдствіе о первыхъ политическихъ письмахъ великой княгини приговоромъ надъ „бывшимъ канцлеромъ“ Вестужевымъ: 5 апрѣля былъ обнародованъ манифестъ о лишеніи всѣхъ чиновъ и достоинствъ канцлера Вестужева-Рюмина и о ссылкѣ его въ собственныя его деревни на житье тамъ подъ карауломъ⁵⁾.

Обвинительный актъ противъ „состарѣвшагося въ мерзкихъ ухищреніяхъ старика“ крайне слабъ и вовсе необѣдительно. Читаніе манифеста, составленнаго въ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ, должно было, конечно, произвесть довольно сильное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей, кромѣ одного только лица въ Петербургѣ, кромѣ Екатерины. Она хорошо понимала, что судьи Вестужева обвиняли его въ властолюбіи для того только, чтобъ захватить власть въ свои руки; она хорошо знала нелѣпость обвиненія его въ томъ, что онъ „злостнѣйшими внушеніями старался умалить въ ихъ высочествахъ должную къ намъ любовь и почитаніе“; но Екатерина не могла читать безъ улыбки слѣдующія строки манифеста: „между взятими его письмами

¹⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 16-я.

²⁾ Деша Прессе отъ 13-го іюня 1758 года.

³⁾ Вслѣдствіе дней Страстной и Святой недѣли „комиссія не могла съзвать къ четыремъ рукамъ“, гдѣ содержался Апраксинъ (Госуд. арх., VI, 385, л. 11). Въ Запискахъ Нащокина сказано, что Апраксинъ содержался въ путевоиъ дворцѣ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, который назывался Три-Руки (стр. 172).

⁴⁾ Нащокинъ сообщалъ, что Апраксинъ умеръ „паралитичною болѣзнию“; Д. П. Лыковъ, издатель Записокъ Нащокина, приводит по этому поводу слухъ, будто Апраксинъ поразилъ ударъ, вслѣдствіе не дослушанной имъ до конца ерассы слѣдователя: „затѣмъ намъ ничего болѣе не остается, какъ...“, тутъ Апраксинъ упалъ, боясь услышать „пытать тебя“, между тѣмъ какъ ерассы должна была кончатся словами: „освободить васъ“ (стр. 336). Этотъ разказъ не заслуживаетъ довѣрія; мы видѣли, что Елизавета Петровна угрожала пыткой даже Вестужеву.

⁵⁾ П. С. З., № 10940.

найденны проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы и расположенія, которыми онъ явно показываетъ свое недоброхотство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью“.

Для всѣхъ современниковъ, кромѣ Екатерины, какъ и для потомковъ эти строки сами по себѣ были и остаются непонятными¹⁾. Чтобы уразумѣть смыслъ этого обвиненія, необходимо обратить вниманіе какъ и при какихъ условіяхъ составлялся манифестъ, нужно ознакомиться съ исторіей самаго текста.

Огъдствіе о письмахъ великой княгини затянулось. Елизаветѣ Петровнѣ надобли даже допросы Апраксина, длившіеся около девяти мѣсяцевъ, Вестужевъ же находился подъ арестомъ уже болѣе года, около 14-ти мѣсяцевъ. Допросы не дали матеріала для серьезнаго обвиненія; перерыли бумаги Вестужева — ничего не нашли; пересмотрѣли еще разъ — нашли письмо княгини Елизаветы Цербстской²⁾, матери Екатерины, но совершенно невинное. Послѣ долгаго перерыва, уже 2-го января 1759 года, вновь позвали Вестужева къ допросу, спросили о золотой табакеркѣ съ портретомъ великой княгини; Вестужевъ отвѣчалъ, что „ту табакирку пожаловала ему до аресту ево за нѣсколько мѣсяцевъ во дворце на куртаге великая княгиня“³⁾. И этотъ допросъ окончился ничѣмъ. Больше уже не о чемъ и спрашивать. Главное, конечно, сдѣлано: Вестужевъ свергнуть, Вестужевъ подъ судомъ. Но пора же такъ или иначе кончить; пора объявить, за что онъ свергнуть, за что подъ судомъ. Необходимо составить манифестъ съ объявленіемъ всѣхъ „внѣ“ Вестужева. Начали писать проектъ манифеста. По счастью, въ бумагахъ государственнаго архива сохранился черновой проектъ манифеста⁴⁾; онъ долженъ дать намъ разъясненіе непонятныхъ строкъ о собственноручныхъ проектахъ Вестужева, свидѣтельствующихъ о его „недоброхотствѣ къ особѣ и здоровью“ императрицы.

Вскорѣ послѣ арестованія Вестужева, 17-го апрѣля 1758 года, графъ А. Шуваловъ объявилъ слѣдственной комиссіи, что „ея императорское величество указала подать ея величеству какъ наискорѣе сентенцію комисіи по найденнымъ до нынѣ винамъ бывшаго канцлера Весту-

¹⁾ Приведи эти строки, Костомаровъ прибавилъ: „Мы не понимаемъ, о чемъ собственно здѣсь говорится“. *Вѣстникъ Европы*, 1887, февраль, стр. 541.

²⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 10-й.

³⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 17-й.

⁴⁾ Государственный архивъ, II, 385, л. 18-й.

жева⁴. Комиссія представила всеподданнѣйшій докладъ. Этотъ-то докладъ и былъ положенъ въ основу проекта манифеста; составитель манифеста строго придержался докладу, поданнаго годъ назадъ, такъ какъ послѣ составленія доклада не было открыто никакихъ новыхъ обвиненій. Докладъ составляли враги Бестужева, члены слѣдственной комиссіи, и, тѣмъ не менѣе, онъ начинается чрезвычайно важнымъ въ данномъ случаѣ заявленіемъ: „Нижеподписавшіеся старались всегда сколько можно различать и уважать пунктъ касающійся до вседражайшаго здравія и благополучнаго государствованія вашего императорскаго величества, отъ пункта всѣхъ прочихъ его преступленій. Что до перваго принадлежитъ, то нижеподписавшіяся по ихъ должности, присягѣ и рабской вѣрности дерзають удостовѣрить ваше императорское величество, что никакихъ признаковъ нѣтъ, дабы онъ умышлялъ что-либо противу вседражайшаго здравія или благополучнаго государствованія вашего императорскаго величества“¹⁾). Въ виду такого рѣшительнаго заявленія, въ первоначальномъ проектѣ манифеста вовсе не было вышеприведенныхъ „непонятныхъ“ строкъ. Проектъ перечислялъ „вины“ Бестужева, упомянутыя въ докладѣ — властолюбіе, присвоеніе монаршескихъ регалій, неисполненіе высочайшихъ повелѣній, самоуправство и отношеніе малаго двора — и оканчивался словами: „Протчія весьма тяжкія его преступленія подробно изображать, было бы и весьма пространно и тѣмъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе разсмѣряемъ не по опыту, но по нашему великодушію и милосердію“.

При окончательной редакціи манифеста, въ этомъ проектѣ было сдѣлано существенное измѣненіе: пунктъ о монаршескихъ регаліяхъ²⁾ былъ вычеркнутъ — „постороннихъ лицъ“ не было уже въ Петербургѣ, они высланы за границу, и признавалось неудобнымъ даже намекать на графа Понятовскаго. Безъ этого пункта, „вины“ Бестужева оказывались слишкомъ ужь слабыми; требовалось усилить обвиненіе. Чѣмъ же? По слухамъ, судьи знали, что Бестужевъ занимался какими то проектами; догадывались, что эти проекты были въ связи съ состояніемъ здоровья императрицы и, не имѣя никакихъ положительныхъ указаній, рѣшились привести „недоброхотство къ здравію“,

¹⁾ Государственный архивъ, VI, 385, л. 14-я.

²⁾ Бестужевъ изобличенъ „что къ отправленію такихъ дѣлъ, которыми составляютъ существенную часть монаршескихъ регалій употреблялъ людей совсѣмъ постороннихъ и такихъ, кои ни къ какимъ другимъ дѣламъ допущены быть не могли“.

но въ выраженіяхъ общихъ, осторожныхъ на столько, что вторично упомянутое слово проекты было въ окончательной редакціи замѣнено выраженіемъ вредительные умыслы. И на эту редакцію рѣшились не сразу: передъ „недоброхотствомъ къ здравію“ въ проектѣ зачеркнута строка, въ которой „дальновидныя замыслы и расположенія“ отнесены не къ здравію императрицы, а къ „вѣрнымъ подданнымъ“. Только такимъ, совершенно произвольнымъ обвиненіемъ, вовсе не основаннымъ на какомъ-либо фактѣ, объясняется и самый приговоръ: не смотря на „собственпоручные проекты“, явствующіе его „недоброхотство къ нашей особѣ и нашему здоровью“, Вестужевъ высылался только на житье въ свои деревни. Такая несообразная слабость приговора относительно тяжести обвиненія бросалась въ глаза, и составитель манифеста, желая ослабить рѣзкость впечатлѣнія, проектировалъ такое окончаніе: „однимъ словомъ сколь безпримѣрно его злодѣяніе, столь рѣдко и подобное сему великодушіе“, которое не вошло, однако, въ окончательную редакцію. Для лицъ, не посвященныхъ въ приемы составленія манифеста, фраза о собственноручныхъ проектахъ, вставленная вопреки категорическому заявленію самихъ судей, единственно съ цѣлью объяснить, если не оправдать опалу, которой подвергся Вестужевъ, была и остается непонятною. Это была фраза, и ничего болѣе. Не только въ Петербургѣ, во всей Россіи одна Екатерина знала цѣну этой фразы и могла только улыбаться, читая въ этихъ строкахъ безсильную злобу враговъ Вестужева.

Манифестъ подѣйствовалъ на Екатерину успокоительнымъ образомъ: этимъ манифестомъ 5-го апрѣля 1759 г. заканчивалось такъ или иначе дѣло о ея первыхъ политическихъ письмахъ. Эти письма принесли ей много непріятностей и огорченій; изъ-за этихъ писемъ она пережила много тревожныхъ минутъ въ послѣдніе полтора года. Изъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ этихъ письмахъ, одна только Екатерина осталась въ Петербургѣ: Апраксинъ умеръ, остальные высланы: Вестужевъ—въ Горетово, Бернарди—въ Казань, Штамбе и графъ Понятовскій—за границу, Елагинъ—въ Казанскую деревню, Адауровъ—въ Оренбургъ. Только Веймарнъ и Измайловъ ушли безъ ущерба отъ допросовъ. Судьба Владиславовой и двухъ другихъ камеръ-фрау Екатерины не извѣстна.

В. Бильбасовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ государственномъ архивѣ хранятся „Допросные пункты и вины канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбека“ (II, 385). По существу вопросныхъ пунктовъ и „вины“, это есть слѣдственное дѣло о первыхъ политическихъ письмахъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Дѣло это сохранилось неполно. Въ немъ нѣтъ многихъ вопросовъ и отвѣтовъ; нѣтъ первыхъ показаній ни Бестужева, ни Апраксина; вовсе нѣтъ показаній Бернарди, Елагина, Ададурова, Владиславовой, Измайлова. Изъ слѣдственного дѣла, продолжавшагося полтора года, уцѣлѣло только 19 бумагъ, по которымъ не трудно, однако, представить себѣ какъ ходъ слѣдствія, такъ и дѣла, имѣвшіяся при этомъ въ виду.

Эти бумаги давно уже были извѣстны въ отрывкахъ, но никогда еще не были изданы вполнѣ. Мы печатаемъ ихъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, при чемъ слова и выраженія зачеркнутыя помѣщаемъ въ скобкахъ.

I.

Вопросы бывшему канцлеру Бестужеву, учиненные 27-го февраля 1768 года.

Ея императорское величество твоими вчерась учиненными отвѣтами и маю въ нихъ искренностію такъ недовольна, что повелѣваетъ еще да и впослѣдствіи спроситъ о слѣдующемъ, съ такимъ точнымъ и знаемымъ объявленіемъ, что ежели малейшая скрытность, а не прямое совѣсти и долгу очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крепость взять и поступать какъ съ крайнимъ злодѣемъ.

1-е во вчерашнемъ отвѣте на первое твое собственноручное письмо показалъ ты что оно писано было къ великой княгинѣ, и товарищемъ разумѣешь ты великаго князя, внушенія же дѣлать отъ нихъ или ихъ именемъ совѣтовалъ или разумѣлъ конференцъ-секретарю Волкову, но какъ ты въ то же время клятвою утверждалъ, что не вѣдаешь дабы помянутой Волковъ имѣлъ у ихъ высочества какой доступъ или канексію да и сверхъ того нескладно, чтобъ ихъ высочества употреблены были тобою къ такимъ подлымъ внушеніямъ, то Ея императорское величество никакой вѣры сему объявленію подавать не можетъ, но повелѣваетъ, чтобъ ты объявилъ о семъ пунктѣ сущую и прямую истинну.

2-е никакъ статься не можетъ, чтобъ ты наугадъ авертировалъ Бервардіа остерегъ, дабы онъ въ переноске писемъ повинился, ибо сверхъ того что въ письме твоёмъ точно написано, а что онъ заперся то учинилъ отъ страху, по меньшей мѣрѣ видно, что ты вѣдалъ о его арестѣ, и потому имѣешь точно объявлять, откуда и кемъ ты о томъ увѣдомленъ былъ.

3-е въ томъ же первомъ твоёмъ письме совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію, присовокупляя, что подозреніями не-

чего доказать не можно. Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣднія слова особливо весьма много значатъ и великой важности суть, и такъ чистосердечное оныхъ объясненіе паче всего потребно.

4-е что ты второе письмо показалъ, якобы не знаешь чрезъ кого отъ Апраксина отвѣтъ съ поздравленіемъ былъ, то обличаетъ самое содержаніе поманутаго письма, ибо ежели бы ты о томъ не вѣдалъ, не было бы нужды великую княгиню и аvertировать какимъ образомъ ты о томъ на прежде учиненной тебѣ вопросъ отвѣтствовалъ, великая княгиня знала бы и сама, что ты о всемъ томъ ничего не знаешь, и потому всѣ обстоятельства сего отвѣта конечно ты объявить долженъ.

5-е о частныхъ и необычайныхъ конференціяхъ съ Штамбковомъ и Понатовскимъ.

6-е для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя и скрылъ отъ ея императорскаго величества такую корреспонденцію, о которой по должности и вѣрности донести надлежало.

7-е сверхъ того что извѣстнымъ образомъ Штамбковъ и Понатовской были въ непрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ, всемерно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и конфидентовъ было, и потому имѣешь безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намеренія дѣлано быть не могло, то спрашивается, не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и будущее время.

8-е всѣ-ли доли письма прошлыхъ 1746 и 1747 годовъ, которыя Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея императорскаго величества забираемы были.

9-е Ея императорскому величеству точно извѣстно, что когда случалось Ея величеству разговаривать съ послами, то онъ всегда великаго князя ободрилъ или научалъ туда же подходить, дабы такимъ разговоромъ мешать или останавливать оныя. I потому желаетъ Ея императорское величество точно о томъ вѣдать, какое онъ имѣлъ въ томъ намереніе или побужденіе.

II.

1758 году февраля 27-го дня бывшей канцлеръ Бестужевъ на учиненныя вопросы пункты отвѣтствовалъ:

На 1-й подтвердилъ, что подлинно онъ въ письме своемъ къ великой княгинѣ разумѣлъ такъ, дабы імянемъ ихъ высочествъ внушено было чрезъ третьяго Волкову, дабы онъ ему помогалъ, такъ какъ онъ канцлеръ ему Волкову въ несчастіи его помогалъ, а сіе присовѣтованіе здѣлалъ для того, что Волковъ будучи при конференціи (и докладывая по дѣламъ) онъ думалъ, что можетъ что либо въ пользу представить.

2-е что о Бернардін онъ не знаетъ и ни отъ кого не слышалъ дабы онъ арестованъ былъ или въ переноске писемъ заперся, но объявля самъ графу Александру Ивановичу въ первомъ допросе, что Бернардій письма кому переносилъ, натурально думать могъ, что Бернардія спрашивать будутъ, и потому остерегалъ дабы онъ не заперся, а буде то и здѣлалъ, то однакожь бы сказалъ, что то отъ страха.

3-е великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостью совѣтовать только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали.

4-е неотменно въ томъ утверждается, что не знаетъ чрезъ кого отвѣтъ съ поздравленіемъ присланъ былъ и что оной въ себѣ содержалъ, а можетъ о томъ лучше показать фельдмаршалъ Апраксинъ (и такъ не дозволено ли будетъ его о томъ спросить).

5-е частыхъ, необычайныхъ и nocturnыхъ конференцій ни съ Штамбеномъ ни съ Понатовскимъ никогда не имѣлъ, и не только съ ними двумя вмѣстѣ но и ни съ однимъ изъ нихъ запершись не спживалъ, а хотя они часто у него и бывали, но свидѣтельствуется, подвергаясь наипачайшему наказанію и изгнанію, что съ ними двумя ни въ кабинетѣ и ни въ какой дома своего каморѣ и ниже въ иномъ мѣстѣ самъ третей никогда не сживалъ, да и сверхъ того буде кто изъ нихъ когда и бывали порознь, то никогда позже восьми часовъ не сживали и то разве замешкавшись за игрою или инако. Впрочемъ-окроме обыкновенныхъ дѣлъ ни о чемъ не разговаривали, кроме того, что онъ будучи отъ графа Брия остереженъ, что маркизъ Лопиталь секретную инструкцію имѣеть трудиться о его низверженіи, старался чрезъ Понатовскаго и саксонской дворъ подать дутчія о себѣ мнѣніи венскому и французскому дворамъ и темъ отъ нихъ гоненій избавиться.

6-е у великой княгини онъ милости напредъ сего не искалъ пачеже старался съ веденія Ея императорскаго величества отырывать Ея письма и переписки, ибо тогда великая княгиня была совсемъ предана королю прускому, Швеціи и Франціи по тогдашней системѣ. Но какъ съ годъ тому времени или полтора переменяла Ея высочество совсемъ свои мнѣніи и возненавидѣла короля прускаго и шведовъ, кроме токмо что короля дядо своего весьма любить, то канцлеръ старался не токмо утвердить въ томъ Ея высочество, но и побуждать, дабы она великаго князя на такіа же съ Ея императорскимъ величествомъ согласныя мнѣніи привела, ибо хотя великая княгиня отъ преданности своей королю прускому и отстала, однакожь великой князь непременно ему преданъ остался, о чемъ великая княгиня и трудилась, но только ему сказывала, что труды Ея разрушаются, присовокупляя этому немецкую пословицу: was ich baue, das reissen die andere nieder—что я строю, то другія разламываютъ, и упоминала, что то дѣлають наипаче полковникъ Броунъ природной прусакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другія около великаго князя находящіася офицеры, о чемъ онъ канцлеръ и Ея императорскому величеству доносили въ то время, но токмо о томъ не упоминалъ, что онъ всѣ сіи обстоятельства отъ самой великой княгини вѣдаетъ.

7-е что ни съ Штамбеномъ ниже съ Понатовскимъ и ни другими какими конфидентами, конхъ у него и небыло, несоглашалъ и недумывалъ ни о какомъ планѣ ни на нынѣшнее время ниже будущее, да и возможно-ли о томъ думать, ибо наследство уже присягами всего государства утверждено, а ежели бы де помышлять о принцахъ Бевернскихъ, но напротивъ того онъ дѣйствительно помышлялъ и уже началъ было своею рукою сочинять планъ, дабы ихъ изъ государства такимъ образомъ выслать, что они во омерзеніи и крайней ненависти у онаго будутъ, и сей проектъ найдется въ письмахъ его кабинета.

8-е сколько забираемыхъ Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея императорскаго величества писемъ есть, тѣ всѣ частію въ запечатанномъ шкафу, частію же внизу въ канцеляріи лежать.

9-е чтобъ онъ великаго князя научалъ мешать или препятствовать разговорамъ Ея императорскаго величества съ послами, то онъ Богомъ свидѣтельствуется, что онъ того никогда не думывалъ, а наименше какое злое намереніе въ томъ имѣлъ, но статья можетъ, чего однако же онъ не помнитъ, что какъ иногда великой князь удался, то онъ ему показывалъ, что такое удаленіе неприлично, а особливо, что великой князь вступаая иногда темъ временемъ въ разговоры съ малыми людьми, оними совсемъ засланывался.

III.

Переводъ.

Пункты

Отвѣты

на которыя тайной совѣтникъ и кавалеръ баронъ Штамбе допрашивается и на которыя онъ сходно съ истинною наикратчайшіе и такъ отвѣтствовать имѣеть, какъ бы о томъ имъ особливая присяга учинена была.

1-е. Не давали ли ему барону Штамбе равно какъ и прочимъ иностраннымъ министрамъ записка объ арестованіи бывшаго канцлера Вестужева-Рюмина?

На 1-е—дана.

2-е. Неусмотрѣлъ ли онъ изъ той записки, что бывшей канцлеръ Вестужевъ-Рюминъ обвиненъ, что поступками его величество оскорблено?

На 2-е—всемерно усмотрѣлъ.

3-е. Не извѣстно ли ему что по аресте такого бывшаго министра не позволено и весьма наказанія достойно имѣть съ нимъ какую переписку или сношеніе?

На 3-е. Ежели сія переписка или сношеніе не содержитъ въ себѣ никакого умысла противу государства и не имѣеть никакого общества съ объявленнымъ преступленіемъ, то онъ думаетъ, что за безгрешное почитаема быть можетъ.

На 4-е—имѣлъ.

4-е. По аресте бывшаго канцлера Вестужева-Рюмина имѣлъ ли онъ съ нимъ какую переписку?

На 5-е—и то и другое.

5-е. Послѣ того ареста, писалъ ли онъ къ нему и получалъ ли отвѣтъ?

На 6-е—созаненъ.

6-е. Гдѣ сей отвѣтъ?

На 7-е—непосылалъ.

7-е. Послѣ ареста не посылалъ ли къ нему чужихъ писемъ подъ своимъ ковертомъ?

8-е. Сколько оныхъ было?

9-е. Не отъ иностраннаго-ли министра тѣ письма ему доставляемы были для пересылки къ бывшему канцлеру подъ его кувертомъ?

10-е. Кто таковъ сей министръ?

11-е. Не получалъ-ли на то къ нему и отвѣта?

12-е. Отвѣты на чужія письма были-ли отъ него доставляемы далее?

13-е. Къ кому сіи отвѣты писаны были?

14-е. Незвѣстно-ли ему содержаніе тѣхъ отвѣтовъ?

15-е. Въ чемъ оное состояло?

16-е. Кого онъ къ перевозкѣ писемъ употреблялъ?

17-е. Не больше-ли какъ одного онъ къ тому употреблялъ?

18-е. Какъ того служителя зовутъ?

19-е. Не имѣеть-ли онъ въ своихъ рукахъ писемъ бывшаго канцлера?

20-е. Не знаетъ-ли что у кого изъ иностранныхъ министровъ оныя есть?

21-е. Не имѣлъ-ли хотя предъ симъ отъ него писемъ въ сохраненіи?

22-е. Можетъ-ли онъ въ потребномъ случаѣ присягою утвердить, что никакихъ писемъ въ рукахъ не имѣлъ, ниже истребилъ оныя, и ниже вѣдаетъ гдѣ бы оныя найтись могли, или у кого въ сохраненіи были?

Какъ Его императорское высочество великой князь всероссійской и владеющей герцогъ шлезвигъ голштинской сонзволнлъ самъ въ присутствіи своего оберъ-камергера генералъ майора и кавалера Брокдорфа тайнаго совѣтника барона Штамбкена на вышенисаннныя пункты въ своемъ кабинетѣ допросить и оныя съ учиненными на нихъ отвѣтами еще прочитать велеть, и помянутой тайной совѣтнику оныя повтореніемъ подтвердилъ; а притомъ въ сохраненіи секрета присягою обязался; то ему домовая арестъ объявленъ и темъ допросъ окончанъ.

Учинено въ С.-Петербурге февраля 28 дня 1768 году.

На 8-е—выше уже показано, что не было.

На 9-е—нѣтъ, подъ его кувертомъ никакихъ писемъ не было.

На 10-е—на сіе отвѣтствовать не можетъ, ибо никакихъ писемъ подъ своимъ кувертомъ туда не посылывалъ.

На 11-е и 12-е—можетъ быть его служитель оныя получалъ и доставлялъ далее.

На 13-е—не знаетъ.

На 14-е—нѣтъ, ибо онъ совсѣмъ ничего о томъ не знаетъ.

На 15-е—подтверждаетъ сказанное.

На 16-е—того своего служителя, который арестованъ.

На 17-е—нѣтъ.

На 18-е—о томъ уже выше показалъ.

На 19-е—не имѣеть.

На 20-е—не знаетъ и ни малѣйшаго ему о томъ незвѣстно.

На 21-е—нѣтъ.

На 22-е—конечно присягою утвердить можетъ, что ни какихъ у себя въ рукахъ не имѣеть, но въ томъ признается, что предъ симъ отъ канцлера нѣсколько билетовъ получилъ, кои зжегъ.

Петръ

великой князь

І. І. Цейсъ.

IV.

Допросы бывшему канцлеру Вестужеву.

При послѣднихъ а именно въ 27 день минувшаго февраля тебѣ учиненныхъ вопросахъ уже объявлено было, что Ея императорское величество твоими наканунѣ того учиненными отвѣтами и малою въ нихъ искренностію такъ недовольна, что повелеваетъ еще, да и въ послѣдніа спросить съ такимъ точнымъ и знаемымъ объявленіемъ, что ежели малейшая скрытность а не прямое совѣсти и долгу очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крепость взять и поступать какъ съ крайнимъ злодѣемъ, по какъ и на то твои отвѣты подигля токмо Ея императорское величество къ новому гнѣву, то повелела Ея величество вышеписанное тебѣ вновь повторить, а затемъ спрашивать ¹⁾).

1-е. Въ третьемъ пунктѣ твоего отвѣта показать ты, якобы великой княгинѣ поступать смело и бодро—съ твердостію совѣтовалъ только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали. Но понеже къ тому присовокупилъ точныя слова, что подозрѣніями ничего доказать не можно, то изъ сего ясно, что ты надежду свою только въ томъ полагаешь, якобы прямыхъ доказательствъ не будетъ, а впротчемъ уже признаваешься, что къ подозрѣніямъ много притчныи подано, и такъ имѣешь ты точно объявить, чего подозрѣніями доказать не можно, также и то противу кого совѣтуешь ты поступать смело и бодро съ твердостію?

2-е. Не имѣешь ты нужды ссылатся, что фельдмаршалъ Апраксинъ можетъ самъ показать, чрезъ кого посланъ былъ отвѣтъ съ поздравленіемъ и каково содержаніе онаго. То извѣстно и безъ тебя; но какъ письмо твое къ великой княгинѣ явно обличаетъ, что ты о содержаніи онаго вѣдалъ и для того только великую княгиню остерегалъ, дабы она не промолвилась и тебя не изобличила, что ты напрасно танишь, то молчаніе твое уже непримется инако какъ за умышенное упрорство и потому всѣ подробности сего отвѣта объявить имѣешь.

3-е. Клятва твоя въ пятомъ пунктѣ отвѣтовъ, якобы ни съ Штамбкеномъ ни съ Поятовскимъ неимѣлъ ты никакихъ въ необыкновенное и пощое время конференцій возбуждаетъ паче всего праведной гнѣвъ Ея императорскаго величества, обличаетъ твое упрорство и наказаніи достойную надѣжду, хитростію коварствомъ и интригами заглядитъ тѣ преступленіи, въ конхъ ты уже страдаешь. Ея императорское величество такъ точно и подлинно знаетъ, что Поятовскій и Штамбкенъ были у тебя почти ежедневно и во всякое сутокъ время и сживали очень долго, что о томъ и не спрашиваетъ, но хочетъ только дабы ты не обвиняся и не лица околичностей до примаго дѣла не припадающихъ прямо объявилъ, въ чемъ сіи конференціи состояли, ибо объ нихъ

¹⁾ На полѣ позитивная приписка графа А. П. Вестужева-Рюмина: „Своеоручно писанные и сочиненные допросы Дмитріемъ Волковымъ тогдашнимъ секретаремъ конференціи. Прилагается для двухъ въ немъ допросовъ съ примечаніемъ впротомъ.“

Ея императорскому величеству такими записками доносимо не было, какъ ты доносишь всегда о бытности у тебя другихъ министровъ?

4-е. Черезъ кого ты свѣдаешь, что великая княгиня вдругъ свои мысли переменяла и возненавидѣла короля прусскаго и шведовъ, любить токмо весьма короля своего дядю и что за притчина была такой скоростижной переменѣ?

5-е. Какимъ образомъ открылась тебѣ великая княгиня толь много, что упомянула тебѣ всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, когда ты говоришь, что милости Ея никогда не искалъ?

6-е. Что ты началъ сочинять планъ о высылкѣ принцовъ Бевернскихъ, то хотя и представляешь ты поводомъ къ тому открытіе шпиона, который будто въ Берлинѣ объ нихъ спрашиванъ былъ, однакоже когда разсматривается, что подобныхъ изъ Берлина вѣдомостей и напредъ сего Ея императорскому величеству много чрезъ тебя приносимо бывало, а ты однакоже о подобномъ плане никогда не помышлялъ, то всемерно надобно, чтобъ теперь совсѣмъ другія побудительныя притчины ты къ тому имѣлъ, а особливо что ты началъ сей планъ составлять въ такое время, когда явно усматривалъ недоуверенность къ себѣ и неудовольствіе отъ Ея императорскаго величества, а напротивъ того вступилъ въ толь темное соединеніе и согласіе съ великою княгинею. И потому имѣешь показать, чрезъ кого ты къ сему побуждаемъ былъ.

7-е. Что принадлежитъ до конференціи секретаря Волкова, якобы ты его разумелъ въ письмѣ твоемъ къ великой княгинѣ, то хотя и подлинно онъ прорезосию молодости могъ бы за того почтень быть, которому ты помогалъ въ его несчастіи, однакоже чтобъ ты его разумелъ снмъ письмомъ, тому Ея императорское величество никакъ поверить не можетъ, ибо вопервыхъ великой княгинѣ того выразуметь нельзя, а другое для тебя же самаго весьма наказанія достойно, чтобъ ты великую княгиню научалъ употребить себя и нмѣ великаго князя къ (толь подымъ) такимъ внушеніямъ и потому прямо имѣешь показать кого ты снмъ письмомъ разумѣлъ?

8-е. Точно извѣстно Ея императорскому величеству, что много курьеровъ отправлено было отсюда тобою къ гетману въ Украинну¹⁾; и потому точно же объявить имѣешь: кто были тѣ курьеры? сколько ихъ всѣхъ было? съ чемъ и когда посланы?

9-е. Что кавалерію Бѣлаго орла для Штампкена выпросилъ ты у короля польскаго о томъ Ея императорскому величеству точно извѣстно, и такъ спрашивается только по чьему отсюда прошенію ты то дѣлалъ и (чрезъ кого о томъ въ Варшавѣ домогался) для чего?

10-е. Сверхъ тѣхъ писемъ, о которыхъ ты уже винылся, что получалъ отъ великой княгини чрезъ Бервардіа, извѣстно Ея императорскому величеству что еще гораздо больше таковыхъ какъ отъ Ея высочества къ тебѣ, такъ и отъ тебя къ ея высочеству чрезъ того же Бервардіа переносимо было. И по-

¹⁾ „Для примечанія и извѣстія, что о семъ секретѣ никому извѣстно быть не могло, кромѣ Тендова; онъ единственно зашелъ на Елагина і Веструева тайнымъ доносителемъ былъ“.

тому надлежить тебѣ показать, въ чемъ точно состояла сія переписка? гдѣ теперь всѣ сія письма? для чего пересылали были они не прямымъ каналомъ, но толь непозволительнымъ образомъ? и отъ чего не доносили ты о томъ никогда Ея императорскому величеству? Буде смеешь, то для чего?

11-е. Его высочеству великому князю говорилъ ты, что ежели его высочество непрестанеть таковъ быть, каковъ онъ есть, то ты другія мѣры противъ него возмешь. Потому ииѣешь ты дѣйствионо изяснить, какой ты хотѣлъ въ великомъ князе перемены, и какія другія мѣры принимать думалъ?

У.

1758 году марта 4 дня между другимъ бывшему канцлеру Бестужеву учиненными допросами спрашивавъ онъ былъ: въ чемъ состояли особливо конференціи его съ саксонскими министрами?

На сіе онъ отвѣтствовалъ: что сверхъ того какъ прежде показалъ, а имено что будучи графомъ Бриемъ остереженъ о данной маркизу Лопиталю секретной инструкціи стараться здѣсь о его низверженіи, искалъ чрезъ польской дворъ подать о себѣ лутчія ииѣнія французскому и венскому дворамъ и чрезъ то избавитися отъ ихъ гоненій, припамятовалъ онъ еще къ большому того объясненію слѣдующее:

Посоль графъ Эстергази открылся дацкому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему:

1-е, что онъ своимъ кредитомъ и представленіями то дѣлалъ, что совзолила Ея императорское величество учредить при дворе своемъ конференцію, дабы канцлеръ ииѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде.

2-е, что будто Ея императорское величество непринимаетъ никакой важной резолюціи, не посоветовавъ прежде съ нимъ, посломъ, и

3-е, что онъ представлялъ Ея императорскому величеству въ день свадьбы покойной Маріи Симоновны, дабы при будущихъ съ Франціею негоціаціяхъ, канцлеръ совсемъ изъ оныхъ исключенъ былъ, ибо де на него полагаться нельзя, паче же опасаться надобно, что онъ всякія преповы дѣлать будетъ, по своей преданности къ Англіи.

Сверхъ того дацкой посланникъ Остенъ нашелъ все то въ депешахъ ко двору своего предцессора Малцана и увѣдомилъ о томъ Понятовскаго, который послу графу Эстергази и выговаривалъ, для чего онъ такъ канцлера гонитъ; но Эстергази Понятовскому во всемъ заперся, а сказывалъ нап ротиву того, что будто Ея императорское величество къ нему открылася, что хочеть канцлера исключить изъ будущихъ съ Франціею негоціацій, а онъ Эстергази будто напротиву того Ея императорскому величеству представлялъ, что конечно надобно дабы канцлеръ былъ еще при совершеніи всехъ тѣхъ негоціацій, кои къ твердому установленію ииѣишей системы потребны будутъ, или де разве уже лутче его отъ всѣхъ дѣлъ отставить.

Что все сіе и стараніе его разведывать о подвигахъ графа Эстергазіа и остерегаться отъ оныхъ причиняли дружбу его и соединеніе съ графомъ Понятовскимъ.

VI.

По сему допрашиванъ марта 7-го дня 1768 году.

Допросы бывшему канцлеру Вестужеву (Рюмину).

1-е. Въ отвѣтѣ твоёмъ на учиненныя тебѣ въ 4-е же сего мѣсяца вопросы ты показалъ, якобы только одинъ пакетъ присланный къ тебѣ изъ гетманскаго дому переслалъ ты къ нему въ Украину съ почтительною и то изъ Москвы.

Но какъ Ея императорскому величеству точно извѣстно, что больше отъ тебя къ нему отправленой было, и буде ненарочныхъ почтительною, то эстафетъ, а притомъ ты уже признался, что вѣдалъ о прилагаемомъ великою княгинею стараніи Апраксина съ гетманомъ примирить¹⁾, то конечно ты объявить долженъ, сколько всѣхъ отправленой отъ тебя къ гетману было? въ чемъ оныя состояли? откуда къ тебѣ пакеты для того приношены и чрезъ кого, такожъ съ какими для отправленія ихъ прошевіемъ?

2-е. Весьма разгнѣвана Ея императорское величество, что ты продолжаешь записаться и въ такихъ дѣлахъ, коихъ признаніе неподвержено никакому слѣдствию и о коихъ Ея императорское величество наудаче извѣстна. Ты показалъ якобы ни тебя никто не просилъ, ни ты въ Варшавѣ не домогался о присилѣ кавалеріи Бѣлаго ордя Штамбкену. Ея императорскому величеству и то извѣстно, что по твоему наученію составленъ здѣсь в тотъ рескриптъ, на которой ты ссылаешься в которой здѣсь Понатовскимъ о сей кавалеріи предъявленъ. I такъ изъ единого милосердія хочеть токмо хотя въ одномъ пунктѣ видѣть чистое твое признаніе.

3-е. Повелеваетъ Ея императорское величество дабы ты обстоятельно объявилъ, какимъ образомъ Апраксинъ вошелъ въ такой кредитъ у великой княгини, и кто его въ оной ввелъ.

(4-е. Извѣстно тебѣ что 8-го числа сентября минувшаго года въ Царскомъ Селѣ имѣла Ея императорское величество нѣкоторой припадокъ болезни. А напротивъ того памятно тебѣ, что Апраксинъ стоя подъ Тильзитомъ имѣлъ намереніе сіе мѣсто укрепить и гарнизономъ снабдить, такъ что принятое потомъ вдругъ 14 и 15-го числа въ ночь намереніе все бросая съ поспѣшеніемъ назадъ идти, справедливую причину подаетъ не только подозревать, но и несомненно вѣрить, что конечно онъ о поманутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты-ли его о семъ увѣдомилъ, или хотя не вѣдаешь-ли ты, что кто либо другой то дѣлалъ?).

¹⁾ „Томе примечанія достойно, что о семъ кроме Теплова никому извѣстно не было, ежели онъ подобно тому въ новомъ тайномъ совѣтѣ (о чемъ еще примечателю неизвѣстно) поступать будетъ і всѣхъ перессоривать, то не на каальствомъ но скромностию, чистою совѣстию і искусствомъ Ададуровъ превосходить будетъ“.

VII.

1758 году марта 30 числа бывшей канцлеръ Вестужевъ въ комисіи допрашивать:

1.

Теперь Ея императорскому величеству нечаянно но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовской не для дѣлъ короля польскаго и не по его величества благозобретению, но единственно твоимъ проискомъ здѣсь по отставкѣ уже никакъ оставленъ, и потому имѣешь ты объявить для чего ты искалъ его здѣсь одержать.

2.

Посланнику Салтыкову при отправленіи его въ Гамбургъ говорилъ ты чтобы онъ оставилъ у тебя все свои алмазныя вѣщи ибо де онъ на дороге арестованъ и всѣ у него обобрано будутъ, почему онъ помянутыя вещи у тебя всѣ и оставилъ. Ты имѣешь теперь объявить, почему ты думалъ, что Салтыкова арестуютъ и для чего ты его авертировалъ.

1758 году марта 30 числа бывшей канцлеръ Вестужевъ на учиненные ему роспросы отвѣтствовалъ:

на 1-й.

Признавается, что подлинно после получения графомъ Понятовскимъ его отъѣзда старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Пирасса остановить его Понятовскаго здѣсь, но и къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а исканіе производилъ только для того, что видя на себя гоненіе пословъ графа Эстергасия и маркиза Лопитали желалъ по меньшей мѣрѣ одного благопріятнаго имѣть себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что оной увѣдомлялъ его обовсемъ что услышнть отъ графа Эстергасия и Лопитали, какъ о томъ уже и прежде показатъ.

А что онъ искалъ Понятовскаго здѣсь удержатъ, по полученіи уже его отъѣзда и знаа, что Ея императорскому величеству присудствіе его здѣсь не угодно, въ томъ просить монаршаго помилованія, а именно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея императорскаго величества соизволенію, а больше того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здѣсь неимелъ.

на 2-й.

Посланника Салтыкова какъ при отправленіи его въ Гамбургъ, такъ и при посылкѣ сперва въ Швецію отнюдь не остерегалъ что его въ дороге арестуютъ и никакихъ вещей отъ него не принимавалъ и отнюдь ничего подобнаго тому не говорилъ.

3.

При отправленіи его же Салтыкова въ Гамбургъ купилъ ты у него ево дворъ, но съ такими обстоятельствами, что ковечно надобно притомъ съ одной или другой стороны какому ни есть похлебству или сокровенному намеренію быть, і потому сущую о сей покупке правду объявить имѣешь.

На сие имѣешь ты объявить сущую правду такъ тебе предъ всемогущимъ на страшномъ и праведномъ его суде стать и приобщиться страшнаго таинства тѣла его и крови.

на 3-й.

Дворъ у него Салтыкова купилъ за двенатцать тысячъ рублей ни для какого секретнаго намеренія, но единственно для того что оной по близости былъ ему нуженъ для помещенія своихъ домашнихъ, а что онъ договорился сию сумму выплатить ему въ десять летъ, а между тѣмъ платить ему по шести процентовъ за все то сколько уплачено не будетъ, то съ одной стороны показываетъ его недостатокъ, а въ другой докажется оригинальными росписками камеръ гера Рамана Ларионовича Воронцова, что онъ тѣ проценты дѣйствительно платилъ.

Во всемъ томъ показалъ онъ сущую правду и ничего не утаилъ въ чемъ утверждаетъ присягою и страшнымъ таинствомъ тѣла и крови христовой, въ противномъ же случае ежели мнако изобличенъ будетъ подвергаетъ себя праведному и жестокайшему наказанію.

VIII.

1768 году апреля 7-го дня при разборе остальныхъ бывшего канцлера Бестужева писемъ нашелся пакетъ надписанной собственною его рукою: отъ барона Пехлина для собственнаго и единственнаго его извѣстія. Въ ономъ пакете найдено:

1-е. Оригинальной поскрипкѣ къ нему отъ принцессы Ангальтъ Цербстско й которымъ рекомендуетъ она графиню Бентникову къ поддержанію противу гоненій прускаго и французскаго дворовъ, и копія съ сего поскрипта, списанная рукою тайнаго совѣтника Пехлина, которая темъ примечательна, что вмѣсто прускаго и французскаго дворовъ, написавъ одинъ Брюссельской, а для другаго мѣсто оставлено, хотя впротчемъ никакихъ противу оригинала погрѣшн остей нетъ.

2-е. Копія списанная имъ же Пехлинымъ съ письма принцессы Цербстской къ Ея высочеству великой княгинѣ изъ Цербста отъ 21 февраля и. ш. про шлаго 1768-го году, слѣдующаго содержанія:

Невозможно чувствовать большей радости и большаго признанія, какъ чувствовала я, получа дражайшее вашего императорскаго высочества писаніе, которое вы для меня господину Салтыкову вѣрить изволили. И подлинно что можетъ сравниться съ радостію видѣть такого человѣка, который видѣлъ васъ

въ нынѣшнемъ вашемъ состояніи, или что пріятнее быть можетъ какъ слышать отъ него о вашемъ дражайшемъ здравіи, и что целая нація возсылаетъ объ васъ къ Богу молитвы. Старайтесь сохранить ея въ сихъ склонностяхъ, то есть продолжайте слѣдовать (сентиментамъ) добродѣтели, премудрости и челоуѣколюбія, а Богъ устроитъ все прочее, и исполнитъ надъ вами всѣ мои благословія, которыхъ усердіе усугубляется, по мѣрѣ того какъ вы къ разрѣшенію отъ своего бремени приспѣваете, и отъ которыхъ я всякаго благополучія ожидаю по всѣмъ тѣмъ предвосчувствованіямъ, кои я въ первой разѣ имѣла. Господинъ Салтыковъ немедленно отъѣзжаетъ въ Гамбургъ. Я его просила, чтобъ онъ склонилъ брата своего чрезъ здѣшнее мѣсто ѣхать, когда онъ возвращаться будетъ. Я спедаюсь желаніемъ его видѣть. Ежели бы можно было изходатайствовать ему указъ, чтобъ онъ ѣхалъ ближайшемъ изъ Гамбурга дорогомъ, то натурально надлежало бы ему проѣхать чрезъ здѣшнее мѣсто.

Потомъ жалуюсь, что после герцогини голштинской ей ничего въ наслѣдство неоставлено, присовокупляетъ, что она смѣя ударомъ была бы поражена, ежели бы еще отказано ей было и въ тѣхъ знакахъ милости и благоволенія, кои она проситъ. Ея императорское высочество ей изходатайствовать, или [говоритъ она] ежели бы я тщетную имѣла на тѣхъ надѣжду, кои для себя тысячу способовъ имѣютъ, и кои могутъ такъ сказать поднимать небо и землю и сильныхъ союзниковъ. Я же для себя ни одной ихъ сихъ выгоды не имѣю. Не имѣю я более какъ только дражайшее ваше сердце и дружбу его сіятельства господина великаго канцлера. Въ томъ одномъ состоятъ всѣ мои высокія права и преимущества. Удостойте только употребить оныя въ дѣйство, они одинъ достаточны будутъ рѣшить дѣло въ мою пользу.

3-е. Копія Пехлиновой руки съ письма ея же принцессе цербстской къ бывшему канцлеру изъ Цербста отъ 21-го февраля 1756-го слѣдующаго содержанія:

После послѣдняго моего письма не мешкала бы я около двухъ мѣсяцевъ ваше сіятельство просить, дабы по дружбѣ и одолженіямъ вашимъ увѣдомили меня о состояніи государыни великой княгини, и о собственномъ вашемъ здравіи, ежели бы справедливо не воздерживалася, зная какъ непрестанно упражнены вы трудами славными вашему достоинству, и толь благополучными, коль отъ всѣхъ удивляемыми въ настоящихъ европейскихъ обстоятельствахъ. Весь свѣтъ о томъ вопіетъ, мой государь, а я радуюсь, что увѣдомляя васъ о томъ могу способствовать въ дѣланіи вашихъ трофеевъ. Теперь исполняю я сіи обязанности съ толь большею радостію, ибо долженствую вамъ мое удовольствіе видѣть здѣсь молодого господина Салтыкова. Позвольте, чтобъ я васъ за то благодарилъ и притомъ увѣдомила, что поданныя мнѣ отъ него увѣдомленія о вашемъ здоровьѣ много смутили мое о томъ удовольствіе, впрочемъ я такъ у него о томъ навѣдывалась, якобы никакого въ томъ участія неимѣла, и будто по одной только учтивости къ знакомому мнѣ первому министру. Я теперь желаю, чтобъ сіе письмо застало ваше сіятельство въ добромъ на долгія времена здравіи. Ревность моихъ желаній распространяется теперь паче на вашу дражайшую великую княгиню. Ваше Сіятельство изволитель и цинѣ также обо мнѣ припамятовать какъ и прежде. Я признаваюсь, что курьеръши избранной и съ которымъ бы я откровенно говорить могла, причинилъ бы мнѣ весьма чувствительное удовольствіе. Съ старшимъ господиномъ Салты-

ковымъ я еще не говорила, пбо по кончинѣ матери моей не пишу больше претекста въ Гамбургъ ѣхать, а какъ сказываютъ онъ отозванъ, то не можете ли ваше сіятельство прислать къ нему повеленіе, дабы онъ чрезъ здѣшнее мѣсто или хотя только ближайшею дорогою ѣхалъ въ Дрезденъ, ибо тогда онъ необходимо и безприменно здѣсь былъ бы. Я не сумнѣваюсь, чтобъ не получили ваше сіятельство во свое время моихъ двухъ пакетовъ отъ 26-го декабря, одинъ чрезъ тайной каналъ, которымъ и сіе письмо отправляется, а другой чрезъ господина Гроса въ Дрездене. Могутъ ли я мой господинъ повторительно вѣтъ рекомендовать содержаніе послѣдняго важнаго, а мое призваніе ни съ чемъ не сравнится. Я не сумнѣваюсь, чтобъ я неимѣла соперниковъ можетъ быть опасныхъ своимъ факціямъ; но благосклонности вашего сіятельства, ваша дружба и ваше усердіе и преданность къ великой княгинѣ суть единственными моими оружіями. Впрочемъ смысляетъ на приложенное притомъ письмо къ великой княгинѣ, которое выше прописано.

Въ окончаніи:

Вашего сіятельства

покорнѣйшая, одолженная и преданная пріятельница и служанца
Елисаветъ.

IX.

Madame,

Il est impossible de recevoir avec une joie plus vive et plus de reconnaissance la charmante lettre de Votre Altesse Imperiale a confié pour moi à Monsieur de Soltikoff. J'en sens tout le prix, et j'y suis sensible à pleine mesure. Quelle joie pour moi, Madame, de voir une personne, qui Vous avoit vuë dans l'état ou Vous etes? et quelle douceur pour moi, que ce qu'il m'a dit sur Votre chere santé, et les voeux de toute une nation pour Vous. Continuez à maintenir ses dispositions: c'est à dire, continuez à suivre les sentiers de la vertu, de la belle, juste et judicieuse prudence et de l'humanité, Dieu fera le reste, et Vous laissera jouir de toutes mes benedictions, dont la ferveur redoublée vers le terme heureux, dont Vous aprochez et dont je ne me promet avec toutes les precedentes présentimens de la premiere fois que du bonheur. Monsieur de Soltikoff part incessamment pour Hambourg. Je l'ai prié d'engager Monsieur Son Frere à prendre son retour par ici. Je grille de le voir. S'il y avoit moyen de lui procurer un ordre exprez, ou la permission de prendre le chemin le plus court d'Hambourg, il arriveroit naturellement à passer par ici.

Le Testament de ma respectable mere est ouvert et communiqué. Elle laisse argent contant 485908 ecus d'Allemagne. Une partie est traduit en fidecommis en faveur de mes Freres cadets, il y a du reste de gros legs pour mes soeurs, outre les bijoux, nipes, porcelaines, le cabinet, avec ce qu'il enferme de pieces pretieuses, et l'argenterie, que l'on nomme communement le necessaire, et qui est fort belle, toilette etc. Mon Frere en Suede aura la vaiselle de Table et les meubles de la maison à Hamburg. Il y a encore de bons legs pour les Domestiques, surtout Mr. Eyben et Madame Finckenstein; cette der-

niere devoit meme participer aux bijoux. Pour moi, Madame, devinez ce qu'on m'a donne? rien du tout, pas la valeur d'un epingle. On tire en ligne de compte une partie de ma legitime, et on ne la remplit pas seulement, quoique j'aie été precisement celle des filles, qui n'ait jamais rien coutée. Votre Altesse Imperiale sçait, qui c'est, à qui je dois le peu, que j'ai eué, qui sont presque tous brulés a Dornbourg. J'avoue que le point m'eut été sensible, si je pouvois penser, qu'il partit du coeur de ma mere: mais sans conter une bonne conscience, ne l'ayant jamais que respectée et chérie, je connoissois de longues mains la haine des Eyben, et de la race des Finckenstein contre moi, ainsi il m'est aisé de sentir d'ou, avec toutes les petites jalousies de personnes de mon Sang contre moi, part le coup. Je sçais assez me respecter et la memoire d'une mere, pour ne pas m'emanciper sur ce sujet, ni en vouloir du mal aux gens, qui ont ainsi profité contre moi de la douceur de son caractere.

Cependant je serois apez ce coup trop à plaindre, si j'avois encore le malheur d'etre refusée au sujet des gratuites marques de bontés et bienveillances, que j'ai a suplier Votre Altesse Imperiale de me donner et de m'aider à me procurer; ou si j'en etois frustrée par d'autres, qui ont mille voix pour eux, et qui pourront, pour reussir, remuer, ainsi dire, Ciel et terre, faire marcher des puissances allies. Pour moi je n'ai aucun de ces avantages. Je n'ai pour moi, que Votre cher aimable coeur, Madame, ainsi que l'amitié de Son Excellence de Monsieur le Grand Chancelier. Voila mes illustres droits, voila mes prerogatives; daignez faire agir ces ressorts, elle seule sont propres à decider en ma faveur le gain de la cause. Je m'en repose sur eux.

Je n'ai encore jamais eue le moment de detromper Votre Altesse Imperiale, et ce sage Ministre sur l'article d'une de mes lettres il y a environ dix huit mois, regardant la Comtesse de Bentinck, que la calomnie m'avoit noirsie alors. J'ai aprofondis depuis, que c'a été un coup d'intrigue. La Comtesse a du merite et beaucoup d'esprit. Elle a des ennemis par consequent, les connoit, ne les menages peut etre pas assez; cela suffit pour etre persecutée. Revenue de ma fatale erreur à Son egard, je me crois obligée en conscience de retracter ce que trompée par l'illusion j'avois avancée de la meilleure fois du monde. Je fais plus, il me semble que je le dois réparer. Elle est presentement à Vienne. Je sçait que l'Imperatrice Reine la distingue, et que cette grande princesse seroit obligée personnellement, s'il étoit possible de faire dire un mot en faveur de la Comtesse et de ses affaires aux maitres et aux Ministres par l'ambassadeur de Russie. J'en prie Monsieur le Grand Chancelier, et je Vous en dois avertir.

Mon fils Vous presente ses tres humbles devoirs. Il vient d'avoir eu le plus heureusement du monde la rougeole. Il ne l'a pas sçu et ne le sçaura pas sitot.

J'ai enfin attrapé un peintre. J'ai donc fait tirer nos trois portraits sur un meme tableau. Toute la famille y est jusqu' à mon petit chien. Cette piece sera achevée incessamment, et partira avec les premiers vaisseaux. J'ai fait plus. J'ai fait tirer de cinq de ces portraits, que j'ai de Votre Altesse Imperiale, cette femme, qui s'en souvient, et parfaitement attrapée sa phisionomie. Monsieur de Boltikoff trouve les yeux admirables, c'est l'essentiel. Le morceau est unique,

c'est pour ma chambre de lit, dont je ne sors presque pas, ou il n'y aura de portrait, que celui là. Les figures sont in lebens Grösse. Votre Altesse Imperiale est assise. Monseigneur le Grand Duc à coté d'Elle. Un fort joli tout petit page, que j'ai lui presente à Elle à genoux le plus beau petit chien (simbole de fidelité) barbet noir d'Angleterre, qui soit dans le monde. Voila presentement mon amusement. Ce portrait cheri fera ma felicité.

Je reitero mes ardens souhaits, et suis du plus tendre respect,

Madame

de Votre Altesse Imperiale la tres humble,
obeissante, fidelle mere et servante.

Zerbst. 24 fevrier n. st.
1756.

Elisabeth.

X.

Monsieur,

Je n'aurois pas tardée pres de deux mois depuis ma derniere, à demander à l'amitié et aux soins obligeant de Votre Excellence des nouvelles de l'etat de Madame la Grande Duchesse, et de Sa propre santé: si une juste discretion n'avoit imposé frein à mon empressement. Occupé, comme je sçais sant cesse de ces travaux glorieux à Son merite si heureux et admirés dans les conjonctures presentes de l'Europe. C'est un cris general, Monsieur, sur lequel je suis bien aise, on Vous l'aprenant du coin du tout d'aider a ouvrier vos Trophées. Je m'acquitte aujourd'hui de tous ces devoirs avec d'autant plus de joie, que je sens Lui devoir le plaisir, dont je jouis de voir ici Monsieur de Soltikoff le Cadet. Souffrez, Monsieur, que je Vous en remercie, et que j'y ajoute, quo les nouvelles, qu'il m'a données de Votre santé (et que j'en ai tirés sans autres aparances d'interets, qu'une simple civilité pour un premier ministre, que je connois) ont beaucoup troublée ma satisfaction à cet egard. Mes voeux sont que presente puisse trouver Votre Excellence retablie pour longtems. La ferveur de mes souhaits embrasse aussi presentement surtout notre chere Grande Duchesse. Votre Excellence voudrat Elle bien se souvenir de moi, comme la premiere fois le terme echu? J'avoue qu'un courier choisi de Sa main, auquel je puisse parler à coeur ouvert, me feroit un bien sensible plaisir. Je n'ai pas encore parlé à l'ainé Monsieur Soltikoff. La mort de ma Mere me coupe la pretexte de me rendre à Hambourg: comme on le dit rappellé, peut etre Votre Excellence auroit Elle jour à lui faire donner un ordre de passer par ici, ou bien, de prendre le chemin le plus court pour Dressen, a lors il y tomberoit naturellement.

Je ne doute pas, que Votre Excelence n'ait reçue en leur temps mes deux paquets du 26-me Decembre. L'un par la voie secrette, par laquelle celle-ci part aussi, l'autre par Monsieur de Gross à Dressen. Devois-je, Monsieur, Vous en recommander reiterement le contenu du dernier interessant et ma reconnaissance ne l'egalera point. Je ne doute pas que je n'aie des concurrents peut etre redoutables par leurs factions. Les bontés de Votre Excellence, Son amitié, Son attachemens pour la Grande Duchesse sont mes seules armes. Elle

verra pas la lettre, que je Lui joint ici pour cette chere et auguste fille, que les gens d'affaires et mes ennemis auprès de feu ma Mere, ont si bien scu profiter de la douceur de Son caractere, qu'elle leur donne beaucoup, et tout le reste à mes freres cadets, et à mes soeurs. Les deux premiers tirent de la masse 485908 ecus l'Allemagne argent content, sans les bijoux, nipes, vaiselle, meubles, qui restent aux derniers, excepté ma legitime, que l'on reduit à cinq mil ecus. Je suis toute exclue et entierement deheritée. Ce coup qu'une bonne conscience me rend suportable, et que je respecte de la main cherie, dont-il me part, m'absorbe en ce qu'il m'enleve ma derniere ressource. Je me flatte que Votre Excellence m'accordera celle qui me reste, et persuadée du merite que j'y attache vu ma situation, le sera de la consideration dont je suis,

Monsieur,

de Votre Excellence

la tres humble acquise et devouée amie
et servante

Elisabeth.

Zerbst, 24, fevrier 1756.

P. S.

Je ne dois pas laisser ignorer à Votre Excellence, que revnuc entierement de la mauvaise opinion, que je Lui ai temoignée au sujet de la Comtesse Beningk, je trouve que c'est une personne de merite, sur la quelle des intrigues dont elle s'est entierement purgée envers moi, simplement malheureuse et fort à plaindre, de façon que ce seroit un ouvrage de dignité, que de vouloir bien s'interessier pour Elle. Elle est presentement à Vienne pour le cruel procès, par lequel les cours de Brussel et de... ont voulu lui enlever tout son bien. L'imperatrice Reine la distingue. Cette Grande Princesse seroit ravie d'etre poussée par quelque protection à lui en accorder. Votre Excellence permet. Elle que la Comtesse en fasse la requisation, confie ses lettres à Monsieur le Comte de Kayserling. Ce que j'en propose est sous bons auspices; peut-etre ne veut on pas paroître pour se procurer un moien d'obliger. Je prie Votre Excellence de me repondre à cet article par un P. S.

Elle se souviendra d'un nombre de Princes, dont je lui ai parle, qui desiroit. etre admis aux armées. Il y a un de la maison d'Anhalt de la branche de Schaumbourg, qui me fait à cet egard une vraie persecution. Il m'a deja desesperée, et été au point, qu'afin que Votre Excellence fut prevenuë. Je le mandai à Monsieur de Gross à Dresson, sans l'instruire, qu'Elle le fut deja. Presentement ce prince eternel m'envoit un gros paquet; etant sous Votre adresse, Monsieur, je n'ai pu le retenir, et je lo fais partir tout de suite à Monsieur de Gross. Si toutefois Vous pourriez faire quelque chose pour Lui, je lo recommande en faveur du nom. J'ose également Vous recommander le cordon bleu du Comte je crois d'Espach. Je suis parfaitement etc.

ОКТОБРЬ 1756
ИЗДАНИЕ ЧАСТЬЮ. СООБЩ. ОТД. 2.

XI.

Какъ по найденнымъ въ переписке Апраксина съ Вестужевымъ важнымъ пассажамъ, Ея императорскому величеству третьяго дня то есть 7 числа сего мѣсяца всеняжайше поднесеннымъ, комисія взяла и допрашивала генерала квартирмейстера Веймарна, то паче ожиданія оказалось много новаго и весьма важнаго.

И такъ изъ того и изъ učinенныхъ въ то же время Вестужеву допросовъ, не мѣньшеж и по присланному отъ Апраксина писму къ графу Александру Ивановичу Шувалову, родилися вновь многіи важныя пункты, по которымъ Апраксина и Измайлова допрашивать надлежитъ.

Комисія всеняжайше подноситъ оныя при семъ, и притомъ испрашиваетъ, не будетъ-ли угодно и когда словесно ея выслушать, ибо приложенное сочинено весьма кратко, а дѣло связано съ такими многими обстоятельствами, что и пространнымъ описаніемъ всего изобразить невозможно.

Краткое содержаніе пунктовъ, по которымъ фельдмаршала Апраксина и камерюнкера Измайлова допросить надлежитъ.

1-е.

Онъ показалъ, что всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть, а напротивъ того, бывшей канцлеръ неотменно утверждаетъ, что не пересылалъ къ нему болѣе, какъ только три а много что четыре письма, и потому показать надлежитъ, чрезъ кого прочія получены и пересылаемы были.

2-е.

Неотменно же бывшей канцлеръ утверждаетъ, что никакимъ на то отвѣтовъ не получалъ, и потому показать надлежитъ, чрезъ кого оныя отправлены были.

3-е.

Генералъ-квартирмейстеръ Веймаръ въ допросе показалъ, что когда онъ приѣхавъ въ Ригу отдалъ фельдмаршалу свои письма и притомъ ему то пересказалъ, что ему отъ канцлера поручено было, то фельдмаршалъ, прочитавъ письмо великой княгини, оному неувѣрился, но осердился и сказалъ: я знаю канцлеровы финты, а потому вынувъ изъ шкапулки другое письмо слиталъ съ онымъ руку и находчи,

NB. Апраксинъ показывалъ, леоби свои отвѣты не носилъ иначе какъ чрезъ канцлера.

- NB. Веймаръ самъ признался, что Вестужевъ отправлялъ съ нимъ писмо великой княгини къ Апраксину.

что сходна, сказать, ну хорошо, и все то запереть въ ту же шкатулку.

И какъ съ нимъ Веймарномъ отправлено было письмо побудительное, и по видимому первое такого содержания, то надлежитъ фельдмаршалу очистить, съ какимъ письмомъ слыхать руку, сколько техъ предыдущихъ писемъ было, чрезъ (что) кого ихъ получалъ и каково они содержания, а особливо не было-ли въ нихъ вмѣсто побужденія къ походу отсовѣтованія отъ онаго.

4-е.

Ему же надлежитъ изъяснить, что разумалъ въ письме своемъ отъ 17-го февраля сими словами: „Только крайне сожалею, что иногда безвинно, не зная вашего сіятельства нынѣ пребывающихъ сентиментовъ, которыя иногда по обстоятельствамъ не пременились-ли, столь откровенно и дерзновенно писать, не прогнѣваю-ли васъ, милостиваго государя, а послѣнку въ бытность мою въ Петербургѣ сентименты вашего сіятельства мнѣ были извѣстны, и по всѣмъ тогда бывшимъ разговорамъ согласованіе ваше со мною было и я отнюдь нимало не отступилъ“

5-е.

Такъ же показать ему надлежитъ, о какихъ въ письме своемъ отъ 12-го іюля упоминаетъ весьма важныхъ двухъ примечаніяхъ, присланныхъ къ нему отъ бывшаго канцлера.

6-е.

Веймарнъ же въ допросе своемъ показалъ, что какъ Вестужевъ отправлялъ съ нимъ письмо великой княгини къ Апраксину, то наказывалъ ему фельдмаршалу словесно сказать, дабы онъ отложилъ всякое сумнѣніе, сими словами: „такъ увѣрь его что сіе письмо великой княгини, и ея рукою писано,

XII.

Для всевысочайшаго Ея императорскаго величества извѣстія и благозобрѣтенія.

Всеноднѣише донесено было вашему императорскому величеству краткою виинскою изъ переписокъ фельдмаршала Апраксина съ Бестужевымъ о тѣхъ пунктахъ, по которымъ за нужно признавалось допросить какъ одного такъ и другаго.

Ваше императорское величество тогда же и повелели комисіи ихъ по тому допрашивать, но какъ застѣла въ то время страстная недѣля, а потомъ торжественныя дни, то комисія не могла съѣздить къ четыремъ рукамъ, а теперь по прошествіи сего времени за должно почитаетъ предварительно вновь изпросить всевысочайшаго повеленія прежде нежели туда ѣхать, и толь паче, что нашлись въ ихъ же перепискѣ вновь нѣкоторыя важныя пункты.

XIII.

Генерала фельдмаршала Апраксина слѣдуетъ допросить:

(перво семь пунктовъ см. подъ № XI).

8.

Фельдмаршалъ Апраксинъ въ письме своемъ отъ 4-го марта 1757 года изъ Риги въ отвѣтъ на то при которомъ Бестужевъ отправилъ къ нему съ Веймарномъ первое письмо великой княгини изъясняется слѣдующимъ образомъ:

„Почтеннѣишее Вашего сиятельства писаніе чрезъ генерала квартирмейстера Веймарна я исправно получить честь имѣлъ, на которое впредь обстоятельно отвѣтомъ служить буду, а теперь за учиненное мне какъ овымъ, такъ и словесными отзывами обладеживанье о продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы низжайше благодарю, которые я за надрагоценнейшее сокровище себя всегда почитаю взаимно ваше сиятельство удостовѣрить могу, что съ моей стороны дружба къ преданности къ вамъ до гроба ненарушима будетъ“.

Трудно чаять, что одни увереніи о дружбѣ Бестужева были ему толь драгоценнымъ сокровищемъ; і потому показать надлежитъ прямое сей дружбы основаніе.

9.

Наконецъ обещанной выше въ восьмомъ пунктѣ отвѣтъ на то, что съ Веймарномъ отправлено и писано было воспоследовалъ изъ Риги отъ 9-го марта 1757 года и писанъ на немецкомъ языкѣ рукою помянутого Веймарна.

Оной весьма пространенъ и содержитъ въ себе многія весьма важныя и примѣчания достойныя насажу, но какъ оныя не токмо одиы съ другимъ связаны, но и часто могутъ имѣть другое знаменованіе, когда экстрактомъ или вкратцѣ избираемы были бы, то переводъ съ сего отвѣта при семъ подносится.

Наибольшаго примечанія во ономъ то достойно, что доннѣ думано, что Бестужевъ первой началъ переписку между великою княгиней и Апраксинимъ и что съ Веймарномъ отправлено было отсюда первое къ нему побудительное письмо, а теперь въ самомъ начале сего ответа усматривается, что Веймарнъ затемъ сюда и присланъ былъ, дабы ближайшія объясненія получить, ибо Апраксинъ пишетъ: „вы сами изволили ему Веймарну мнения свои сообщить съ такою же откровенностію съ каковою дерзнулъ я его къ вашему снательству отправить“.

По сему пункту кажется надлежить не токмо допрашивать Веймарна, но и едвали безъ очныхъ ставокъ обойтись можно будетъ.

Потомъ пишетъ онъ же Апраксинъ къ нему Бестужеву: „Естьли осмелюсь я въ письме моемъ упомянуть объ отмене сентиментовъ вашихъ, то темъ не мало не разумею я собственной вашего снательства дружбы ко мнѣ, которую я за непоколебимую почитаю, но по однимъ только догадкамъ о какой нибудь перемене мненія въ положенной напредъ сего системе всепокорнейше прошу ваше снательство принять въ разсужденіе по присланнымъ ко мне понудительнымъ указамъ о поспешеніи похода и начатіи военныхъ дѣйствій; да и еще мною не надлежало ли мне чаять съ отмененіи мненія вашего снательства, потому что оныя казались совсемъ противными темъ мерамъ, о коихъ ваше снательство еще при отъезде моемъ изъ Савкѣ Петербурга, а именно, чтобъ въ походѣ не выступалъ до техъ поръ, пока все къ тому приуготовлено не будетъ, изъясниться и со мною о томъ согласиться изволили“.

А къ тому еще ниже присовокупляетъ:

„I повеже мненія вашего снательства какъ уже выше сего упомянуто совсемъ противны такимъ предпріятіямъ, при непрестанномъ понужденіи моемъ выступить съ войскомъ, почти нвого ничего догадываться мнѣ не оставалось, какъ что ваше снательство прежнія мненія свои конечно отменили; книгѣ же я несказанно услокоенъ и всепокорнейше приношу вашему снательству благодареніе, что изволили меня не токмо дрожайшимъ письмомъ вашимъ, но и чрезъ генерала квартирмейстера Веймарна увѣдомить, какъ о непремѣнныхъ сентиментахъ вашихъ, такъ и протчихъ обстоятельствахъ“.

10.

По 9-му пункту въ чемъ надлежало Веймарна допрашивать, то онъ и допрашиванъ, но несмотря на все улики и доказательства, на все увѣщанія и угрозы и на самой арестъ, показавъ и утвердивъ, что отъ Апраксина къ Бестужеву ни съ какими словесными секретными наставленіями присланъ не былъ, какъ разве только словесно поручено ему было тоже самое твердить и толковать, что и въ письмахъ самихъ написано было, а только присовокупляетъ къ тому 1-е, что когда фельдмаршалъ Апраксинъ приказывалъ ему писать о перемене сентиментовъ, где онъ и точные его слова изобразилъ, то конечно Апраксинъ ничего ему во объясненіе того не прибавилъ, а говорилъ только: „онъ уже будетъ разуметь, что я пишу; при отъезде у насъ о томъ нвако говорено было“, 2-е, что Апраксинъ неоднократно къ нему въ Риге, да и потомъ въ походѣ отзывался канцлеръ-де подкушленъ венскимъ и саксонскимъ дворомъ и посылаетъ меня на жертву, по я де себя не продамъ.

Посему видится необходимо одного только Апраксина спрашивать, что онъ разумелъ переменою сентиментовъ и системъ, которые такъ часто въ письмахъ своихъ упоминаетъ.

XIV.

1757 году апреля 17-го дня въ учрежденной о бывшемъ канцлере Вестужеве комисіи Его сіятельство генералъ и кавалеръ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ, что Ея императорское величество указала подать Ея величеству какъ наискорѣе сентенцію комисіи по найденнымъ до нынѣ винамъ помянутаго бывшаго канцлера Вестужева; и во исполненіе сего имманнаго Ея императорскаго величества высочайшаго повеленія опредѣлено подать Ея императорскому величеству докладъ слѣдующаго содержанія:

(слѣдуетъ черновой проектъ доклада, см. № XV).

XV.

Ея императорскому величеству
всеноданный докладъ

отъ учрежденной о бывшемъ канцлере Вестужеве-Рюмине комисіи.

По имманному вашего императорскаго величества извѣстному повеленію вступили нижеподписавшіяся въ изслѣдованіе преступленей и дѣлъ бывшаго канцлера Вестужева-Рюмина. По имманному и нынѣ соизволенію вашего величества пріемиютъ они смелость чрезъ сіе всенижайше представить, сколько ими до нынѣ по тому открыто и какое ихъ о томъ слабѣйшее мнѣніе.

Въ сіе изслѣдованіе хотя и вмешались по необходимости весьма разныя матеріи, и оное такъ производимо было, какъ приходили дѣла по малу во откровеніе; нижеподписавшіяся старались однако же всегда сколько можно различать и уважать пунктъ касающейся до вседражайшаго здравія и благополучнаго Государствованія вашего императорскаго величества, отъ пункта всѣхъ прочныхъ его преступленей.

Что до перваго принадлежитъ, то нижеподписавшіяся по должности, присягѣ и рабской вѣрности, дерзаютъ удостовѣрить ваше императорское величество, что ни какихъ признаковъ нѣтъ, дабы онъ умышлялъ что либо противу вседражайшаго здравія или благополучнаго Государствованія вашего императорскаго величества.

Протція преступленія его напротивъ того весьма тяжки и крайняго наказанія достойны. За неокончаніемъ еще всего слѣдствія не можно описать ихъ всѣхъ съ точностію, однакоже по всему тому, что до нынѣ оказалось, и въ чемъ онъ уличенъ и признанъ, можно сказать съ чистою предъ Сердцевидцемъ совѣстью и такъ какъ долгъ и присяга того требуетъ, что самолюбіе сего бывшаго министра и суевное желаніе такъ долго быть великимъ, какъ бы онъ общему всѣхъ смертныхъ пределу подверженъ не былъ, только имъ обладали, что умоенъ сею страстію, не разбирая онъ путей и способовъ, какими думалъ достигнуть любимое свое желаніе властвовать.

Оттого произошло, какъ изъ самихъ его доказывается отвѣтовъ и дѣлъ, что присвоилъ себѣ самопроизвольно большую власть, нежели надлежало, нестарался однакожь учинить себя и несенію оной достойна, строгимъ наблюденіемъ своей должности, но равно пренебрегалъ и что ему отъ вашего императорскаго величества ввѣрено, и что самъ себѣ присвоивалъ, искалъ только гнусными и наказанія достойными интригами и ухищреніями сохранить себя въ наружной знатности и властвованіи.

Оттого послѣдовало, что труды и время, которыя долженствовали онъ посвятить такъ какъ всю жизнь свою къ службѣ вашего императорскаго величества употребилъ онъ съ крайнею продерзостию на такое дѣло, которое есть частію монаршескихъ регалей, и адѣлалъ себѣ въ томъ участникомъ такихъ людей, которымъ ниже вѣдать надлежало, что употребляютъ иногда въ дѣйство самодержцы имъ однимъ принадлежащее право, распечатывать партикулярныя письма, о чемъ въ отвѣтѣ его на допросы отъ 20-го числа минувшаго марта пространнѣе явствуесть.

Сей къ интригамъ склонности и безразсудному желанію быть безъ дѣла важнымъ и везде надобнымъ надлежитъ приписывать, что онъ разными иными вымышлениями старался непрестанно и чрезъ нѣсколько дѣтъ обносить вашему императорскому величеству ихъ высочество, и ихъ высочествамъ инушать наки неудовольствіе противу вашего императорскаго величества, и темъ вкоренять между императорскою фамиліею несогласіе.

Самолюбіе сего бывшаго министра, и явное предпочтеніе собственной своей пользы и хотѣнія всему тому, что онъ долженствовали вашему императорскому величеству и своей присягѣ, были тому причиною, что точныя и ему извѣстныя Вашего императорскаго величества соизволенія, старался онъ не исполнять, но и тогда умышленно и тайно имъ противиться, когда оныя сами собою приходили ко исполненію, какъ то показуесть отвѣтъ его на допросы отъ 30-го марта же, а являно, что онъ старался графа Понятовскаго и въ то время здѣсь удержать, когда самъ король его отзывалъ, и когда онъ точно вѣдалъ, что пребываніе его здѣсь негодно Вашему императорскому величеству.

На томъ же самолюбіи его и алчвомъ желаніи распространить кредитъ свой на безконечныя вѣки можно бы и то основывать, что онъ самъ вмешался и извѣстную вашему императорскому величеству персону вмешалъ въ невозможную переписку съ Апраксинымъ. Но сей весьма важной пунктъ раздѣляется на два. Оной заключаетъ въ себѣ преступленіе противу государства, должности и присяги, и сугубое оскорбленіе величества.

Преступленіе, что когда онъ изъ держанныхъ ему отъ Апраксина еще до отъѣзда въ Ригу разговоры, и изъ медлительствъ его по прибытіи въ Ригу, заключалъ или виделъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты оттуда выступать и противъ непріятели идти, и когда потому же чувствовалъ, что учиненными великими прѣготовленіями изощаеется и казна Вашего императорскаго величества и все государство напрасно, что претерпеваесть крайнюю нужду бесполезно вмѣстѣ собранная многочисленная армія, что страждетъ всевысочайшее Вашего императорскаго величества достоинство и слава и честь всея имперіи, когда толь торжественныя деклараціи остаются безъ исполненія, и что на конецъ пренебрегаются точныя монаршіи повеленія; то для чего о томъ ни

когда недопосылъ Вашему императорскому величеству. Во всемъ томъ онъ не запирается и проситъ только помилованія.

Но когда притомъ во облегченіе сего преступленія объявляетъ, что онъ старался то поправить, и Апраксина въ походу и дѣйствіямъ побуждать, тогда дѣлается отъ сугубой оскорбитель величества.

Оскорбитель, что почелъ именныя Вашего императорскаго величества указы не такъ дѣйствительными и сильными, какъ собственное его или чье постороннее приказаніе.

Сугубой оскорбитель, что какъ бы ни было, нечувствительно раздѣлялъ онъ чрезъ то монаршую Вашего императорскаго величества самодержавную, Вашему величеству отъ Бога, сколько по крови, более того по душевнымъ дарованіямъ и предъ нимъ заслугамъ или иаче по его къ Россіи благоутробію, безраздельно ввѣренную власть, что нечувствительно въводилъ чрезъ то соправителей, и что самъ дѣлался соправителемъ.

И подлинно, что иное изъ того заключать можно, когда онъ монаршія Вашего императорскаго величества повеленія препровождалъ посторонними и себя ласкалъ, что оныя могутъ произвести лутчее дѣйство, какъ то въ допросахъ Веймарна и его Бестужева отъ сего мѣсяца пространнѣе усматривается.

Что до Апраксина принадлежитъ, то въ учиненномъ ему допросе онъ не заперся, что можетъ быть говорилъ Бестужеву тѣ слова, о которыхъ Бестужевъ объявляетъ, что оныя побудили заключать, что сей фельдмаршалъ охоты не имѣетъ изъ Риги вытти. Но какъ по тому далее неслѣдовало, то комисія не можетъ о томъ болѣе объявить, какъ только, что въ дѣле недозволенной переписки оны равно виновны.

И такъ обращаясь къ Бестужеву комисія находить, что онъ наполнилъ будучи суетными мечтаніями, якобы много или все можетъ собственнымъ своимъ кредитомъ, или иаче интригами коварствомъ и просками, несподелился отъ того и въ то время, когда бывъ арестованъ, имѣлъ чувствовать, что Всемогущій прекратить свое долготерпеніе, такъ какъ Ваше императорское величество отъ природнаго великодушія принуждены были обратиться на конецъ къ правосудію. Ибо и въ томъ будучи состояніи, и зная, что Ваше императорское величество по своему человѣколюбію, не ищите какъ только признанія и раскаянія, не хотѣлъ онъ однакожъ спасеніе свое имъ долженствовать, а старался вынудить себѣ оное новыми и большаго предъ прежними наказанія достойными просками.

Сего ради тотчасъ открылъ онъ писменно такія дѣла, о которыхъ по именному Вашего императорскаго величества повеленію, съ темъ спрашиванъ былъ, дабы подъ смертною казнію не открывать о томъ никому во всю жизнь свою, и чрезъ то сей самой казни здѣлалъ себя достойнымъ, толь иаче, что Генеральной Регламентъ въ главѣ пятьдесятый и за то уже смертную казнь опредѣляетъ, кто только ввѣренное его должности дѣло рановременно или кому не принадлежало умышленно откроетъ, а онъ открылъ такую священную тайну, о которой никто не можетъ помыслить безъ ужаса, какъ то пространнее явствуется въ отвѣтахъ его отъ 25 февраля и въ собственноручныхъ его письмахъ.

Темъ недовольствуясь, и не смотря на то, что собственными своими дѣлами явлю, а совѣстію внутренно еще больше въ преступленіяхъ своихъ изобличаюсь былъ, отважился во время же своего ареста письменно такимъ людямъ научать, что имъ отвѣтствовать, ежели они спрашиваны будутъ, о которыхъ только думалъ, что они спрашиваны будутъ, а другихъ таить о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ самъ ихъ употреблялъ, и о которыхъ онъ того же самаго дня страшными клялся клятвами совсемъ ничего не вѣдать. Доказуютъ то отвѣты бывшаго при немъ регистратора Канцлера и его Бестужева отъ 14 числа минувшаго марта.

Въ такомъ окамененіи сердца пребылъ онъ и до сего часа. На всякое дѣло о которомъ онъ спрашиванъ былъ, изтощены всѣ увѣщаванія и угрозы, дабы получить отъ него повинную или объясненіе. И на всякое же дѣло изтощилъ онъ всѣ страшныя клятвы, дабы заставить вѣрить, якобы ничего о томъ не знаетъ, о чемъ спрашивается, а сколь скоро неоспоримая предълагается ему улика, тогда навиняется слабостію памяти. Отговорка еще больше слабая, и ему же во обвиненіе служащая, ибо, какъ выше показано, онъ и тогда клялся ничего не вѣдать, когда научалъ письменно другихъ таить о томъ, что они къ тому отъ него употреблены были, о чемъ онъ спрашиванъ.

Не одинъ разъ во время многократно повторенныхъ ему допросовъ сіе случилось, но почти при каждомъ пунктѣ, такъ что нижеподписавшіяся уже заключали, что гдѣ нетъ точныхъ и неоспоримыхъ уликъ, признанія, каковы бы велики и справедливы ни были, никогда достаточны не будутъ принудить его къ большому показанію и покаянію; а теперь когда онъ всѣ свои клятвы подтвердилъ самымъ приобщеніемъ на томъ страшнаго таинства тѣла и крови христовы, то и более и справедливее утверждаютъ они во мнѣніи, что дальнѣйшее слѣдствіе непринудить его къ большому чистосердечію, когда уже къ тому и то не сильно было, что христіане имѣютъ наисвященнѣйшаго и страшнѣйшаго.

Подлинно могутъ изъ разбираемыхъ его писемъ и другими незапными иногда случаями оказаться такіа дѣла, которыя послужили бы къ его обвиненію; но какъ напередъ извѣстно, что въ такомъ случае отвѣтствовалъ бы онъ коротко, что утаилъ о томъ отъ забвенія, а не съ умыслу, такъ видится, что все то, что впередъ откроется, не имѣетъ служить, какъ для извѣстія Вашего императорскаго величества. А между темъ ничто не препятствуетъ, паче же требуетъ видиться правосудіе, и собственное Вашего императорскаго величества человеколюбіе, дѣлать скорое решеніе по сему дѣлу.

Преступленія хотя и вкратце вышепрописанныя, дабы не утрудить Ваше императорское величество пространнымъ чтеніемъ мерзостныхъ и гнусныхъ непорочнои Вашего величества душѣ дѣла, однакоже такъ ясны и доказательны, и наказаніе оскорбителямъ величества, преступникамъ монаршихъ повеленій и изменникамъ священнои коронованныхъ главъ тайны, такъ всенародными правами генерально и здѣшными законами точно определено, а именнно смертная казнь, что нижеподписавшіяся ничего отъ себя къ тому присовокупить не смѣютъ и не могутъ; но съ глубочайшимъ благоговеніемъ предають все то въ монаршее Вашего императорскаго величества соизволеніе и милосердіе.

(Собственноручныя подписи): кн. Н. Трубецкой.

А. Бутурлинъ.

гр. А. Шуваловъ.

XVI.

ВИНЫ

Вышнѣго канцлера Вѣстужева.

фельдмаршала Апраксина.

НВ. вины его пространее изображены въ изготовленномъ мѣѣи отъ комисіи, а здѣсь только вкратце главнѣйшія означиваются.

1-е. Что клеветалъ Ея императорскому величеству на ихъ высочества, а въ то же время старался преогорчить и ихъ высочества противу Ея императорскаго величества.

2-е. Что для прихотей своихъ не только неисполнялъ вѣданныя Ея императорскаго величества указы, но еще и тайными просками противился исполненію оныхъ.

3-е. Государственной и противу присяги преступникъ и оскорбитель величества.

Преступникъ, что зная или видѣвъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты изъ Риги выступить и противъ непріятеля итти, и что казна и государство напрасно истощается, а монаршая Ея императорскаго величества слава страждетъ, доносилъ о томъ Ея императорскому величеству.

Оскорбитель величества, что видѣсто должнаго о томъ донесенія Ея императорскому величеству презрѣлъ и силу указовъ Ея, а задумалъ, что можетъ то лучше исправить собственно собою, и влетеніемъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, а чрезъ то нечувствительно въ самодержавное Государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался.

4-е. Вѣстужевъ будучи въ арестѣ открылъ письменно такіа тайны, о которыхъ ему и говорить подь смертною казнію запрещено было.

Апраксинъ въ последнемъ допросѣ показалъ, что можетъ быть имѣлъ и Вѣстужеву оказалъ свое заглаваніе къ началію войны противъ короля прусскаго, зная, что ихъ высочества весьма были склонны къ королю прусскому.

Изъ последняго допросу Апраксина и изъ всѣхъ его къ Вѣстужеву писемъ столько оказывается, что какъ Вѣстужевъ втнулъ великую княгиню въ сію переписку, такъ Апраксинъ подалъ ему поводъ завести сію переписку, ибо всѣми своими письмами твердя и жалувсь, для чего получаетъ указы противныя тому, что при отъѣздѣ говорено, соглашено и постановлено было, всемъ темъ не разумелъ ниаго, какъ несклонность великой княгини къ войнѣ, такъ что Вѣстужевъ почелъ за вужно увѣрить его собственнымъ великой княгини письмомъ, что на копецъ согласуется и она къ началію

5-е. Въ аресте же будучи не только уммышленно предпріялъ обовсемъ ганти, но еще и другихъ тому же научалъ.

6-е. Во время же ареста многократно былъ и присяги и страшныхъ клятвъ преступникъ.

Впротчемъ другихъ мерзостныхъ интригъ столь много, что всѣхъ и описать невозможно.

оной. За что Апраксинъ благодаритъ Вестужева называетъ полученное отъ великой княгини письмо драгоценнымъ для него сокровищемъ и присовокупляетъ, что такимъ образомъ будучи о сентиментахъ уведомленъ, онъ уже совершенно спокоенъ.

XVII.

1758-го года мая 6-го дня генералъ фельдмаршалъ на нижеслѣдующи пункты отвѣтствовалъ:

на 1-е. Что хотя памятуется ему, что онъ всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть, однакоже конечно того не помнить, чтобы получилъ ихъ чрезъ кого інаго какъ чрезъ бывшего канцлера, въ доказательство чему присовокупилъ, что когда послалъ онъ одно письмо отъ себя чрезъ Измайлова, то великая княгиня тотчасъ ему выговаривала, для чего сталъ онъ употреблять другія каналы. Сожалеетъ только онъ что сіе письмо между другими неодрано, о чемъ и прежде дописалъ, что оваго и другаго не нашлося.

на 2-е. Тоже памятуется ему, что и всѣхъ писемъ писалъ великой княгинѣ только два, изъ которыхъ послалъ одно чрезъ Измайлова, а другое конечно чрезъ бывшего канцлера. А по мѣншей мѣрѣ такъ ему памятуется, а ежели бы и чрезъ другаго кого послалъ, то конечно не помнитъ, інакоже всемерно о томъ не узналъ бы, ибо не почиталъ, ихъ важностию и въ томъ утверждается съ клятвою.

на 3-е. Признаваетъ или памятуется ему, что Веймаръ привезъ къ нему въ Ригу письмо великой княгини, и станется, что назвалъ оное канцлерскою фянтою, какою онъ дѣйствительно то и признаваетъ, ибо какъ ни есть складъ въ письмѣ не великой княгини но конечно канцлерской. Съ чемъ же его случалъ того точно не помнить, и думаетъ что было прежде того у него одно письмо великой княгини о примиреніи съ гетманомъ, и такъ чаятельно съ онымъ случалъ. А впротчемъ конечно прежде такихъ писемъ неимѣлъ, которыми бы онъ отъ походу воздерживанъ былъ.

на 4-е. Отмену канцлерскихъ сентиментовъ почитаетъ въ томъ что оной прежде соглашался дабы изъ Риги зимою нейти и къ тому не побуждать, а потомъ сіи поужденіи были чинени непрестанно.

на 5-е. За какія важныя примечаніи въ письмѣ своемъ отъ 12 іюля благодаритъ бывшего канцлера того не помнитъ.

на 6-е. Признаваетъ, какъ и прежде показывалъ, что можетъ быть имѣлъ и оказалъ бывшему канцлеру свое записаніе къ началу войны противу короля прускаго, звалъ, что ихъ высочества складныи были всема къ королю прускому, какъ то при отъздѣ его изъ Петербурга и не тайно было; почему

конечно не скоро повѣрилъ и удивился, какъ возмогъ такъ скоро бывшей канцлеръ привести Ея высочество великую княгиню на другія мысли. Только же несмотря на то онъ хотѣлъ въ теплое время, а не зимою въ походъ идти, усматривая, что то для арміи весьма разорительно было бы.

на 7-е. Осмыслится на отвѣтъ свой въ первомъ и второмъ пункте.

на 8-е. Что канцлерскія о дружбѣ увѣренія называетъ драгоценнѣйшимъ для себя сокровищемъ, то подлинно разумѣлъ темъ присланное ему при оныхъ письмахъ отъ великой княгини.

на 9-е. Во первыхъ не помнитъ, съ какими бы партикулярными наставленіями Веймарна къ канцлеру изъ Риги отправлялъ, а притомъ что до перемены септисметовъ подлежить, то во первыхъ онъ выговориваетъ темъ канцлеру, для чего согласившись сперва здѣсь на мѣсте зимою ничего не начинать, сталъ вдругъ толь великія къ тому повужденія дѣлать, а потомъ что до того времени онъ и дѣйствительно невѣдалъ, что великая княгиня переменяла столько свои мнѣнія.

на 10-е. Подлинно все то Веймарну говорилъ, что оной объявляетъ, а именно, что канцлеръ будетъ уже меня разумѣть, что я пишу, при отъѣздѣ у насъ именно о томъ говорено было, но что темъ всегда неразумѣлъ более какъ только что канцлеръ соглашался самъ зимою ничего не начинать.

Правда же и то, что говорилъ о канцлере, что онъ подкупленъ венскимъ и саксонскимъ дворами, да и теперь то думаетъ, однакоже по одному только мнѣнію, а впротчемъ конечно ничего не знаетъ, а ежелибы зналъ, то конечно не ожидалъ бы выпѣшняго времени о томъ Ея императорскому величеству по рабской должности донести.

Впротчемъ влечется какъ предъ самимъ Богомъ, такъ и предъ Ея императорскимъ величествомъ, что сколько въ слабой его памяти состояло, и что онъ по слабости своей принамятовать могъ, то конечно все ничего не скрывая объявить, ибо ему никогда и въ мысль не приходило оправданія приносить, а единственно просить только о матернемъ милосердіи и помилованіи.

Степанъ Абрамичъ. *(собственноручная подпись)*

XVIII.

1769 г. января 2 числа предъ комиссіею въ собраніи бывшей канцлеръ Бестужевъ призванъ и показана ему была золотая табакирка; при показаніи же спрашиваетъ онъ, что откуда онъ ту табакирку получилъ, чей въ ней портретъ и знала ли о томъ жена и сынъ его и кто оную табакирку делалъ.

На что онъ ответствовалъ, что ту табакирку пожаловала ему до аресту его за несколько месяцевъ во дворце на куртатѣ великая княгиня,

жена же его и сынъ какъ онъ помнить о той табакирке отъ кого она ему пожалована и что въ ней портретъ великой княгини, не знали; хотя онъ ее и не мало носилъ, такъ что за несколько дней забывшись оставилъ ее у жены на уборномъ столике; кто же ее делалъ того онъ не знаетъ. И въ томъ показавъ сущую правду.

XIX.

Проектъ манифеста

Божіею милостию мы Елисаветъ первая императрица и самодержица все-російская, и прочая и прочая и прочая.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе

Недавно публикованнымъ манифестомъ нашимъ объявлено, что бывшій канцлеръ Веструевъ-рюминъ арестованъ, и лишенъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ немалые какъ за оскорбленіе величества, и что поведеніе его повелѣли мы изслѣдовать чрезъ нарочно учрежденную при дворѣ нашемъ комисію.

Главные пункты его преступленій, будучи гораздо прежде извѣстны и доказаны, нежели поступилъ мы на сію природному нашему великодушію и милосердію весьма противную строгость, мы сямъ изслѣдованіемъ не только искали открыть его безбѣжныя само собою открывшіяся уже дѣла, какъ наче привести его въ раскаяніе, и получа чистосердечное его во всемъ признаніе, получить средство къ его помилованію, непренебрегая должнаго правосудія.

Нескрито было отъ него, что мы не ищемъ какъ только сего признанія. Весьма умягченная строгость ареста, содержаніе его въ собственномъ его домѣ вмѣсто обыкновеннаго преступникамъ мѣста, позволеніе пользоваться всемъ его имѣніемъ, и наконецъ среди самаго гнѣва оставленнаго ему многія знаки прежней нашей милости, довольно ему то показывали.

Однимъ словомъ комисія назначена была, выслушивать болше добровольныя его показанія и признаніе, нежели обыкновенною строгостию, которой съ нимъ ни мало употреблено небыло, вынудить оныя.

Но какъ не по заслугамъ показанныя ему отъ насъ милости и благодѣяніи воздалъ онъ неблагодарностию и нарушеніемъ присяги и вѣрности, такъ употребленную въ арестѣ его умягченность заплатилъ безпримѣрнымъ упорствомъ и жестокосердіемъ, и избавленіе свое отъ праведнаго наказанія хотѣлъ долженствовать не нашему великодушію и своему раскаянію, но тѣмъ же мерзостнымъ дѣламъ и проискамъ, которыми праведной нашъ гнѣвъ на себя подвинулъ.

Когда въ первой разѣ допрашиванъ онъ былъ, а въ тоже время смертною казнію запрещено ему неоткрывать о томъ ничего и никому во всю жизнь свою, то нашелъ онъ способъ тогдаже неточно открыть о томъ писменно, но и подавать неоднократно всѣмъ тѣмъ наставленіе, что имъ отвѣтствовать, ежели спрашиваны будутъ, о которыхъ только думать могъ, что ихъ спрашивать будутъ.

О всемъ прочемъ съ такимъ упорствомъ предпріялъ такъ, что въ то время, когда клялся всѣми ужасными клятвами, и самимъ таинствомъ тѣла

*) Съ нѣкоторыми, несущественными, впрочемъ, измѣненіями, манифестъ отъ 5-го апрѣля 1759 г. напечатанъ въ П. С. З., подъ № 10940.

и крови спасителя нашего, ничего не вѣдать, нашлись его писма, которыми онъ другихъ научалъ, дабы они тамъ, ежели спрашиваны будутъ, что онъ употреблялъ ихъ въ тѣхъ дѣлахъ орудіями, о которыхъ былъ спрашивать, и въ которыхъ заперся съ клятвою.

Но собственной его руки доказательства и другіе свидетельства, противу которыхъ не могъ онъ более, какъ только просить о нашемъ помилованіи награждали то, чего отъ упорства его никакими увещаніями получить не можно было.

Сими неоспоримыми доказательствами (уличень) изобличень онъ: 1-е, что противно соизволенію нашему присвоилъ себѣ многіи ему непринадлежащія дѣла, и всякими непозволеними образами искалъ разпространить власть свою, не для того, чтобъ забравъ на себя больше по мѣрѣ того умножить свою ревность и усердіе къ службѣ нашей, но къ крайнему оной предосуденію только для того, дабы шаружно удовлетворять безмѣрное свое тщеславіе и властолюбіе; 2-е, (что по отправленію такихъ дѣлъ, которыя составляютъ существенную часть монаршескихъ регалей употреблялъ людей совсемъ постороннихъ и такихъ, кои ни къ какимъ другимъ дѣламъ допущены быть не имѣли) имѣяны наши ему точно даванныя повеленія, когда оныя несогласовались съ пристрастными и самолюбивыми его хотѣніями, не токмо не исполнялъ съ надлежащимъ усердіемъ, но дѣйствительно и тогда исполненіе оныхъ тайными происками препятствовалъ, когда оныя сами собою приходили ко исполненію; 3-е, гдѣ усматривалъ великой и существенной ущербъ нашимъ интересамъ и всей имперіи, о томъ не токмо по должности и присягѣ намъ доносилъ, и умыленно для своихъ пристрастей и видовъ тамъ; но на конецъ 4-е, къ крайнему оскорбленію величества вздумалъ собственныя свои приказанія признавать важнѣйшими и дѣйствительнѣйшими нашихъ повеленій, и такъ разсмая свои безъ нашего вѣдома, и часто въ противность нашимъ соизволеніямъ дѣлалъ себя чрезъ то соправителемъ; 5-е, не можемъ мы безъ внутренняго прискорбія упомянуть, что сей невѣрной и единственно о тщеславіи своемъ пекущейся министръ, послѣдуя безразсудному и слепому своему желанію, бытъ и безъ дѣла важнымъ и вездѣ надобнымъ не устранился обносить намъ разными злостными своими вымысленіями ихъ императорскихъ высочествъ нашего любезнѣйшаго племянника и наследника великаго князя, и нашу любезнѣйшую племянницу великую княгиню, а въ тоже время злостнѣйшими еще внушеніями старался умалить въ ихъ высочествахъ должную къ намъ любовь и почитаніе, и несмотря на то, что ухищренія его непредусиѣвали, не престалъ однакоже продолжать оныя, до того времени, пока не тощилъ наше терпеніе.

(Протція весьма тяжія его преступленія подробно изображать, было бы и весьма пространно и тѣмъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе размерлемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію).

Въ прочемъ между взятыми его писмами найдемъ проекты писанныя собственною его рукою, и содержащія въ себѣ такіа дальновидныя замыслы и расположенія (которыми онъ уста себя и приготавливалъ (на многихъ) вѣрными и усердными намъ подданными), которыми онъ явно показываетъ свое

недобро(желательство) хотство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью; но о томъ и другихъ его тяжкихъ преступленіяхъ и найденныхъ вредительныхъ (проектахъ) умышлахъ пространно изображать было бы темъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе разсмѣряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію, ибо вмѣсто заслуженной и по слѣдствію приговоренной смертной казни, повелели мы (по безпримерному милосердію) сослать его тожко въ собственныя его деревни, дабы другихъ охранить отъ уловленія мерзкими ухищреніями сего въ томъ состарѣвшагосъ злодѣя.

Имѣніе его все, какъ собственное, такъ и отъ нашихъ щедротъ полученное, надлежало бы всецѣло конфисковать, когда онъ милости наши и благодѣянія воздастъ толчкою неблагодарностію; однакоже и то, по взысканіи съ него должныхъ намъ въ казну нашу знатныхъ денежныхъ суммъ, ему оставлемъ, такъ какъ и женѣ его и сыну на волю предали, съ нимъ-ли ѣхать и жить, или другое мѣсто для житія своего избрать (такъ что однимъ словомъ сколь безпримерное его злодѣяніе толь редко и подобное ему великодушіе).